

ISSN 2500-3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 4 2025 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

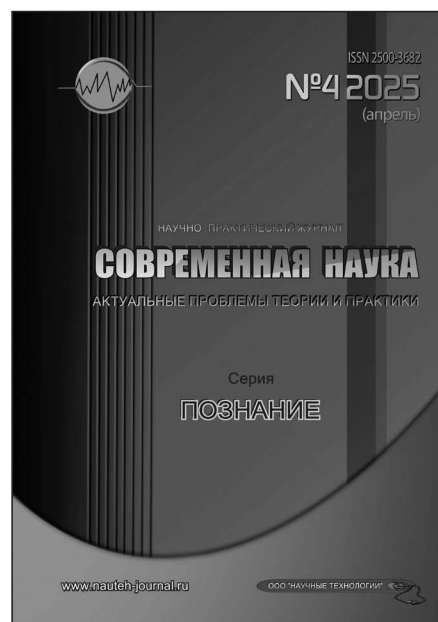
Подписано в печать 11.04.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №4 (апрель) 2025 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 5.3x, 5.7x, 5.10x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Белавина И.М. – Культур-медицинские риски современной глобализации
Belavina I. – Cultural and medical risks of modern globalization. 5

Ду Куньян – Оперное творчество Цзинь Сяна как пример нового понимания жанра оперы в Китае
Du Kunliang – Opera by Jin Xiang as an example of a new understanding of the opera genre in China 9

Пак А.И. – Образы войны в творчестве Отто Дикса
Pak A. – Images of war in the works of Otto Dix. 12

Петрухина А.С., Шангуа И.Э. – Влияние русского культурного кода на моду в России
Petrukhina A., Shangua I. – The influence of Russian cultural code on fashion in Russia. 17

Свирская Е.В. – Жанр мессы в английской дореформационной музыкальной культуре: характеристика и особенности развития
Svirskaya E. – The genre of the Mass in the English Pre-Reformation musical culture: characteristics and development features. 20

Хань Цюаньхуэй, Чжу Яфэй – Город Янлоудун Китая — важное начало Великого чайного пути
Han Quanhui, Zhu Yafei – City Yangluodong of China — an important beginning of the Great Tea Road 27

Юй Нин – Работа в классе фортепиано над оркестровыми тембрами в фортепианной фактуре
Yu Ning – Working in piano class on orchestral timbres in piano texture. 32

Психология

Барыльник С.Н. – Роль установок в отношении будущего как оснований оптимизма в вариациях патриотизма молодежи
Barylnik S. – The role of attitudes toward the future as grounds for optimism in variations in youth patriotism 36

Домбрин И.М. – Факторы развития познавательных способностей ребёнка в пост-неклассическом видении
Dombrin I. – Factors development of the child's cognitive abilities in the post-non-classical vision. 41

Коваленко М.А. – Научно-прикладные аспекты развития наблюдательности профайлера посредством технологии «neuro skills»
Kovalenko M. – Scientific and applied aspects of developing the observation skills of a profiler using the "neuro skills" technology 47

Ли Н.А. – Анализ эмпирических исследований когнитивных функций подростков с СДВГ сквозь призму педагогической психологии
Li N. – Analysis of empirical studies of cognitive functions of adolescents with ADHD through the prism of educational psychology 52

Ли Чжэньхао – Обзор влияния практики тай-чи на нейрофизиологические показатели эмоциональной регуляции
Li Zhenhao – Review of the impact of tai chi practice on neurophysiological indicators of emotional regulation 57

Непомнящий А.В., Завада С.С. – Особенности осознанности у лиц, склонных к компьютерной зависимости
Nepomnyashchiy A., Zavada S. – Peculiarities of mindfulness in individuals prone to computer addiction 63

Павленко А.Н. – Формирование эмоционально-регулятивного компонента профессиональной идентичности студентов-психологов, обучающихся в малых группах
Pavlenko A. – Formation of the emotional-regulatory component of professional identity of psychology students studying in small groups 70

Попова Ю.И., Петьков В.А., Демченко Н.Ю., Булах К.В., Кудина Я.В. – Супервизия в психотерапии невротических клиентов
Popova J., Petkov V., Demchenko N., Bulakh K., Kudina Ya. – Supervision in the psychotherapy of neurotic clients 75

Ушанова Н.В. – Агрессивное поведение личности в виртуальном пространстве: формы, причины, характеристики

Ushanova N. – Aggressive behavior of an individual in virtual space: forms, reasons, characteristics 79

Хамзина Ю.С., Хамзин Т.Х. – Эмпирическое исследование типологии руководителей по управлению возможностями в кризис

Khamzina Yu., Khamzin T. – An empirical study of the typology of managers in managing opportunities in crisis 83

Философия

Кутовой Д.А. – Социально-коммуникативные теории и практики модернизации политической власти в условиях цифровизации общественных отношений

Kutovoy D. – Social and communicative theories and practices of modernization of political power in the conditions of digitalization of public relations 91

Пак Э.Е. – Методологические основы кризисов в математике и их связь с возникновением парадоксов

Pak E. – Methodological foundations of crises in mathematics and their connection with the emergence of paradoxes 96

Скопа В.А. – Культурфилософское осмысление семьи как социального феномена

Skopa V. – Cultural-philosophical understanding of the family as a social phenomenon 103

Информация

Наши авторы. Our Authors.....108

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале109

КУЛЬТУР-МЕДИЦИНСКИЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Белавина Ирина Михайловна

Аспирант, Московский государственный
институт культуры (Химки)
belavinaira@mail.ru

CULTURAL AND MEDICAL RISKS OF MODERN GLOBALIZATION

I. Belavina

Summary: The article "In Medicine" examines the risks of modern culture and globalization through the prism of the transformation of the value foundations of healthcare. The author analyzes four aspects of this problem: the universalization of liberal values, commercialization, technologization of medicine and bioethical challenges. By revealing the dialectic of globalization processes, the work not only identifies potential threats of dehumanization and loss of cultural diversity in the medical field, but also outlines the contours of a new humanism in healthcare. The study shows that awareness of these risks creates the preconditions for the formation of a new humanistic approach to healthcare, integrating the achievements of modern science and technology with the values of respect for the individual, cultural diversity and social justice. Particular attention is paid to the prospects for the development of personalized medicine as a way to overcome cultural-medical risks and humanize healthcare in the context of globalization.

Keywords: globalization, healthcare, cultural and medical risks, commercialization of medicine, personalized medicine.

Аннотация: В статье исследуются культур-медицинские риски современной глобализации через призму трансформации ценностных основ здравоохранения. Автор анализирует четыре аспекта данной проблемы: универсализацию либеральных ценностей, коммерциализацию, технологизацию медицины и биоэтические вызовы. Раскрывая диалектику глобализационных процессов, работа не только выявляет потенциальные угрозы дегуманизации и утраты культурного многообразия в медицинской сфере, но и намечает контуры нового гуманизма в здравоохранении. Исследование показывает, что осознание этих рисков создает предпосылки для формирования нового гуманистического подхода в здравоохранении, интегрирующего достижения современной науки и технологий с ценностями уважения к личности, культурному разнообразию и социальной справедливости. Особое внимание уделяется перспективам развития персонализированной медицины как способа преодоления культур-медицинских рисков и гуманизации здравоохранения в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобализация, здравоохранении, культур-медицинские риски, коммерциализация медицины, персонализированная медицина.

Введение

Научно-технический прогресс, являющийся катализатором современных глобализационных процессов, способствует распространению знаний, технологий, капитала и прочих потоков в мировом масштабе [2; 9]. Глобализация, будучи многомерным феноменом, затрагивает не только экономическую, но и социокультурную сферу жизни общества. Несмотря на существенный рост уровня здравоохранения за последнее столетие, обусловленный интегративным научно-экономическим подходом в данной области, культурное пространство оказывается под угрозой в условиях глобализирующегося мира.

Ряд исследователей подчеркивает, что смешение культур и присущих им ценностных ориентиров приводит к размыванию аксиологических основ социума [1; 4]. Коммерциализированный аспект глобализации, стремление утвердить партикулярные интересы над универсальными ценностями способствуют возникновению культур-медицинских рисков. Данная проблема приобретает особую актуальность в свете гуманизации медицины, произошедшей в последние несколько ве-

ков [7]. Внедрение психологических и гуманистических принципов, развитие щадящих медицинских технологий сталкиваются с вызовами глобализирующегося мира, в котором культурные различия нивелируются, а ценностные ориентиры размываются.

Можно утверждать, что глобализация, будучи неоднозначным и многоаспектным процессом, порождает не только позитивные эффекты в виде распространения знаний и технологий, но и культур-медицинские риски, связанные с трансформацией ценностных основ социума. Всестороннее осмысление данной проблематики представляется необходимым для выработки стратегий минимизации негативных последствий глобализации в сфере здравоохранения и сохранения культурного многообразия мира.

Основная часть

Глобализация, представляя собой многомерный процесс интеграции и взаимозависимости различных сфер жизни общества в мировом масштабе, оказывает существенное влияние на трансформацию культурных ценностей и нравственно-гуманистических ориентиров

современности [1]. Интенсификация межкультурных контактов и взаимопроникновение ценностных систем, обусловленные развитием информационно-коммуникационных технологий и глобальных медиа, приводят к размыванию традиционных моральных императивов и формированию новых этических дилемм в различных сферах общественной жизни, в том числе в здравоохранении.

Одним из основополагающих аспектов культурной глобализации является универсализация либерально-демократических ценностей, которые выражены в понятиях индивидуализма, свободы выбора, плюрализма [4]. Данные ценности, имея западное происхождение [3], в процессе глобализации приобретают статус общечеловеческих и распространяются на различные культурные контексты, что приводит к трансформации локальных этических систем и моделей социальной регуляции.

Культур-медицинские риски современной глобализации проявляются в нескольких аспектах, которые, для большей наглядности, были систематизированы в виде таблицы (Табл. 1).

Во-первых, универсализация либеральных ценностей в медицине приводит к абсолютизации принципа автономии пациента и недооценке роли социокультурного контекста в процессе принятия медицинских решений. Данная тенденция, с одной стороны, способствует утверждению принципов автономии пациента и информированного согласия, что, несомненно, является прогрессивным шагом в развитии медицинской этики. Однако, при более глубоком анализе, становится очевидным, что абсолютизация этих принципов может привести к ряду негативных последствий. Прежде всего, необходимо отметить, что концепция автономии пациента, являясь продуктом западной либеральной философии, не всегда органично вписывается в культурные контексты не западных обществ. В культурах с сильными коллективистскими традициями, где решения о здоровье и лечении традиционно принимаются в рамках семьи или общины, индивидуалистический подход может вызывать когнитивный диссонанс и психологический дис-

комфорт у пациентов. Это, в свою очередь, может негативно сказываться на эффективности лечения и уровне доверия к медицинским учреждениям. Более того, чрезмерный акцент на индивидуальной ответственности за здоровье, характерный для либеральной модели, может приводить к игнорированию социальных детерминант здоровья. Такой подход потенциально способствует усилению стигматизации и обвинению пациентов в их заболеваниях, особенно в случаях, связанных с образом жизни (например, ожирение, диабет 2 типа, некоторые сердечно-сосудистые заболевания). Это не только противоречит принципам социальной справедливости, но и может приводить к снижению эффективности профилактических мер на популяционном уровне.

Переходя ко второму аспекту культур-медицинских рисков глобализации – коммерциализации здравоохранения, следует отметить, что данная тенденция имеет глубокие исторические корни и связана с общими процессами экономической глобализации и распространением неолиберальной идеологии. За последние 15 лет (2005-2021), как отмечается в исследованиях, в Российской Федерации оборот предприятий здравоохранения коммерческого типа поднялся со 125 млрд. р. до 4,03 трлн. рублей, что свидетельствует о реализации экономического потенциала медицинской сферы [5]. Однако трансформация здоровья в товар и ориентация системы здравоохранения на извлечение прибыли представляют собой комплексное явление, имеющее далеко идущие последствия для медицинской этики, качества медицинской помощи и общественного здоровья в целом. Прежде всего, коммерциализация здравоохранения приводит к размыванию границ между медициной как социальным институтом, призванным служить общественному благу, и бизнесом, ориентированным на максимизацию прибыли. Это противоречие проявляется на различных уровнях системы здравоохранения – от индивидуальных врачебных практик до деятельности крупных фармацевтических компаний и медицинских корпораций.

На микроуровне коммерциализация может искажать мотивацию медицинских работников, создавая стимулы

Таблица 1.

Культур-медицинские риски современной глобализации.

Аспект	Характеристика	Последствия
Универсализация либеральных ценностей в медицине	Абсолютизация принципа автономии пациента	Игнорирование социокультурного контекста принятия медицинских решений
Коммерциализация здравоохранения	Превращение здоровья в товар, ориентация на прибыль	Размывание ценностей солидарности и социальной ответственности
Технологизация медицины	Доминирование инструментального подхода к пациенту	Дегуманизация медицины, утрата ценностей сострадания и заботы
Биоэтические вызовы глобализации	Этические дилеммы, связанные с развитием биомедицинских технологий	Размывание представлений о границах допустимого вмешательства в человеческую жизнь

для назначения избыточных диагностических процедур и дорогостоящих методов лечения, даже когда они не являются строго необходимыми с медицинской точки зрения. Это не только увеличивает финансовое бремя для пациентов и систем медицинского страхования, но и потенциально подвергает пациентов неоправданным рискам, связанным с медицинскими вмешательствами.

На макроуровне коммерциализация здравоохранения проявляется в приватизации медицинских учреждений, внедрении рыночных механизмов в систему финансирования здравоохранения и усилении роли частного медицинского страхования. Эти процессы, хотя и могут способствовать повышению эффективности и инновационности в некоторых аспектах, нередко приводят к усилению неравенства в доступе к медицинской помощи. Социально уязвимые группы населения – малоимущие, пожилые, хронически больные – оказываются в особенно неблагоприятном положении, сталкиваясь с финансовыми барьерами в доступе к необходимому лечению.

Особую озабоченность вызывает влияние коммерциализации на приоритеты в области медицинских исследований и разработок. Фармацевтические компании и производители медицинского оборудования, руководствуясь логикой рынка, склонны концентрировать свои усилия на разработке препаратов и технологий, ориентированных на платежеспособный спрос в развитых странах. В результате заболевания, характерные для бедных стран (так называемые "забытые болезни") [8], и редкие заболевания часто остаются без должного внимания со стороны исследователей и разработчиков.

Коммерциализация здравоохранения также оказывает влияние на характер отношений между врачом и пациентом, трансформируя их в своего рода товарно-денежные отношения. Это может подрывать доверие пациентов к медицинским работникам и системе здравоохранения в целом, что критически важно для эффективности лечения и профилактики заболеваний. Важно отметить, что коммерциализация здравоохранения не является неизбежным или необратимым процессом. Многие страны, в том числе и Россия, стараются реализовывать модели здравоохранения, основанные на принципах солидарности и социальной справедливости, сочетая элементы рыночных механизмов с сильной государственной регуляцией и общественным контролем.

Третий аспект культур-медицинских рисков глобализации – технологизация медицины – представляет собой явление, тесно связанное с общими тенденциями научно-технического прогресса и цифровизации общества. С одной стороны, внедрение передовых технологий в медицинскую практику открывает широкие возможности для диагностики, лечения и профилактики заболеваний.

С другой стороны, доминирование технологического подхода в медицине несет в себе риски дегуманизации и утраты целостного взгляда на пациента как на личность.

Прежде всего, необходимо отметить, что технологизация медицины существенно изменила характер взаимодействия между врачом и пациентом. Широкое использование диагностического оборудования, компьютерных систем поддержки принятия решений и телемедицинских технологий приводит к тому, что непосредственный физический контакт между врачом и пациентом сокращается. Это может негативно сказываться на качестве коммуникации, затруднять установление доверительных отношений и снижать способность врача воспринимать пациента как целостную личность, а не набор симптомов и показателей приборов [6].

Кроме того, технологизация медицины поднимает ряд этических вопросов, связанных с конфиденциальностью медицинских данных, информированным согласием пациентов на использование их данных в исследовательских целях, а также с потенциальными рисками дискриминации на основе генетической информации. Развитие технологий искусственного интеллекта в медицине создает новые вызовы, связанные с ответственностью за принятие медицинских решений и потенциальной предвзятостью алгоритмов. Однако было бы ошибочно рассматривать технологизацию медицины исключительно в негативном свете. Передовые медицинские технологии позволяют спасать жизни, улучшать качество жизни пациентов с хроническими заболеваниями, проводить раннюю диагностику и персонализировать лечение. Задача заключается в том, чтобы найти баланс между технологическими возможностями и гуманистическими ценностями медицины.

Наконец, продолжая ранее упомянутый этический дискус, необходимо сказать, что глобализация порождает новые биоэтические вызовы, связанные с развитием биомедицинских технологий, таких как геновая инженерия, клонирование, трансплантология, репродуктивные технологии. Данные технологии расширяют возможности вмешательства в человеческую жизнь на самых ранних этапах и ставят под вопрос фундаментальные представления о границах допустимого манипулирования человеческой природой.

Одним из центральных вопросов в этом контексте является проблема генетической модификации человека. Развитие технологий редактирования генома, таких как CRISPR-Cas9, позволяет вносить точечные изменения в ДНК человека, открывая перспективы для лечения генетических заболеваний на эмбриональной стадии. Однако эти же технологии потенциально могут быть использованы для "улучшения" человеческих характеристик, что поднимает вопросы о границах между терапией и евгеникой.

Репродуктивные технологии – например, экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) и суррогатное материнство, хотя и помогают многим парам преодолеть проблемы бесплодия, также создают ряд этических проблем. Вопросы о статусе эмбрионов, созданных *in vitro*, о правах и обязанностях суррогатных матерей, о допустимости селекции эмбрионов по генетическим характеристикам – все это требует тщательного этического и правового регулирования.

Однако, несмотря на указанные риски, глобализация создает предпосылки для развития нового гуманизма в здравоохранении, основанного на признании универсальных прав человека и ценности культурного разнообразия. Осознание глобальной взаимозависимости и общности вызовов, стоящих перед человечеством, таких как пандемии, экологические угрозы, социальное неравенство, способствует утверждению ценностей солидарности, социальной ответственности, глобальной справедливости в сфере охраны здоровья.

Развитие глобального биоэтического дискурса, направленного на выработку универсальных этических принципов в контексте культурного плюрализма, позволяет преодолеть ограниченность как либерального индивидуализма, так и партикуляристского релятивизма в медицинской этике. Признание общечеловеческого достоинства пациента и уважение к культурным особенностям, влияющим на процесс принятия медицинских решений, становятся основой для нового гуманистического подхода в здравоохранении.

Одним из примеров реализации данного подхода

является развитие персонализированной медицины, основанной на учете индивидуальных биологических и социокультурных характеристик пациента при разработке терапевтических стратегий. Интеграция достижений геномики, биоинформатики, социальных наук позволяет создавать индивидуализированные программы профилактики и лечения заболеваний, учитывающие уникальный генетический профиль, образ жизни, ценностные установки пациента. Персонализированный подход способствует гуманизации медицины, преодолению ее технократической ограниченности и утверждению ценностей уважения к личности и автономии пациента. Кроме того, во врачебном дискурсе важно утверждать ценности сострадания, заботы, уважения достоинства как для неизлечимо больных людей, так и для людей в целом как вида, неизбежно подверженного болезням самой разной направленности и степени серьезности.

Заключение

Итак, новый гуманизм в здравоохранении, основанный на признании универсальных прав человека и ценности культурного разнообразия, представляет собой перспективную стратегию минимизации культур-медицинских рисков современной глобализации. Утверждение ценностей сострадания, заботы, социальной ответственности и справедливости как основы профессиональной идентичности врача является необходимым условием преодоления культур-медицинских рисков современности и построения здравоохранения, отвечающего вызовам и возможностям глобализирующегося мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. - М.: Весь Мир, 2004. - 188 с.
2. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - 304 с.
3. Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Вопросы философии. 2008. № 2.
4. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С.Л. Лопатиной, под ред. М.А. Завадской, В.В. Костенко, А.А. Широкаковой. - М.: Мысль, 2018. - 347 с.
5. Красова Е.В., Сверчкова А.Д. Коммерческая медицина в России: тенденции развития и факторы спроса. Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание] 2022; 68(4):8. Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1398/30/lang,ru/>. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-4-8.
6. Ушаков, Е.В. Технологизация медицины и гуманитарные характеристики медицинской помощи / Е.В. Ушаков // Социально-экономическое развитие: актуальные вопросы и современные аспекты: монография. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 17-26. – EDN QQS0VT.
7. Халваши, М.Э. Проблема гуманизации медицины / М.Э. Халваши, А.Г. Заховаева // XIII Областной фестиваль "Молодые ученые - развитию Ивановской области": Материалы III Всероссийской образовательно-научной конференции студентов и молодых ученых с международным участием, Иваново, 10–14 апреля 2017 года. Том 2. – Иваново: Ивановская государственная медицинская академия, 2017. – С. 84-85. – EDN ZVMFUB.
8. Hotez PJ, Aksoy S, Brindley PJ, Kamhawi S (January 2020). "What constitutes a neglected tropical disease?". PLOS Neglected Tropical Diseases. 14 (1): e0008001. doi:10.1371/journal.pntd.0008001. PMC 6991948. PMID 31999732.
9. Robertson R. The Three Waves of Globalization: A History of a Developing Global Consciousness. - London: Zed Books, 2003. - 288 p.

© Белафина Ирина Михайловна (belavinaira@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПЕРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ЦЗИНЬ СЯНА КАК ПРИМЕР НОВОГО ПОНИМАНИЯ ЖАНРА ОПЕРЫ В КИТАЕ

Ду Куньян

Аспирант, МГУ имени М. В. Ломоносова
dukunliang34577@gmail.com

OPERA BY JIN XIANG AS AN EXAMPLE OF A NEW UNDERSTANDING OF THE OPERA GENRE IN CHINA

Du Kunliang

Summary: In the 20th century, Chinese opera underwent significant changes, reflecting the social, cultural and political transformations taking place in the country. This work examines the contribution of the composer Jin Xiang to the development of this genre, its innovative approaches and artistic characteristics, which have become significant for the era. Jin Xiang, as one of the prominent representatives of modern Chinese musical art, used traditional elements of opera, combining them with new musical forms and styles. His works are distinguished by deep emotionality, expressiveness of melodies and original arrangements, which made it possible to attract the attention of a wide audience and update the repertoire of Chinese opera. The work analyzes key aspects of Jin Xiang's work, including its influence on the development of the musical language, the use of folk melodies and the integration of Western musical elements. Changes in the subject matter and content of opera works are also considered, reflecting changes in the public consciousness and cultural identity of China in the twentieth century.

Keywords: Chinese opera, contemporary musical art, composer Jin Xiang.

Аннотация: В XX веке китайская опера претерпела значительные изменения, отражая социальные, культурные и политические трансформации, происходившие в стране. В данной работе рассматривается вклад композитора Цзинь Сяна в развитие этого жанра, его новаторские подходы и художественные характеристики, которые стали знаковыми для эпохи. Цзинь Сян, как один из ярких представителей современного китайского музыкального искусства, использовал традиционные элементы оперы, сочетая их с новыми музыкальными формами и стилями. Его произведения отличаются глубиной эмоциональностью, выразительностью мелодий и оригинальными аранжировками, что позволило привлечь внимание широкой аудитории и обновить репертуар китайской оперы. В работе анализируются ключевые аспекты творчества Цзинь Сяна, включая его влияние на развитие музыкального языка, использование народных мелодий и интеграцию западных музыкальных элементов. Также рассматриваются новшества в тематике и содержании оперных произведений, отражающие изменения в общественном сознании и культурной идентичности Китая в XX веке.

Ключевые слова: китайская опера, современное музыкальное искусство, композитор Цзинь Сян.

Развитие китайской оперы в XX веке представляет собой сложный и многогранный процесс, отмеченный как сохранением традиционных форм, так и внедрением новых элементов, отражающих социокультурные изменения эпохи. Этот период характеризуется активным взаимодействием с западной культурой, политическими реформами и стремлением к модернизации искусства.

Цзинь Сян (1918-1984) является видным представителем китайской оперной традиции, чье творчество отражает эволюцию жанра в указанный период. Его произведения демонстрируют как глубокое знание классических канонов, так и новаторский подход к композиции, оркестровке и драматургии. Композитор стремился к созданию опер, сочетающих в себе традиционные китайские мелодии и гармонии с элементами западной музыкальной техники [4, с. 56].

Вклад Цзинь Сяна в развитие китайской оперы заключается в его способности адаптировать классические сюжеты и персонажей к современному контексту, сохраняя при этом их аутентичность. Его оперы стали

важной частью репертуара китайских театров и оказали значительное влияние на формирование национальной идентичности в искусстве [1, с. 10].

Художественные характеристики опер Цзинь Сяна включают в себя использование традиционных китайских инструментов в сочетании с западным симфоническим оркестром, что создает уникальное звуковое пространство. Вокальные партии в его операх отличаются виртуозностью и эмоциональной выразительностью, а хоровые сцены – масштабностью и драматизмом.

Наследие Цзинь Сяна продолжает изучаться и переосмысливаться современными исследователями. Анализ его партитур выявляет мастерское использование пентатоники и гомофонных ритмов, характерных для китайской народной музыки, в сочетании с приемами мотивной разработки и гармонической прогрессии (прим. гармоническая прогрессия в музыке - это последовательность аккордов, которая создает определенное эмоциональное и гармоническое напряжение, а также способствует развитию музыкальной идеи), заимствованными из европейской классической традиции.

Особое внимание в операх Цзинь Сяна уделяется сценографии и костюмам. Он активно сотрудничал с художниками и дизайнерами, стремясь к созданию визуально впечатляющих постановок, отражающих как исторический контекст, так и символическое значение сюжета [2, с. 43].

Влияние Цзинь Сяна на последующие поколения китайских композиторов прослеживается в их стремлении к созданию опер, сочетающих в себе национальную идентичность и современные музыкальные тенденции. Его работы стали образцом для подражания и источником вдохновения для многих авторов, стремящихся к развитию китайской оперы в XXI веке.

Таким образом, Цзинь Сян внес неоценимый вклад в формирование китайской оперной школы XX века, его творчество является важным свидетельством культурного обмена и синтеза традиций в эпоху модернизации.

Китайская опера, как одна из самых древних и богатых форм театрального искусства, претерпела значительные изменения в XX веке. Этот период стал временем экспериментов и трансформаций, когда традиционные элементы сталкивались с новыми идеями и стилями. В данной статье мы рассмотрим развитие и изменения китайской оперы в XX веке на примере творчества композитора Цзинь Сяна, который стал одной из ключевых фигур в этом процессе. В работе проанализированы ключевые аспекты творчества Цзинь Сяна, включая его влияние на развитие музыкального языка, использование народных мелодий и интеграцию западных музыкальных элементов. Также рассматриваются изменения в тематике и содержании оперных произведений, отражающие изменения в общественном сознании и культурной идентичности Китая в XX веке [5, с. 65].

XX век стал временем глубоких социальных и политических изменений в Китае. Революции, войны и культурные движения, такие как Культурная революция, оказали значительное влияние на все сферы жизни, включая искусство. Китайская опера, традиционно ассоциируемая с императорским двором и народными праздниками, начала адаптироваться к новым реалиям. В это время возникли новые жанры и стили, которые сочетали в себе элементы традиционной оперы и западной музыки. Цзинь Сян: биография и творчество Цзинь Сян 1910–1997 – выдающийся композитор и дирижер, чье творчество стало символом перехода китайской оперы к современным формам. Родившись в семье музыкантов, он с раннего возраста погрузился в мир музыки и театра. Обучение в консерваториях Китая и Европы дало ему возможность сочетать традиционные китайские музыкальные элементы с западными техниками композиции [9, с. 86].

Цзинь Сян стал известен благодаря своим операм, которые отличались новаторским подходом к музыкальной структуре и драматургии. Его работы часто включали элементы, которые ранее не использовались в традиционной китайской опере, такие как сложные гармонии, разнообразные ритмические структуры и использование современных инструментов. Это позволило ему создать уникальный стиль, который сочетал в себе как традиционные китайские мелодии, так и западные музыкальные формы. Одной из наиболее известных опер Цзинь Сяна является «Сон в красном тереме», основанная на классическом китайском романе [7, с. 65]. В этой опере композитор использовал богатую палитру звуков и выразительных средств, чтобы передать эмоциональную глубину и сложность персонажей. Музыка в этой опере не только поддерживает сюжет, но и становится самостоятельным элементом, который усиливает драматическое воздействие.

Цзинь Сян также активно работал над созданием новых форм и жанров в китайской опере. Он стремился к интеграции различных стилей и направлений, что позволило ему создать новые театральные формы, которые были более доступными для широкой аудитории. Его эксперименты с формой и содержанием привели к возникновению новых жанров, таких как «современная китайская опера», которая сочетала в себе элементы традиционной оперы и современные театральные техники.

Важным аспектом творчества Цзинь Сяна было внимание к социальным и культурным темам, которые отражали изменения в обществе. Он использовал свою музыку как средство для обсуждения актуальных вопросов, таких как идентичность, любовь, предательство и социальная справедливость. Это позволило ему не только привлечь внимание к традиционным сюжетам, но и адаптировать их к современным реалиям, делая их более резонирующими с аудиторией своего времени [10, с. 23].

Цзинь Сян также активно сотрудничал с другими художниками, включая сценаристов и режиссеров, что способствовало созданию более комплексных и многослойных произведений. Его оперы часто отличались яркими визуальными образами и выразительной хореографией, что добавляло дополнительный уровень глубины к музыкальному содержанию. Это сотрудничество стало важным элементом его подхода к созданию оперы, позволяя ему интегрировать различные виды искусства в единое целое.

Одним из значительных достижений Цзинь Сяна стало его стремление к интернационализации китайской оперы. Он активно искал возможности для представления своих работ за пределами Китая, что способствовало распространению китайской культуры и искусства на

международной арене. Либретто его опер были переведены на различные языки и исполнялись в разных странах, что способствовало обмену культурными идеями и расширению аудитории [8, с. 84].

Это стремление к интернационализации также отражало более широкие тенденции в китайском обществе, когда культура и искусство начали выходить за пределы национальных границ, стремясь к глобальному признанию и взаимодействию. Цзинь Сян не только создавал новые произведения, но и активно участвовал в образовательной деятельности, передавая свои знания и опыт молодым музыкантам и композиторам. Он понимал, что будущее китайской оперы зависит от нового поколения артистов, способных продолжать его дело и развивать традиции в новых направлениях. В своих лекциях и мастер-классах он подчеркивал важность сочетания традиционных и современных элементов, призывая студентов к экспериментам и поиску собственного голоса в музыке.

Важным аспектом его работы было также внима-

ние к вопросам культурной идентичности. В условиях глобализации и влияния западной культуры Цзинь Сян стремился сохранить уникальность китайской оперы, одновременно открывая ее для новых идей и форм. Он считал, что китайская опера должна отражать не только традиционные ценности, но и современные реалии, что делает ее более актуальной и привлекательной для зрителей как в Китае, так и за его пределами [6, с. 11].

Цзинь Сян также активно использовал новые технологии в своих постановках. Он экспериментировал с мультимедийными элементами. Цзинь Сян стал важной фигурой в развитии китайской оперы в XX веке, сочетая традиционные и современные элементы, что способствовало созданию новых жанров и форм.

В заключение, вклад Цзинь Сяна в китайскую культуру трудно переоценить. Его оперы являются ярким примером синтеза восточных и западных музыкальных традиций, а его педагогическая деятельность способствовала формированию нового поколения китайских музыкантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, Мяо. Стилевой плюрализм в китайской опере XXI века на военную тему / Мяо Ван // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. статей по материалам XXVII международной научно-практической конференции / под редакцией Н.А. Лебедевой. — № 6 (27). — Москва: Международный центр науки и образования, 2019. — С. 5–10.
2. Ван, Сюань. Развитие оперного жанра в Китае в XX веке / Сюань Ван // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. статей по материалам XLVIII международной научно-практической конференции / под редакцией Н.А. Лебедевой. — № 5 (48). — Москва: Международный центр науки и образования, 2021. — С. 42–45.
3. Ван, Цюн. Национально-культурные типы вокально-исполнительского искусства (на материале сравнения пекинской музыкальной драмы и европейской оперы) / Цюн Ван // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 51. — С. 28–31. — ISSN 1992-6464.
4. Ван, Цюн. Национально-культурные традиции в вокально-сценическом искусстве: на примере пекинской музыкальной драмы и русского оперного театра: дис. канд. иск.: 24.00.01 / Цюн Ван — Санкт-Петербург, 2008. — 235 с.
5. Дай, Юй. Элементы традиционной культуры в Новой китайской музыке «периода открытости»: дис. ... канд. иск.: 17.00.02 / Юй Дай. — Нижний Новгород, 2017. — 238 с.
6. Лин, Чао. Роль танца и пантомимы в музыкальной композиции пекинской оперы: автореф. дис. ... канд. иск.: 17.00.02; 17.00.01 / Чао Лин. — Санкт-Петербург, 2001. — 24 с.
7. Ли, Юбин. Пекинская опера. Шанхайская и кантонская оперы: Жанровые характеристики и особенности / Юбин Ли // Искусство, педагогика, культура: сб. научных и научно-методических статей / рецензенты: П.В. Кириченко, Л.В. Пепеляева. — Вып. 5. — Санкт-Петербург: Издательство «НИЦ АРТ», 2022. — С. 63–69. — ISBN: 978-5-907615-34-2.
8. Лысенко, В.Г. Опыт введения в буддизм. Ранняя буддийская философия: учебное пособие для студентов вузов / В. Г. Лысенко. — Москва: Наука, 1994. — 562 с. — ISBN 5-02-013517-8.
9. Лю, Ле. Опера «Первый император» Тан Дуна в контексте взаимодействия западных и восточных музыкальных традиций / Ле Лю // Европейский журнал искусствоведения и культурологии. — 2021. — № 1. — С. 85–90. — ISSN 2310-5666.
10. Ху, Цзянь. Художественный мир китайской народной оперы: монография / Цзянь Ху. — Луцк: Твердиня, 2010. — 98 с. — ISBN 6-17-517051-9.

© Ду Куньян (dukunliang34577@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ОТТО ДИКСА

Пак Алена Игоревна

Аспирант, РГХПУ им. Строганова, г. Москва
alyonazotova14@yandex.ruIMAGES OF WAR IN THE WORKS
OF OTTO DIX

А. Пак

Summary: This article examines the turning points that marked an active creative period in 20th-century German culture. It analyzes the images of war, self-identification, and personality crisis that permeated the works of German artist Otto Dix.

Keywords: Otto Dix, New materiality, expressionism, Dadaism, World War I, degenerate art, Georg Gross.

Аннотация: В данной статье рассмотрены переломные годы, которые выделялись активным творческим периодом в немецкой культуре XX века. Проанализированы образы войны, самоидентификации и кризиса личности, которые пронизывали работы немецкого художника Отто Дикса.

Ключевые слова: Отто Дикс, Новая вещественность, экспрессионизм, дадаизм, Первая мировая война, дегенеративное искусство, Георг Гросс.

Отто Дикс — один из самых значительных европейских художников первой половины XX века, чье творчество отражает сложные реалии своего времени. Его работы занимают особое место в наследии немецкого искусства, служа не только отражением внутреннего мира художника, но и комментарием к социальным изменениям, происходившим в Германии после Первой мировой войны. Его работы являются ключевыми для движения “Новая вещественность”. “Новая вещественность” не представляла собой единого художественного направления или стиля. Художники стремились воспринимать вещи такими, каковы они на самом деле, без идеализации и романтики. Не принимая абстрактное искусство, отвергали и натурализм, они стремились к обновлению художественного языка.

Отто Дикс ветеран, которого преследовали воспоминания о Первой мировой войне, его первыми крупными работами были портреты солдат-инвалидов, на пике своей карьеры он также писал в заостренно-гротескной манере знаменитостей из интеллектуальных кругов Германии. В начале 1930-х годов его работы стали ещё более мрачными и аллегоричными, из-за чего Дикс стал мишенью для нацистов, и попал в список художников “Дегенеративного искусства”. Этот список получил свое название от известной выставки “дегенеративного искусства”, проведенной в Мюнхене по инициативе нацистской партии. В 1937 году Адольф Гитлер начал одну из самых значительных кампаний цензуры в новейшей истории, направленную на конфискацию, уничтожение и преследование модернистского искусства, увенчавшуюся выставкой “Дегенеративного искусства”. В период с 1937 по 1939 годы было изъято около 21 тысячи произведений из государственных музейных коллекций, включая шедевры экспрессионизма, сюрреализма, дадаизма, кубизма и фовизма. Термин “Дегенеративное искусство” — стал идеологическим штампом для опи-

сания авангардного искусства. Оно воспринималось не только как модернистское и антиклассическое, но и как антигерманское, что делало его угрожающим для нации и всей “арийской расы”. В ответ на это Дикс постепенно отошёл от социальных тем, обратившись к пейзажам и христианским сюжетам, и после службы в армии во время Второй мировой войны в последующие годы добился значительного признания в двух частях разделенной Германии.

Отто Дикс родился в коммуне Унтермаус, расположенной недалеко от Геры, в семье рабочего класса. Его отец трудился формовщиком на чугунолитейном заводе, а мать, швея, увлекалась музыкой и искусством. Она была двоюродной сестрой художника Фрица Аманна, который стал источником вдохновения в выборе профессии для Отто Дикса. Благодаря своему таланту Дикс получил стипендию, что дало ему возможность учиться в Школе прикладного искусства в Дрездене с 1910 по 1914 год. В это время он изучал историю живописи и старых мастеров в Дрезденской картинной галерее, одновременно создавая работы в стилях позднего импрессионизма и экспрессионизма. Еще до начала Первой мировой войны он начал экспериментировать с авангардом, пробуя кубистические и футуристические формы.

Когда началась война Отто Дикс записался в 48-й полк полевой артиллерии в Дрездене. Он служил в полевой артиллерии и был наводчиком пулемета на Западном и Восточном фронтах, получив звание вице-фельдфебеля. В период войны он создал рисунки отражающие различные аспекты военных действий.

Вернувшись в Дрезден, Дикс поступил в Академию изящных искусств. В то же время он работал свободным художником и участвовал в выставках как в Дрездене, так и по всей Германии. Картины, написанные в двадца-

тые годы, отражали климат внутри Германии, и для них было характерно сочетание приемов дадаизма и экспрессионизма. В двадцатые годы Дикс был достаточно тесно связан с обоими течениями. Он являлся одним из основателей объединения художников “Дрезденский сецессион”, которое появляется в 1919 году. С этого года он поддерживал связи с берлинскими дадаистами (такими как Георг Гросс, Джон Хартфилд и др.) и в 1920 году принял участие в Первой Международной ярмарке Дада.

Отто Дикс на своей картине “Прагерштрассе” (Pragerstrasse), написанной в 1920 году, изобразил общественную жизнь в Германии после Первой мировой войны. Он написал образы, отсылающие к индустрии протезирования. Дикс через свои работы показывал, что немецкому народу необходимо избегать возвращения к войнам, подчёркивая их катастрофические последствия для общества. Картина “Мать с ребёнком” была создана художником Отто Диксом в 1921 году. Она выполнена маслом на холсте, в настоящее время находится в Дрездене. На полотне представлена мрачная и задумчивая сцена, где женщина, держащая на руках своего ребёнка. Лицо матери выражает глубокую серьёзность, передающую ощущение трудностей и стойкости, в то время как ребёнок, крепко вцепившись в её руку, излучает невинность и любопытство. Обстановка картины выглядит сурово, с приглушёнными цветами и резкими контрастами, которые усиливают эмоциональное напряжение. Чёткие линии и тщательная техника письма подчеркивают реализм и эмоциональную насыщенность произведения, создавая убедительное изображение материнской любви в сложные времена. В этот период психологические портреты, написанные художником, не ограничивались внешним сходством. Скорее, с помощью грубых искажений лица и фигуры художник превращает модель в заостренный социальный тип, отражающий крайности беспокойной эпохи, когда традиционная классовая структура и моральные устои Германии рухнули. Насилие, богатство и бедность, декаданс и банальность – все это глубоко саркастический портрет немецкого общества времен Веймарской республики.

Георг Гросс, как и Отто Дикс и многие другие художники, высмеивал в своих работах буржуазное общество Германии. Так в картине “Столпы общества” названной в честь пьесы Генрика Ибсена, Гросс использует свои навыки карикатуриста, чтобы создать яркие, гротескные, кошмарные образы бизнесменов, духовенства и генералов – они показаны как порочные, эгоистичные и безразличные личности. Гросс, как и Дикс, был одной из ведущих фигур движения “Новая вещественность”, которое отражало апатию и цинизм. На картине “Столпы общества” изображены четыре персонажа. На переднем плане — старый пьющий пиво аристократ, со шрамом на левой щеке и свастикой на галстуке. В одной руке он держит бокал с пивом, а в другой — рапиру. Его череп

вскрыт, и из него поднимается боевой конь. Слева на картине изображён журналист Альфред Гугенберг с ночным горшком на голове, символизирующим его ограниченность, сжимая в одной руке газеты, а в другой — окровавленную пальмовую ветвь. Справа изображён социал-демократ, с флагом и социалистической брошюрой, на которой написано: “Социализм должен работать”. Его голова открыта, и внутри видна дымящаяся куча навоза. За этими тремя персонажами стоит пронацистски настроенный священник, предпочитающий игнорировать кровавые действия военных, которые видны на заднем плане. Через окна видит горящий город, а на заднем плане царит хаос. До прихода нацистов к власти Гросс в своих картинах разоблачал пороки капиталистического общества. Его непримиримая позиция была с энтузиазмом воспринята широкой публикой.

Эти переломные годы отличались активным творческим периодом в немецкой культуре XX века. Разочарованные катастрофой Первой мировой войны художники нашли достойных моделей среди городских жителей из всех слоёв общества, от раненых на войне до арт-дилеров. Отказываясь от идеализации, в своих работах художники изображали суровую жизнь простых людей.

Осенью 1922 года Дикс переехал в Дюссельдорф, где получил мастерскую в Академии Ханриха Науэна. Он находился под влиянием галеристки Джоана Эй (Johanna Ey) и стал членом Ассоциации художников Молодой Рейнской области. В 1923 году Отто Дикс создал свою одну из главных работ “Окоп”, которая стала значимым антивоенным произведением своего времени. На картине художник изобразил укрепления, разрушенные артиллерийским обстрелом и усеянные частями изуродованных тел. Дикс нарушил установившееся табу на изображение войны, показав её настоящий облик. Такое болезненное представление о войне вызвало у многих современников желание отстраниться от него. Когда картина была выставлена в Кёльне, музейные работники, предвидя её воздействие на зрителей, закрыли полотно занавеской, чтобы защитить впечатлительную публику. Вскоре Кёльнский музей, испугавшись общественного резонанса, вернул картину автору. Его основополагающая картина “Окоп” (1923) стала предшественницей более масштабной серии работ “Der Krieg (Война)”. В 1924 году, в рамках антивоенного года, картина была выставлена в Прусской академии художеств. В связи с этим арт-дилер Карл Нирендорф выпустил графическую папку Дикса “Война”, содержащую пятьдесят гравюр. В последующие годы “Окоп” путешествовал по авангардным и пацифистским выставкам, неизменно привлекая внимание. В 1928 году картину приобрёл Дрезденский музей, но, опасаясь её репутации, отправил в запасники.

Монументальное портфолио Отто Дикса под названием “Война”, выпущенное спустя десять лет после нача-

ла Первой мировой войны, не восхваляет этот конфликт и не идеализирует его солдат. Вместо этого оно демонстрирует в пятидесяти жестоких и реалистичных изображениях ужасные реалии, с которыми столкнулись те, кто участвовал в боевых действиях. Дикс, служивший артиллерийским наводчиком на Сомме и на Восточном фронте, сосредоточился на последствиях сражений: мёртвых и умирающих солдатах, разрушенных войной пейзажах и могилах. Для создания эмоционального и реалистичного эффекта своих тщательно проработанных изображений ужасов Дикс использовал офорт и акватинту. Он изображал белеющие кости и взрыхленные участки земли, оставляя яркие белые пятна; многократное воздействие кислоты разъедало изображения, имитируя разлагающуюся плоть. Его издатель, Карл Нирендорф из Берлина, распространял портфолио по всей Германии вместе с пацифистской организацией “Никогда больше войны”, хотя сам Дикс сомневался, что его работы смогут повлиять на будущее.

В 1925 году Дикс переехал в Берлин и в том же году принял участие в передвижной выставке “Новая ответственность”, которая дала название новым направлениям в живописи. В 1926 году состоялись две значимые персональные выставки: в галерее Нойманн-Нирендорф в Берлине и в галерее Таннхаузер в Мюнхене. Он также активно участвовал в Международной художественной выставке в Дрездене, предшествовавшей выставке Documenta в Касселе. С 1927 по 1933 год Дикс преподавал в Академии художеств в Дрездене и входил в расширенный совет Немецкого союза художников.

В 1927-1928 годах Дикс завершил триптих “Большой город” (Метрополис), а в 1932 году — полиптих “Война”. “Большой город” был создан Отто Диксом в 1927-1928 годах. Он выполнен в смешанной технике на деревянной основе. Работы Дикса данного периода написаны в сложной многослойной технике, использующей прозрачные лессировочные слои. Долгое время данная техника в живописи не встречалась. Она восходит к традиционной старонидерландской живописи, которую Дикс использовал в качестве источника вдохновения.

Как жанровая работа, она отражает и критикует социальные реалии своего времени. “Большой город” представляет собой триптих, состоящий из трёх отдельных панелей, которые формируют повествовательную композицию. На левой панели изображён подземный город, где встречаются инвалиды войны и бедные люди, что, возможно, символизирует прошлое или скрытую сторону общества. Центральная панель, полная яркой жизни танцевального зала, контрастирует с предыдущей: мужчины и женщины изображены в радостном состоянии, танцующими под энергичную музыку духового оркестра. Их роскошные наряды символизируют общество, погружённое в гедонизм, что может отражать ночную

жизнь Берлина 1920-х годов. Правая панель выполнена в более мрачных тонах: фигуры в масках и костюмах находятся в величественной обстановке, что может указывать на хрупкий фасад высшего общества или на чувство отчуждённости и упадка, скрывающееся за внешней весёлостью. В “Большом городе” Дикс предлагает многослойный комментарий о различиях и противоречиях Веймарской республики, передавая бурную социальную динамику той эпохи.

В этот период образцом для Дикса всё больше выступают старые мастера Северного Возрождения: Грюневальд, Босх, Брейгель. В это время Дикс всё больше вдохновляется произведениями старых мастеров Северного Возрождения, таких как Грюневальд, Босх и Брейгель. На основе многочисленных эскизов, созданных им во время войны, он создает монументальный полиптих “Война” (1929-1932 годы), только лишь центральная часть его достигает четырех метров. Полиптих написан маслом по дереву, в традиционной технике требующей послойного наложения тонких слоев краски, что делает исполнительский процесс особенно трудоемким.

Ориентируясь на “Изенгеймский алтарь”, он вновь обращается к традициям средневековья и Раннего Возрождения. Благодаря композиционному построению зритель вслед за художником как бы движется по кругу. На левой створке виден туманный пейзаж, солдаты направляются к горе, это начало истории разворачивающейся на полотне. В центральной части — ад поля битвы: обезображенные трупы, апокалиптический пейзаж, внутренности, фигура в противогазе потерявшая человеческий облик. И над всем этим торжествующая смерть — распятый скелет, запутавшийся в проржавевшей конструкции труп. В правой части картины финал. Кровавое закатное небо, смешанное с пылью. В правой части картины бесцветный, то ли пепельный, то ли ледяной, воин, который вытаскивает раненого или уже мертвого сослуживца с поля боя, мужественно преодолевая усталость, — это сам Отто Дикс. Нижняя часть картины спокойна. Жизни солдат упокоены. Они лежат бок о бок; теперь им суждено навсегда остаться в братской могиле. Полиптих “Война” — демонстрирует с какой жестокостью люди истребляют друг друга. Отто Дикс работал над ним 3 года и завершил в 1932 году, за год до прихода к власти нацистов. Когда Дикса внесли в список самых опасных художников Германии, он разобрал полиптих на части, чтобы спасти от уничтожения. У себя оставил только правую панель, а остальные разделил между несколькими друзьями — и те прятали каждый свою часть до самого окончания Второй мировой войны.

Когда нацисты пришли к власти в 1933 году, Дикс оказался среди первых уволенных профессоров. Он пытался продолжать свою карьеру в Дрездене, но осенью того же года, спасаясь от нападок со стороны нацистских ху-

дожников, уехал на юг Германии, где посветил себя пейзажной живописи.

В 1937 году многие его работы были выставлены на нацистской пропагандистской выставке “Дегенеративное искусство”. После этого ему запретили выставляться, и 260 его произведений были изъяты из немецких музеев. В 1945 году Дикс был призван в Фольксштurm и попал в плен к французским войскам. Когда в плену его узнали, Диксу разрешили работать художником в лагере. В феврале 1946 года он вернулся в Хемменхофен. После 1945 года Дикс оставался аутсайдером в обеих частях Германии, которые становились все более изолированными друг от друга в художественном плане: он не мог идентифицировать себя ни с социалистическим реализмом Восточной Германии, ни с послевоенным абстрактным искусством Западной Германии. В конечном итоге Дикс вернулся в Дрезден, где жил до 1966 года.

После войны большинство его работ представляли собой религиозные аллегории или отражали послевоенные страдания, включая картину 1948 года “Ессе homo”, на которой изображен автопортрет за колючей проволокой. В этот период Дикс стал известен в обеих частях тогдашней разделенной Германии. В 1959 году он был удостоен Большого креста за заслуги перед Федеративной Республикой Германия, а в 1950 году его номинировали на Национальную премию ГДР, но он не получил её. В 1967 году, в свой 75-й день рождения, он был награжден премией “Лихтварк” в Гамбурге и премией Мартина Андерсена Нексе в области искусства в Дрездене. Дикс также стал почетным гражданином Геры. В том же 1967 году он получил премию Ганса Тома, а в 1968 году — премию Рембрандта от Фонда Гете.

Отто Дикс жил в один из самых беспокойных периодов современной немецкой истории, с Первой мировой войны до Второй мировой войны и раздела Германии после её поражения. Это подпитывало его глубокий интерес к мрачным социальным контекстам. Темы самоидентификации и кризиса личности пронизывают работы Дикса. Он исследует свое место в обществе, пытаясь понять, как его личный опыт соотносится с историческими событиями. Творчество Отто Дикса оказало значительное влияние на многих художников начала XX века, включая Вернера Тيوبке, Ханса Грундинга и Йорга Иммендорфа, и до сих пор продолжает вдохновлять ис-

следователей и ценителей искусства, оставляя неизгладимый след в истории культуры.

Вернер Тيوبке, как и Дикс, обращается к темам войны, насилия и человеческой природы. Его внимание к деталям и способность передавать атмосферу времени, использование ироничных и сатирических элементов характерно для творчества Дикса. Ханс Грундинг, который работал в контексте послевоенной Германии, также был под влиянием Дикса. Так художник Грундинг исследующий темы идентичности и памяти, перекликался с темами, затронутыми в работах Дикса. Его подход к изображению человеческой фигуры и использование экспрессивных форм могут быть восприняты как дань уважения стилю Отто Дикса, который часто использовал искаженные формы для передачи эмоциональной нагрузки. Художник поколения второй половины XX Йорг Иммендорф, известный своими политически заряженными работами, также черпал вдохновение из творчества Дикса. Он использовал провокационные образы и символику, чтобы исследовать социальные и политические вопросы. Как и Дикс, он стремился показать темные стороны человеческой природы и общества. Иммендорф также использовал элементы сюрреализма и экспрессионизма, что можно проследить в работах Дикса. Каждый из перечисленных художников интерпретировал в своем творчестве наследие Дикса по-своему, создавая уникальные работы, которые, до сих пор, продолжают исследовать сложные аспекты человеческого существования.

Работы Отто Дикса представляют собой диалог между личным и общественным, отражая широкий спектр эмоций — от страха до надежды. Дикс — безжалостный сатирик немецкого искусства начала XX века. Когда многие художники отказались от портретной живописи в пользу абстракции, Дикс вернулся к этому жанру, включив едкие карикатуры в свои изображения некоторых ведущих деятелей Германии. Другие его сюжеты хорошо известны своим осуждением современной городской коррупции, безнравственности и войны. Отто Дикс стал знаковой фигурой, повлиявшей на творчество многих современных художников, благодаря работам, олицетворявшим цивилизацию, которая пострадала как в материальном, так и в нравственном плане. Его творчество служит важным напоминанием о том, как искусство может отражать и комментировать сложные реалии жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dietrich Schubert Städel-Jahrbuch Neue Folge 4, 1973. pp. 271-298
2. Rainer Beck: Otto Dix retrospective on his 120th birthday: paintings and works on paper; Art Collection Gera [Exhibition catalogue], Gera 2011. pp. 115-125
3. Schmidt D. Otto Dix im Selbstbildnis. Henschelverlag Kunst und Gesellschaft, 1978. С. 7-49.
4. Маркин Ю.П. Экспрессионисты. Живопись. Графика. М.: РИП-холдинг, 2015. С.368

5. МоМа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.moma.org/artists/1559-otto-dix> (дата обращения: 01.02.2025).
6. Турчин В.С. Новая вещественность — искусство потерянного поколения // Советское искусствознание. — Вып.26. — М.: Советский художник, 1990. — С. 99—100
7. Энциклопедический словарь экспрессионизма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 196.

© Пак Алена Игоревна (alyonazotova14@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА НА МОДУ В РОССИИ

Петрухина Альфия Сарфаровна

Председатель Союза промышленников
и предпринимателей «Иволга»,
(Московская область, Россия)
info@sppivolga.ru

Шангуа Изольда Эдуардовна

Бренд-директор ООО «Торговый дом культура дома»
fr@td-kd.ru

THE INFLUENCE OF RUSSIAN CULTURAL CODE ON FASHION IN RUSSIA

**A. Petrukhina
I. Shangua**

Summary: The article determines the importance of using the Russian cultural code in modern fashion in the Russian Federation. The work managed to present examples of the introduction of birds' various images and the earth, geometric figures and symbols, ornaments, color schemes on modern clothing and trace their interpretation within the cultural code in the Kursk region.

The purpose of this work is to analyze the influence of the Russian cultural code on fashion in Russia.

Research methods: analysis, synthesis, generalization of the obtained data.

The novelty and degree of study of the issue lies in an attempt to systematize data on the influence of the Russian cultural code on fashion in Russia today, which has not been done before.

Keywords: cultural code, modern fashion, Kursk region, ornament, QR code.

Аннотация: В статье рассматривается важность использования русского культурного кода в современной моде в Российской Федерации. В работе удалось представить примеры внедрения различных образов птиц и земли, геометрических фигур и символов, орнаментов, цветовую гамму на современной одежде, проследить их интерпретацию в рамках культурного кода в Курской области.

Цель настоящей работы – проанализировать влияние русского культурного кода на моду в России.

Методы исследования: анализ, синтез, обобщение полученных данных.

Новизна и степень изученности вопроса заключается в попытке систематизировать данные по влиянию русского культурного кода на моду в России сегодня, что не проводилось ранее.

Ключевые слова: культурный код, современная мода, Курская область, орнамент, QR-код.

Введение

Современное общество следит за трендами моды, XXI век трактует новые стереотипы и направления в модной культуре. Важно отметить, что большинство людей используют элементы национального костюма в повседневной жизни, что предоставляет возможность проследить культуру народа, значения символики на одежде, тем самым демонстрируя внедрение национальных и локальных культурных кодов в современную моду.

На сегодняшний день, в мире глобализации и постоянных трансформационных процессов во всех сферах деятельности человека, мода стремится не только к «независимости», но и к балансу между региональными культурами со своей символикой и современными модными изменениями и их включением в модный продукт. Стоит обратить внимание, что культурологи занимаются поиском культурного кода в настоящей моде, а дизайнеры рассматривают современные предпочтения общества, предлагая свои новые коллекции, что является трудной задачей [6; 10, С. 581-587].

В данной работе рассматривается влияние русского

культурного кода на моду в России. В связи с вышепредставленной информацией, не вызывает сомнений актуальность темы исследования.

Методология

Цель настоящей работы – проанализировать влияние русского культурного кода на моду в России.

Методы исследования: анализ, синтез, обобщение полученных данных.

Для проведения теоретического исследования, были использованы труды отечественных авторов: Е.П. Борзовой [1], А.М. Гусевой [2], Т.А. Добровольской [3], Н.Н. Изотовой [4], М.Н. Киреева [5], И.В. Котлярова [6], А.С. Матвеевской [7], В. Надольской [8], И.А. Николайчук [9], Г.С. Филипповой [10], благодаря которым удалось проследить важность культурного кода в лингвокультурологии, моде и в выражении национального орнамента; изучить этнокультурные традиции как ключевой тренд в современной культуре; исследовать русский характер, православный культурный код и менталитет российского народа; проанализировать моду как предмет культурологического осмысления; охарактеризовать аспекты

внедрения культурных кодов Курской области при проектировании современных моделей одежды; выявить эволюцию культурного кода и его роль в национальном костюме в современном дизайнпроектировании.

Основные результаты

Изучая проблематику исследуемой темы, важно обратить внимание на проникновение моды США и Запада на территории Российской Федерации. Большинство современных дизайнеров создают одежду в рамках применения культурного кода, который играет ключевую роль в культуре россиян, а также:

- обеспечивает защиту нации и национальных интересов;
- сохраняет самобытность народа;
- способствует минимизации Западного посягательства на отечественную идентичность и самобытность, границы которых намеревались стереть в виду того, что в Западной культуре отсутствуют подобные понятия и ценности [5; 8, С. 139–154].

Авторы Е.П. Борзова [1, С. 145–160] и Е.Н. Изотова [4, С. 5–11] рассматривают в своих трудах культурный код как своего рода ключ к пониманию культуры народов, их уникальных особенностей. Авторы обращают внимание, что культурный код является неким феноменом, фундаментальной составляющей идеологии, содержит декодирование информации, определенный набор характеристик, благодаря которым можно идентифицировать культуру, а также представляет собой нематериальный ген, благодаря которому можно выстроить иерархическую систему культурных кодов. Исследуемая проблема многообразна, многоаспектна и представляет широкое поле деятельности для ученых и исследователей.

Исследователь Т.А. Добровольская [3] в своем труде обращает внимание, что каждый регион в России имеет собственные уникальные культурные коды. Автор указывает на тот факт, что применение культурного кода в современной одежде позволит дизайнерам обрести узнаваемость, создать запоминающийся стиль, способствовать популяризации культурного наследия среди современного общества.

Исследование проблематики изучаемой темы указывает на труды А.М. Гусевой [2, С. 409–421] и А.С. Матевосяна [7], где удалось выявить прямую взаимосвязь между элементами национальной культуры и модным дизайном, вычленив новые возможности в интеграции этнокультурных ценностей в моделях одежды, учитывая современные тенденции развития индустрии моды. С целью представить влияние культурного кода на современную моду, в качестве примера проанализируем элементы орнамента в одежде в Курской области. Рассматривая культурный код в Курской области, следует выделить применение в современной моде следующих

особенностей:

- геометрические формы и символы;
- традиционные растительные мотивы: сырое дерево, лапоть, лучка, и зигзаг;
- монотонность цветовой гаммы: красный, желтый, зеленый и черный;
- «шестиконечная звезда» представляет собой один из самых распространенных орнаментов, символизируя свет и обновление;
- символика, которая напрямую имеет взаимосвязь с христианской религией;
- орнаменты: земля, вспаханное поле, прямые линии и крюки на фоне кривых.

Благодаря детальному исследованию работ А.М. Гусевой [2, С. 409–421] и А.С. Матевосяна [7] удалось изучить трактовку культурного кода в рамках современной одежды:

- изображение «переплетение листьев» можно интерпретировать в культуре как рост и развитие живых существ;
- «зеленый венок» символизировать богатство и изобилие;
- изображения птиц с растительными или геометрическими элементами (к примеру, соловей является символом Курской области, обозначает тепло, свет, пробуждение земли);
- прямые и волнистые линии голубого цвета являются символами потоков ветра и воды, которые орошают землю;
- «Звезда крест» притягивает к себе счастье и благополучие;
- ромб с расчерченной сеткой внутри является символом земли и плодородной почвы;
- Звезда «Аусеклис» представляет форму креста, что означает оберег от зла, а звезда – символ победы света над тьмой.

Рассматривая детали в одежде, необходимо выделить современные принты, где дизайнеры не только изображают оригинальные и традиционные элементы, но и включили инновацию как QR-код, который был внедрен в стилизованный орнамент. С помощью мобильного телефона можно отсканировать QR-код, что предоставит возможность получить детальную информацию о наряде и его орнаменте, прочесть историческую справку, что отражает культурные традиции региона и страны [9, С. 48–67].

Вывод

Подводя итоги теоретического исследования, стоит отметить, что культурный код в России всё чаще проявляется в современной моде, тем самым демонстрируя, что русский народ чтит традиции и помнит свою историю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзова, Е.П. Русский характер, православный культурный код и менталитет российского народа / Е.П. Борзова, С.П. Лебедев, Е.С. Исаченко // История русской культуры. 2022. — С. 145–160
2. Гусева А.М. Мода как предмет культурологического осмысления / А.М. Гусева // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. — С. 409–421.
3. Добровольская, Т.А. Аспекты внедрения культурных кодов Курской области при проектировании
4. современных моделей одежды / Т.А. Добровольская, Д.Ю. Гаврилова, А.А. Маслова // Костюмология. — 2023. Т. 8. № 3. — Режим доступа: <https://kostumologiya.ru/PDF/13IVKL323.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).
5. Изотова Н.Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // Культура и цивилизация. 2020 Том 10 № 4. — С. 5–11.
6. Киреев М.Н., Коренева Е.Н., Киреева Н.В. Культурный код России и его эволюция // Наука. Искусство. Культура. 2024. №3 (43). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-rossii-i-ego-evolyutsiya> (дата обращения: 21.02.2025).
7. Котляров, И.В. Культурный код: к новой системе ценностей (социально-философские тренды) / И.В. Котляров // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 3. — Режим доступа:
8. <https://sfk-mn.ru/PDF/48SCSK322.pdf> (дата обращения: 21.02.2025). DOI: 10.15862/48SCSK322
9. Матевосян А.С. Роль национального костюма в современном дизайнпроектировании / А.С. Матевосян, Л.Н. Насрутинова // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2016. № 6(28). — Режим доступа: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/3301> (дата обращения: 21.02.2025).
10. Надольская В. Цивилизация в новой социальной реальности (социальнополитический дискурс) / Иппокрена. 2020 № 1. — С. 139–154.
11. Николайчук И.А., Якова Т.С., Янглева М.М. Культурные коды в современном публичном пространстве: метасмыслы и их потребление в России и за рубежом // Вестник МГПУ Серия «Философские науки». 2023. № 1 (45). — С. 48–67. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.4
12. Филиппова, Г.С. Культурный код как составляющая модного бренда / Г.С. Филиппова // Технология художественной обработки материалов: материалы XXIV всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08–12 ноября 2021 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021. — С. 581–587. — EDN ODTKRA.

© Петрухина Альфия Сарфаровна (info@sppivolga.ru), Шангуа Изольда Эдуардовна (fr@td-kd.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЖАНР МЕССЫ В АНГЛИЙСКОЙ ДОРЕФОРМАЦИОННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Свирская Екатерина Васильевна

старший преподаватель, Московский государственный
институт культуры
esvirskaia@gmail.com

THE GENRE OF THE MASS IN THE ENGLISH PRE-REFORMATION MUSICAL CULTURE: CHARACTERISTICS AND DEVELOPMENT FEATURES

E. Svirskaya

Summary: The article examines the genre of the mass in the English pre-reformation musical culture, examines the stages of its formation and development from the end of the XV to the middle of the XVI century. To observe the transformations of individual aspects of the genre, significant musical samples created before the Reformation were considered, and the main directions of the genre's development were identified. The aim of the study was to identify the characteristic features of the English Mass in the context of the cultural and historical background of the era. The work addresses the issue of the influence of the political and religious environment on the formation of musical language, as well as highlights key compositional techniques. As a hypothesis, it is suggested that, despite the initial formation of the cyclic form in England, in the 16th century the Mass did not become a defining genre in British music, but has a number of specific characteristics. The results of the study show that the English Mass in many aspects developed differently from the continental samples and represents an important contribution to the history of musical art.

Keywords: English Church Music, Renaissance Polyphony, Tudor Mass, Lady Mass, Mass-parody, intertextuality, Faburden, L'homme arme, cantus fitmus.

Аннотация: В статье рассматривается жанр мессы в английской дореформационной музыкальной культуре, исследуются этапы его становления и развития с конца XV до середины XVI века. Для наблюдения преобразований отдельных сторон жанра, были рассмотрены значимые музыкальные образцы, созданных до Реформации, и определены основные направления развития жанра. Целью исследования стало выявление характерных черт английской мессы в контексте культурно-исторического фона эпохи. В работе затрагивается вопрос о влиянии политико-религиозной обстановки на формирование музыкального языка, а также выделяются ключевые композиторские техники и приёмы. В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что, несмотря на первоначальное формирование циклической формы в Англии, в XVI веке месса не стала определяющим жанром в британской музыке, но имеет ряд специфических характеристик. Результаты исследования показывают, что английская месса во многих аспектах развивалась иначе, чем континентальные образцы и представляет собой важный вклад в историю музыкального искусства.

Ключевые слова: английская церковная музыка, полифония эпохи Ренессанса, месса Тюдоров, Богородичная месса, месса-пародия, интертекстуальность, фабурден, L'homme arme, cantus fitmus.

Месса, представляющая собой «одно из крупнейших художественных достижений минувших эпох» [7, 14], на протяжении веков претерпевала значительные изменения, отражая культурные, политические и теологические преобразования. Консолидируя и кристаллизуя лучшие достижения прошлых столетий, она утвердилась как один из ключевых жанров в истории европейской музыки. Истоки её востребованности кроются в общих мировоззренческих взглядах на мир: музыкальное искусство Средневековья и Ренессанса было неразрывно связано с церковью и создавалось для её нужд.

История развития английской мессы в определённой мере перекликается с формированием континентального жанра, однако в ряде аспектов она оказывается примером персонального пути развития. В европейской музыкальной науке многочисленные аспекты, касаю-

щиеся особенностей этого жанра, получили достаточно широкое освещение в значительном количестве работ: от фундаментальных трудов по истории музыки (М. Букфцгер [11], Ф. Харрисон [18], Х. Бенхам [10], Р. Тарускин [16]), до специализированных монографий, посвящённых отдельным композиторам и их вкладу в развитие мессы (Э. Уоррен [20], Х. Бенхам [9]). В российском музыкознании одними из первых, кто рассмотрел особенности английского многоголосия, включая жанр мессы, были Евдокимова Ю.К. [2] и Н.А. Симакова [7]. Эти работы долгое время оставались практически единственными источниками в этой области. Однако, в последнее время наблюдается повышение интереса к британской музыкальной культуре, о чём свидетельствуют работы Н.И. Наумовой [4, 5], исследующей английское многоголосие эпохи Тюдоров, и А.С. Тепловой [8], чьё внимание сосредоточено на английской музыке XV века. Также следует упомянуть диссертаци-

ционные работы А.С. Евдокимова [1] и Е.В. Карман [3], в которых месса хоть и не становится центральным предметом изучения, но в них отражены особенности развития английской религиозной музыки в XVI–XVIII веках.

Церковную музыку Англии условно можно разделить на два больших периода, обусловленных политико-религиозными изменениями в стране: I) музыка на латинском языке для английского варианта Римского обряда — *Sarum Use*, и II) музыка на английском языке для протестантского богослужения. В статье будут рассмотрены циклические произведения, написанные композиторами для Сарумского чина. Последний возник в Англии в XI веке и представляет собой локальную адаптацию римского обряда. Его становление связано с именами Вильгельма Завоевателя (1028–1067) и Святого Осмунда (ум. 1099). «*Sarum*» — это сокращённая форма латинского названия «*Sarisburium*», обозначающего английский город Солсбери. Основная связь сарумского чина с католическим ритуалом заключается в следовании римскому календарю, но со временем в него были добавлены местные праздники. Существовали различия в порядке песнопений, а также применение специфических антифонов и респонсоров. Изменения затронули и музыкальную составляющую английских богослужений. Хоральные напевы также претерпели небольшие, но заметные мелодические изменения. После Реформации Сарумский чин был упразднён, кратковременное возвращение произошло во время контрреформации при правлении Марии I Тюдор.

Первое, что обращает на себя внимание при изучении развития английской мессы, — это небольшое число сохранившихся произведений. В то время как в европейской музыкальной традиции месса предстаёт как одно из самых «грандиозных созданий» [7, 14], в Англии этот жанр не оказывается приоритетным. Мессы встречаются в наследии многих английских композиторов, но их количество не сопоставимо с произведениями континентальных композиторов-современников (Таблица № 1). Среди списка английских композиторов, приведённого ниже, выделяется имя Николаса Ладфорда, автора 17 месс, из которых до наших дней дошли лишь четырнадцать. Возможно, объяснение состоит в том, что часть литургических циклов была написана для ежедневных

служб, что предполагает лаконичную форму.

Однако не стоит делать поспешные выводы. Принимая во внимание ожесточённую борьбу религиозных «предпочтений», характерную для Англии времён правления Тюдоров, вполне вероятно, что какая-то часть духовных сочинений могла быть уничтожена. К тому же в архивах до сих пор остаётся множество неидентифицированных отрывков или отдельных голосов сочинений.

Генезис жанра в английской музыкальной культуре

Полифоническая музыка для ordinaria мессы в Англии встречается уже в рукописи *Winchester Troper* (Пусунок № 1). Это английское хоровое собрание, датируемое примерно 1000–20 годами, содержит 164 сочинения и представляет собой один из ранних примеров многоголосной музыки, включающий *Kyrie* (12 шт.), *Gloria* (8 шт., один образец на греческом языке), *Tracts* (19 шт.), *секвенции* (7 шт.), *Alleluias* (56 шт.), *респонсории* (57 шт.). Также, при изучении произведений для ordinaria мессы, необходимо упомянуть манускрипт *Old Hall*, представляющий собой большую коллекцию духовных сочинений, датируемых конца XIV – начала XV веков. Исследователи отмечают гибридный характер музыкального языка рукописи и представляют развитие жанра мессы в первой половине XV века как формирование и частичное объединение двух противоположных практик. Они предполагают, что это была попытка комбинирования приёмов написания английского дисканта и континентального шансона, что образовало особенную вертикаль, — преимущественно гомофонную — обладающей некоторой ритмической независимостью каждого голоса [19, 101]. (Рис. 1.)

В XV веке в Англии отходят от создания отдельных частей для *Ordinary*. Вместо этого появляется практика написания целостных месс с единым хоральным напевом на протяжении всего цикла (теноровая месса). Некоторые исследователи отмечают сочинение *Sine nomine* Джона Бенета (J. Benet; ум. 1458), также приписываемое и Джону Данстейблу, и Леонелю Пауэру (L. Power; ок. 1380–1445), как самый ранний образец сохранившейся английской циклической мессы. Её многоголосие отличается связью с

Таблица № 1.

Месса в творчестве композиторов XV–XVI веков

Джон Данстейбл (J. Dunstable; 1390–1453)	2	Гийом Дюфай, Дюфэ, Дю Фэ	9
Роберт Ферфакс (R. Fayrfax; 1464–1521)	6	Жоскен Дебре (J. des Prez 1450–1521)	~20
Джон Тавернер (J. Taverner; 1490–1545)	8	Йоханнес Окерем (J. Ockeghem; ок. 1425–1497)	10
Николас Ладфорд (N. Ludford; ок. 1485–1557)	17	Якоб Обрехт (J. Obrecht; 1457/58–1505)	28
Томас Таллис (T. Tallis; 1505–1585)	3	Джованни да Палестрина (G.P. da Palestrina; 1525/26–1594)	<100
Кристофер Тай (K. Tye; 1505–1573)	3	Орландо ди Лассо (O. di Lasso; 1532–1594)	58
Джон Шеппард (J. Sheppard; 1515–1558)	5	Филипп де Монте (Ph. de Monte; ок. 1521–1603)	~40

более ранними композиционными практиками и, что примечательно, в цикле часто встречается движение параллельными квинтами. Этот факт оказывается интересным, поскольку одна из особенностей английского многоголосия — ориентирование на несовершенные консонансы. Учитывая это свойство, в контексте анализа музыки Дж. Данстейбла исследователь М. Букофцер вводит термин «панконсонантный стиль» или гармония. Однако, как подчёркивает Ю.К. Евдокимова, это понятие применимо ко всей английской музыке 1-ой половины XV века [2, 17]. Использование же единого хора как элемента, объединяющего разделы, хоть и «несколько шатко» [16, 607], но связано с мессой *Da gaudiorum praemia* Дж. Данстейбла, которая основана на одноименном хорале.

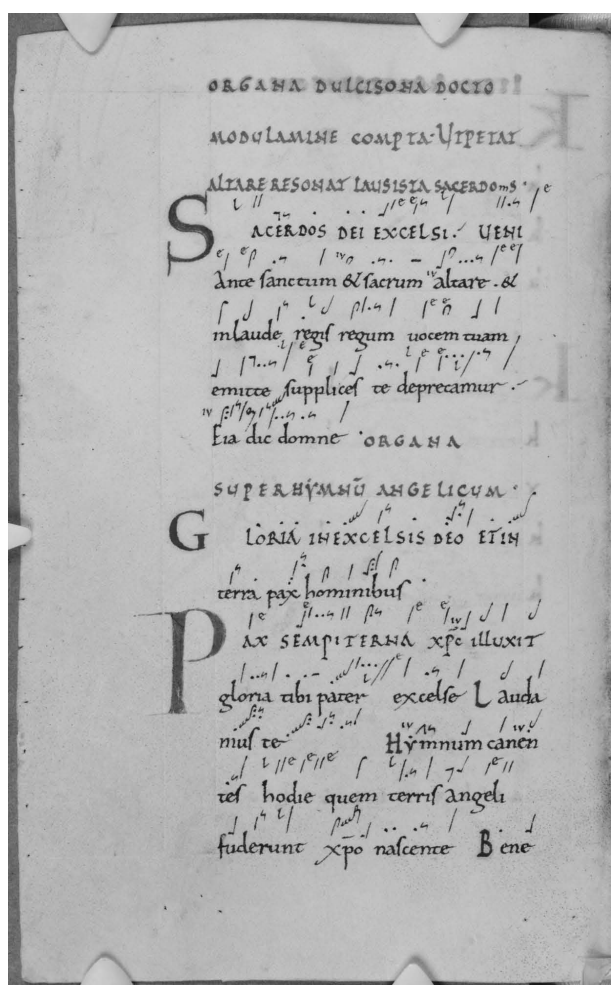

Рис. 1. Фрагмент анонимного мотета *Sacerdos Dei excelsi* из рукописи *Winchester Troper England, Cambridge, Corpus Christi College, GB–Ccc MS 473 (Winchester Troper)*, 138v.

В ранних формах циклической английской мессы раздел *Kyrie eleison* был исключён из общей структуры цикла (исключение составляют, например, упоминаемая месса *Da gaudiorum praemia* Дж. Данстейбла. В XVI веке также появляется ряд сочинений, в которых есть часть *Kyrie*: цикл *Playnsong Masse for a Mene* Дж. Шеппарда, богоро-

дичные мессы Н. Ладфорда). Это было связано с практикой исполнять его особым тропом, который менялся в зависимости от праздника в церковном календаре. Отличавшаяся множеством красочных церемоний, Сарумская литургия породила репертуар, особенно богатый тропами. Канонические часы исполнялись однократно в течение дня, а месса совершалась многократно, в зависимости от размеров церкви и количества алтарей и часовен. Обилие песнопений-тропов *Kyrie*, вероятно, оказало влияние на подход английских композиторов к построению мессы. В ходе формирования циклической структуры цикла, ритуальные песнопения остальных четырёх частей были опущены, и в качестве основного хора выбиралось песнопение, соответствующее определённому празднику или сезону. Варианты работы с хоральным напевом в многоголосии могло осуществляться несколькими способами:

- проведение песнопения один раз в каждой части;
- проведение песнопения в частях с изменённым ритмом;
- проведение песнопения более одного раза изоритмически;
- проведение песнопения, голоса ритмически не связаны [18, 251].

В качестве примера первого способа обработки хорального напева можно упомянуть 3-голосную мессу *Alma Redemptoris Mater* Леонеля Пауэра. В роли основного напева выступает теноровый голос одноимённого марианского антифона, при этом композитор цитирует первоисточник ровно столько, сколько этого требовала продолжительность частей, поскольку использует примерно половину оригинального песнопения, причём использование «родительского» материала в мессе обрывается на полуслове («populo»). К тому же композитор не ориентируется на структурную организацию антифона, о чём говорит его работа с *cantus firmus* в мессе. Каждая её часть состоит из двух секций, эти подразделения не соответствуют текстовой организации первоисточника: смена мензур и завершение проведения *cantus firmus* происходят в середине лигатуры, в середине слова «porta» антифона. При этом важно подчеркнуть этот фиксированный двухчастный музыкальный формат, — разделение формы на две секции или «major sections» [10, 38] посредством смены перфектного темпуса (Ф) на имперфектный (Ф) — который со временем стал стандартным как для частей мессы, так и для многих антифонов. В настоящее время нумерологические обоснования выбора или порядка проведения хорального напева в упоминаемой мессе не выявлены, однако использование единого *cantus firmus* — значимый шаг к музыкальному единству всех частей цикла. То есть, примерно в 1450–60-е годы месса перестаёт быть набором отдельных литургических песнопений, что дало возможность М. Букофцеру сделать следующее заявление: «циклическая теноровая месса является наиболее значимым достижением английской школы в период Ренессанса» [11,

223].

Признание циклической мессы в качестве эталона высокого жанра не только англичанами, но и европейскими композиторами подтверждается континентальными произведениями, основанными на одном хоральном напеве – мелизме *caput* («голова»). Этот первоисточник – заключительное слово антифона *Venit ad Petrum*, исполняющийся в соборе Солсбери во время ритуала омовения ног в Великий четверг. Примерно в 1440-е годы композитор, имя которого сегодня остаётся неизвестным, применил эту «грандиозную неву или суперневу» [16, 611] в качестве *cantus firmus* для литургического цикла под названием *Caput*. В середине XV века он распространился на континенте и стал одним из известных музыкальных произведений, учитывая то обилие сохранившихся копий и вдохновлённых им подражаний.

Подобно мессе Леонеля Пауэра, эта работа основана на один хоральный напев, который в каждой части начинается заново. Структура каждой части цикла единообразна и состоит из двух разделов, дифференцируемые за счёт мензурального «контраста» – перфектного и имперфектного «размеров». Историческое же значение мессы заключается в том, что количество голосов было увеличено до четырёх, что стало общепринятым стандартом в европейской музыке на последующее столетие и ознаменовало появление «четырёхголосной гармонии» [16, 614]. Кроме этого, произошла стандартизация голосов по диапазону и названию.

Английская месса 1-ой половины XVI века

Английская литургическая музыка XVI века стала зеркалом тех политико-религиозных преобразований, которые бурно происходили в стране. Но тем не менее, в этот период английская месса достигла своеобразного пика, благодаря таким композиторам, как Роберт Ферфакс, Джон Тавернер, Кристофер Тай, Томас Таллис, Джон Шепард, Уильям Манди. Регулярное проведение литургии привело к формированию циклов как для праздничных богослужений (*Festal Mass*), так и для ежедневного использования, известных как *Mass of the day*. Кроме этого, в тот период особую популярность, иногда даже в «ущерб» *Jesus Mass*, приобрела *Mass of the Blessed Virgin Mary* (или *Lady Mass*), первоначально исполнявшаяся только по субботам, но постепенно ставшая ежедневной в ряде соборов [10, 9].

Праздничные мессы, созданные в период с 1500-х по 1550-е годы, ярко демонстрируют, с одной стороны, приверженность английских композиторов традициям, а с другой – проявление новых композиционных подходов к музыкальному письму. Можно выделить несколько ключевых особенностей, которые продолжали использоваться в первые годы XVI века, тем самым обеспечивая преемственность с музыкой предшественников:

- ориентирование на ранние традиции работы с хоральным напевом, который выделялся в фактуре так называемыми *long-note*;
- исключение из структуры мессы многоголосной части *Kyrie*;
- использование в частях мессы приёма *motto*, который в английском музыкознании обозначается как «*head-motif*» (или «*head-motiv*»). Этот приём достаточно подробно описан в русском музыкознании, см.: [2, 95]; [4, 96–101]; [5, 15–19];
- смена мензур в частях литургического цикла.

Возникновение новых музыкальных тенденций способствовало проявлению большой изобретательности и мастерства, что особенно заметно в сочинениях Джона Тавернера. Его композиторский стиль можно охарактеризовать, как «сдержанный» и в то же время наиболее «свободный» в сравнении с английскими мастерами конца XV века. В крупных формах композитора в некотором виде ещё сохранились особенности «старого» стиля, однако в его творчестве они синтезировались с элементами имитационной техники. Так, в некоторых мессах Тавернер не стал отказываться от *cantus firmus*, но использовал его с активно распространяющейся имитационной техникой. Техническая сложность использования техники в композиции на *cantus firmus* заключается в необходимости адаптации имитации ко всем голосам, учитывая уже существующее мелодическое движение. Эта задача становилась ещё труднее, когда композитор извлекал мелодический материал для имитации непосредственно из *cantus firmus*. Оба этих подхода можно увидеть в 6-голосной мессе Тавернера *Gloria tibi Trinitas*, где все голоса имитационно развивают линию, взятую из *cantus firmus*. Также нередко Тавернер прибегал к последовательным повторам небольшого мелодического фрагмента, как своеобразное сопротивление *cantus firmus*, тем самым подчёркивая его значимость (подобно остинато). Для усиления эффекта композитор часто помещал эту мелодическую фигуру в партию баса, как это можно увидеть в фрагменте из *Agnus Dei* той же мессы (Рисунок № 2).

В музыкальном наследии Тавернера стоит также обратить внимание на развитие идеи использования *motto*, как повторение многоголосного фрагмента только в начале частей мессы (*head-motif*). В ряде его месс появляется и «*tail-motif*», образуя некую «тематическую» систему, что способствует достижению большей связности в организации циклической формы. Термин, *tail-motif* был введён в научный оборот, скорее всего, исследователем Х. Бенхамом [9] и представляет собой заключительное многоголосное построение, появляющееся в финальных фрагментах частей мессы. Заключительное *motto* встречается как во всех частях цикла (например, месса *The Mean*), так и выборочно, как например, в мессе *Mater Christi* (отсутствует в *Sanctus*). Более того, в мессе *Mater*

Christi Дж. Тавернера в середине частей *Gloria* и *Credo* при смене мензур также встречаются повторяющиеся многоголосные построения, которые можно обозначить как «secondary head-motif».

Жанр ежедневной Богородичной мессы (*Lady Mass*) наиболее полно представлен в хоровом наследии Никола Ладфорда. Известны семь циклов, которые являют собой не только музыкальную ценность, но и представляют литургический интерес. Это единственное собрание церковной музыки XVI века для 3-голосного состава, а также единственный сохранившийся полный набор *Lady Mass*, охватывающий все дни недели. Каждая месса приурочена к определённому дню недели и, в отличие от праздничных, включает часть *Kyrie*. Ещё одна их особенность – исполнение музыкального материала по принципу *alternatim*, что предполагает практику чередования версов: одни исполнялись одногласно, другие – многогласно. Использование 3-голосного состава, а также отведение нижнему голосу роли *cantus firmus* – черты «явно старомодные» [10, 127], однако, благодаря использованию имитационной техники, стиль этих месс демонстрирует проявление новых тенденций.

В XVI веке одним из излюбленных типов мессы стала месса-пародия. И хотя термин этот впервые был введён

лишь в 1578 году Я. Пайксом (J. Paix; 1556–1623), образцы этого жанра обнаруживаются значительно раньше. В английской музыке одним из первых таких опытов можно считать цикл *Rex Seculorum* Джона Данстейбла, основанный на одноимённой секвенции. Суть мессы-пародии заключается в отказе от традиционной разработки хорала в пользу многоголосного источника. Сложность, и вместе с тем, азарт работы с полифоническим первоисточником заключался не только в показе композиторского мастерства, но и в поиске новых форм решения, специфических средств выразительности, «которые позволили бы создать новое самостоятельное произведение» [7, 43].

Жанр мессы-пародии занял важное место в английской музыке XVI века. В некоторых источниках, не учитывая упоминаемую мессу Данстейбла, утверждается, что цикл *O bone Jesu* Роберта Ферфакса был первой мессой в этом жанре [15, 25; 4, 102]. На континенте мессы-пародии также пользовались признанием, но существовало ключевое различие: европейские композиторы в качестве первоисточника использовали чужую музыку, тогда как английские мастера предпочитали собственные, ранее написанные сочинения [10, 55]. Так, в основу мессы *O bone Jesu* был взят одноименный антифон Ферфакса. Анализ того, как композитор интегрировал первоисточник в мессу усложняется потерей некоторых голосов

Рис. 2. Фрагмент из *Agnus Dei* мессы *Gloria tibi Trinitas* Дж. Тавернера

антифона, однако исследователям всё же удалось установить, что основным способом работы с антифоном оказывается не прямое цитирование материала, а структурное моделирование [12, 124]. О других примерах месс-пародий в английской культуре подробно пишет Н.И. Наумова [4, 102–133; 5, 16–20].

С началом процесса «нейтрализации» позиции *cantus firmus*, композиторы начинают использовать в мессах заимствованные музыкальные источники. Их можно классифицировать на две категории: светские и, назовём их, паралитургические. Примеров использования первоисточников первого вида в английской музыке немного. Например, известно лишь одно произведение месса Роберта Карвера (R. Carver или Carvor; ок. 1485 – ок. 1579), в которой в качестве хорала применена известная мелодия *L'homme arme*, в отличие от Европы, где таких примеров значительно больше. Отметим, что Н.И. Наумова отмечает, что «столь пользующаяся спросом на континенте шансон “L'homme arme” («Вооруженный человек») не привлекла внимания ни одного английского автора» [5, 15]. С формальной точки зрения автор совершенно права, поскольку Роберт Карвер – шотландский композитор. Мы обратились к его творчеству, по большей части, в силу географической обособленности острова, которая привела к тому, что стиль Карвера ближе к его английским современникам, чем к европейским. Это позволяет исследователям считать указанную мессу «единственным британским примером» [13] использования светской мелодии *L'homme arme* в качестве первоосновы.

Более востребованной в английской музыке была английская песня *Western Wynde*, послужившая основой для 4-голосных циклов Тавернера, Тая, Шеппарда и 3-голосной мессы Карвера. В мессе Тая мелодия проводится в партии альтов на протяжении всего цикла не менее 29 раз. Этот «эксперимент», возможно, был задуман как своеобразный музыкальный ответ Тавернеру, который использует мелодию во всех голосах поочерёдно, кроме партии альтов, 36 раз подряд.

К светским первоисточникам мы также отнесём те литургические циклы, которые основаны на «теме»-формуле. К таким сочинениям относится месса *Ut re mi fa sol la* Эвери Бертон (A. Burton; ок. 1474–1542/47), где в качестве *cantus firmus* использован соответствующий гексахорд. Подобную работу с шеститоновым мелодическим построением Н.И. Наумова отмечает в мессе *Albanus* Ферфакса, обозначая мелодическое построение как «сочинённое композитором» [5, 14]. Однако этот же музыкальный материал представлен в нижнем голосе мотета *Albanus roseo* Дж. Данстейбла, базирующийся на фразе из 5-ой строки антифона *Alloquio dulcis* (музыка не сохранилась), посвящённого святому Альбану. Точное происхождение этого мотива установить сложно, но Э. Уоррен на его наличие, например, в *Sarum Antiphonale* [20, 151] с текстом «O Christe pietas», что может говорить

о его давнем происхождении. Данстейбл использует песнопение в его оригинальном виде, в то время как Ферфакс, заимствовал только шесть начальных звуков хорала. Также стоит упомянуть мессу *Cantate*, написанную Джоном Шеппардом уже после Реформации, в период недолгого восстановления католицизма в Англии при королеве Марии. Ключевым элементом, связывающим все части этого цикла, наряду с *head-motif*, является восьмитоновая фигура *F-E-F-G-A-Bb-G-F*, которая обнаруживается в различных фрагментах партии теноров.

Также в дореформационной английской музыке есть мессы, в которых композиторы отказываются от использования любого первоисточника. Эти сочинения были созданы в последние годы правления Генриха VIII, связанные с ухудшением отношений с Римско-католической церковью. Они представляют собой пример следования принципу, сформулированному Томасом Кранмером: «*as nere may be, for every sillable, a note*», что означает «насколько возможно, для каждого слога – нота» [1, 26–28]. Речь идёт о 4-голосных мессах *Plainsong* Джона Тавернера и *Mass for four voice* Таллиса, написанные в *strenenotation* (чёрная нотация). В литургическом цикле первого композитора в части *Sanctus* (текст «... *in nomine Domini*») вновь просматривается повторяющееся остинато (*A-F-G-A*), но в этом случае это обстоятельство заставляет исследователя Х. Бенхама размышлять о наличии светской или литургической цитаты. В *Mass for four voice* Таллиса на сегодняшний день не обнаружено заимствованных мелодических оборотов, однако в ней просматриваются ряд особенностей, которые предвосхищают реформаторские веяния, характерные для эпохи Эдуарда VI. Ключевыми чертами оказываются сочетание полифонических и гомофонных фактур, причём в ряде разделов мессы доминирует гомофонный тип изложения, отсутствие *cantus firmus*, акцент на подчинении музыки тексту, что демонстрирует разрыв с традициями английской мессы XV века.

Что касается паралитургических видов первоисточника, в английской музыке существует, как минимум, три сочинения, в основе которых – напев, именуемый «*Square*». Известны три 4-голосные мессы с подзаголовком *Apon the Square*: одна из них принадлежит композитору Уильяму Уайтброуку (W. Whitbroke; 1501–1569) и две – Уильяму Манди (W. Mundy; ок. 1528 – ок. 1591). Использование термина «*Square*» вызывает определённые трудности, прежде всего из-за отсутствия чётких определений этого понятия в теоретических трудах той эпохи. Упоминания этого определения встречается в финансовых документах, в частности, в контексте оплаты за копирование «*square*», но конкретных объяснений его сущности нет. Таким образом, понимание этого термина и связанных с ним практик формируется исследователями только из анализа различных сочинений.

Значение этого понятия варьировалось в зависимости

сти от исторического периода. Так, изначально техника *Square* представляла собой пение на заимствованные напевы, ранние примеры которых вероятнее всего «были зафиксированными контрапунктами к хоралу» [2, 23]. Позднее они были дополнены мелодиями из сочинений композиторов XV века. Вторая трактовка термина связывает его не столько с заимствованной мелодией, сколько с практикой импровизации на хорал. Другими словами, *Square* – линии, которые возникли из практики импровизационного исполнения, которая была достаточно чётко регламентирована и описана в теоретических трактатах. Подобными же песнопениями оказываются фабурдены (о различиях континентальной практики «фобурдон» и английской традиции «фабурден» более подробно см. [2, 28–36]), которые наравне с сарумским тоном использовались в английских магнификатах. *Square* в упоминаемых мессах расположен в нижних голосах и проводится практически непрерывно, причём песнопения цикла Уайтбрука и второй мессы Манди одинаковы. Интересно отметить, что композиторы не всегда задействуют все четыре голоса, отдавая предпочтение 3-голосному звучанию.

В английской музыкальной культуре жанр мессы обладает богатым прошлым. Многие тенденции, зародив-

шиеся в творчестве «островных» композиторов XV века, стали образцом для подражания и оказали значительное влияние на развитие европейской музыки. Популярность произведений английских мастеров служит убедительным доказательством высокого статуса их музыки и их лидирующей роли, которую они играли в музыкальном курсе на континенте.

На протяжении XVI века английская месса претерпела значительные изменения. Различные религиозные влияния способствовали не только изменению сущности литургии или выдвиганию тех или иных композиторов, но и взаимопроникновению этих конфликтующих направлений. Попытка кристаллизации дуальных принципов письма эпохи, таких как использование кружевного рисунка голосов, яркой мелизматической, имитационной техники, силлабического принципа, послужили процессу трансформации музыкального мышления, переосмыслению формы всего цикла, его смысловой наполненности, взаимодополнения музыки и слова. Результаты стилистического синтеза музыкальной культуры XVI века позднее имели органичное воплощение в национальном жанре елизаветинской эпохи — антеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евдокимов А.С. Английский антем XVI – первой половины XVIII века. Особенности воплощения библейского текста: дис. ... канд. искусствовед. Москва, 2019. 257 с.
2. Евдокимова Ю.К. История полифонии. В 7-ми вып. Вып. 2–А. Музыка эпохи Возрождения: XV век / Евдокимова Ю.К. М.: Музыка, 1989. 414 с.
3. Карман Е.В. Англиканский антем XVI – первой половины XVII веков: композиционная типология и стилистика: дис. ... канд. искусствовед. Новосибирск, 2019. 363 с.
4. Наумова Н.И. Английская духовная музыка эпохи ранних Тюдоров (конец XV – первая половина XVI века): дис. ... канд. искусствовед. Казань, 2019. 248 с.
5. Наумова Н.И. Месса ранней тюдоровской эпохи // Музыка. Искусство, наука, практика. 2019. № 3 (27). С. 9–22.
6. Свирская Е.В. «Eton Choirbook»: особенности английского многоголосия во второй половине XV века // Учёные записки Российской академии музыки им. Гнесиных. 2022. № 3 (42). С. 98–111.
7. Симакова Н.А. Вокальные жанры эпохи Возрождения: Учебное пособие. М.: Музыка, 1985. 360 с.
8. Теплова А.С. Кто вы, Джон Данстейбл? К проблеме идентификации знаменитого музыканта // Музыкальная академия. 2024. № 1 (785). С. 92–103.
9. Benham H. John Taverner: His Life and Music. Routledge, 2017. 350 p.
10. Benham H. Latin Church Music in England, c. 1460–1575. London: Barrie and Jenkins, 1977. 247 p.
11. Bukofzer M. Studies in Medieval and Renaissance Music. London: J.M. Dent & Song LTD., 1951. 324 p.
12. Edahl A. The Use of Pre-Existing Material in the Early Tudor Mass Cycle. PhD. Diss. University of Wisconsin-Madison, 1993. 754 p.
13. Elliott K. Carvor [Carver, Carbet, Arnot], Robert // New Grove Dictionary of Music and Musicians. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/gmo/9781561592630.article.05049> (дата обращения: 14.08.2022).
14. GB–Ccc MS 473, Winchester Troper (manuscript). England, Cambridge, Corpus Christi College, c. XI c.
15. Greene D. Greene's Biographical Encyclopedia of Composers. Reproducing Piano Roll Fnd., 1985. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/267911691/Robert-Fayrfax> (дата обращения: 14.06.22).
16. Taruskin R. Music from the earliest notations to the sixteenth century. London: Oxford University Press, 2005. 906 p.
17. Taverner J: I – Six-Part Masses. Ed. by H. Benham, 1978. 280 p.
18. Harrison F. Music in Medieval Britain. New York: Frederick A. Praeger, 1959. 491 p.
19. Hughes A., Bent M. The Old Hall Manuscript: A Re-appraisal and an Inventory // Musica Disciplina. 1967. № 21. P. 97–147.
20. Warren E. Life and works of Robert Fayrfax, 1464–1521 / by Edwin B. Warren. Volume 22. American Institute of Musicology Verlag Corpusmusicae, 1969. 213 p.

ГОРОД ЯНЛОУДУН КИТАЯ — ВАЖНОЕ НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ЧАЙНОГО ПУТИ

CITY YANGLUODONG OF CHINA — AN IMPORTANT BEGINNING OF THE GREAT TEA ROAD

*Han Quanhui
Zhu Yafei*

Summary: The Great Tea Road developed from the 17th century to the early 20th century, starting from Mount Wei in China, passing through China, Mongolia, and Russia, and reaching St. Petersburg in Russia. This Great Tea Road is not only an economic channel, but also a cultural channel for cultural exchange between China and the West. Yangluodong Ancient Town in Chibi County of Hubei Province is the most important starting point of the Great Tea Road and ancient tea production site in Qingzhuan on the Great Tea Road. This city is a witness and creator of the history of Sino Russian trade.

Keywords: Great Tea Road, Tea production, Yangluodong City, Qingzhuan tea.

Хань Цюаньхуэй

*профессор, преподаватель, Педагогический университет
Центрального Китая (CCNU)
hqh1968@126.com*

Чжу Яфэй

*Педагогический университет Центрального Китая (CCNU)
1348830560@qq.com*

Аннотация: Великий чайный путь развивался с 17-го века по начало 20-го века, начинался с горы Уишань Китая, проходил через Китай, Монголию и Россию, достигал Санкт-Петербурга России. Этот великий чайный путь не только является экономическим каналом, также является культурным маршрутом для обмена китайской и западной культуры. Древний горный город Янлоудун уезда Чибь провинции Хубэй Китая является самым важным началом Великого чайного пути и древним местом чаепроизводства «Цинчжуань» на этом пути. Этот город служит свидетелем и создателем истории торговли между Китаем и Россией.

Ключевые слова: Великий чайный путь, чаепроизводство, город Янлоудун, чай Цинчжуань.

Чай является одним из основных трех напитков в мире. Китай был первой страной в мире, которая обнаружила и использовала чай. Душистый чай не только является чудесным напитком для поднимания настроения, также стал важным знаком для культурного обмена и слияния национальностей. Китайская чайная культура начиналась до династии Цинь (秦), развивалась в династиях Тан (唐) и Сун (宋), цвела в династиях Мин (明) и Цин (清), продолжалась в периоде республики, возрождалась в новой эпохе.

Янлоудун расположен на пересечении провинций

Хунань, Хубэй и Цзянси. Янлоудун является самым важным чаепроизводящим районом и в бывшем Китае и важным узлом на Великом чайном пути. Янлоудунский чай «Цинчжуань» известен и в азиатских и европейских странах. Исследование истории чаепроизводства Янлоудуна имеет важную роль в настоящее время. (Рис. 1., 2.)

1) Долговечная история чаепроизводства Янлоудуна

Янлоудун — это небольшой южный город, расположенный в городе Чибь в провинции Хубэй. Янлоудун находится в 30 километрах к северу от города Чибь.

Рис. 1. Город Янлоудун

Рис.2 Чай «Цинчжуань»

Древний город Янлоудун был основан во время династии Мин, с более чем 400-летней историей, является знаменитым городом кирпичного чая. Город Янлоудун известен в Китае и за рубежом, он получил ряд высоких чести благодаря чайной промышленности в мире:

В 1980 году в этом городе побывали делегации 32 стран. В 2010 году Янлоудун был определен «китайская деревня с культурным названием», а в 2012 году он вошел в первую группу традиционных китайских деревень. В ноябре 2015 года Янлоудун был награжден Международной чайной ассоциацией как «первый древний город мировой чайной промышленности». В 2023 году Китайская ассоциация по распространению чая определила его как место происхождения «зеленого кирпичного чая».

Янлоудун является родиной зеленого кирпичного чая и имеет более чем двухсотлетнюю историю производства. Янлоудунский зеленый чай является одним из шести основных черных чаев в Китае и известен как «король черного чая». Янлоудунское чаепроизводство начинается с династии Тан и сразу процветает. Янлоудунский чай сначала продавали в китайских западных районах, потом этот ароматный чай был экспортирован в Монголии и в России даже в европейских странах. В то время чайный район Янлоудун был известен своим географическим и промышленным преимуществами и стал самым важным источником Великого чайного пути. С тех пор Янлоудун стал известным городом чаепроизводства на Великом чайном пути на протяжении более 300 лет, Янлоудун заложил статус промышленного чайного города в истории мировой чайной торговли.

Янлоудунский зеленый кирпичный чай имеет свою характеристику: Форма чая правильная и гладкая, толстая и равномерная, кирпичная поверхность зеленого и коричневого цвета. Суп красный, желтый и яркий, с особым аро-

матом зеленого кирпичного чая, нет вяжущего чувства. Когда вы пьете, дно листьев грубое и старое темно-коричневое. Янлоудунский кирпичный чай имеет медицинскую роль: чайный сок густой и вкусный, с освежающим сердцем, сыром, чтобы утолить жажду, согреть людей, чтобы согреться, остановить желудок, стерилизовать сходимость, восполнить почки, лечить диарею и другие медицинские эффекты, всегда были любимы любителями чая.

«Чай без культуры — это только лист, а Янлоудун без культуры — это только каменные улицы». Китай — настоящая родина чая. Китай является местом происхождения чайного дерева и был первой страной чаепроизводства в мире. Древние китайцы обнаружили дикие чайные деревья, много пробовали и использовали чайные напитки. Через много лет и много веков чайная культура становится сокровищем китайской традиционной культуры. Город Янлоудун издавна является местом производства чая. До сих пор чай Цинчжуань Янлоудуна не только известен во всей стране, также известен в далекой России, в Европе, и во всем мире. Гости из всех сторон собирались в Янлоудуне, в этом древнем городе, вместе изучают истории чая Цинчжуань и китайской чайной культуры, потому что история чаепроизводства в Китае продолжается долго, наверное, 5000 лет. (Рис 3., 4.)

Великий чайный путь простирается от Янлоудуна Хубэя на север, через Ханькоу, Хэнань, Шэньси, Шаньси, Хэбэй, пересекает огромную гоби Внутренней Монголии и Монголии, а затем с востока на запад, через Сибирь и, наконец, до Санкт-Петербурга России. За последние три столетия она способствовала экономическому развитию и распространению культуры в Китае, Монголии и России.¹

В истории торговли между Китаем и Россией экспорт чая занимает 37% и занимает важное место, и источник этих чаев происходит из Янлоудуна в провинции Хубэй.

Рис. 3. Янлоудунский чай

Рис. 4. Янлоудунский чай

1 近40年终俄茶叶之路研究与展望. 陈文华. 中国史研究动态. 2019年第4期.

Примерно в 1880-х годах китайский чай находился в расцвете производства, в 1886 году общий объем производства чая достиг 225000 тонн, экспорт - 134000 тонн. Во время Войны сопротивления против Японии большая часть чайной зоны была разрушена, и чайные плантации были серьезно повреждены. К 1949 году в стране оставалось всего 154,7 тыс. га чайных плантаций, что на 40% меньше, чем до антияпонской войны. Общий объем производства чая составил всего 41 тыс. тонн.² (Рис. 4., 5.)

2) Замечательные легенды Янлоудуна

В Китае популярны две такие известные и замечательные легенды об Янлоудуне. Первая легенда такая:

Давным-давно у подножия горы Сонгфэн жила семья по имени Сюй, посадила в огороде десять грушевых деревьев и построила бамбуковую башню на пруду перед дверью, специально предназначенную для овцеводства, а в пруду — для разведения рыбы. В один год на одном грушевом дереве была красная груша, три года не падала, почти большая посуда. Однажды ночью сыну Сюй Гуанфу приснилась старая мамочка в белом платье, которая попросила его снять грушу и три раза постучать по каменной стене за бараниной, и там появилась пещера с сокровищами. На следующий день Сюй Гуанфу снял грушу и взял ее, чтобы попробовать, и, конечно, каменные ворота были открыты, и внутри были белые жемчужины, красный агат, зеленый изумруд. Сюй Гуанфу смотрел и не знал, что взять, колебался, вдруг с крыши пещеры выскользнул питон, рот как сосуд с кровью, глаза как медный колокольчик. Сюй Гуанфу испугался, что он схватил жемчуг и убежал. Как только он вышел из пещеры, каменные ворота «грохотали» и закрылись. Только тогда

Сюй Гуанфу вдруг заметил, что на ладони появился не жемчуг, а семена чая. Он посадил семена чая у подножия горы Сонгфэн, где вскоре появилось зеленое чайное дерево. Позже люди называли это место «пещерой баранины (по китайскому произношению Янлоудун)», а чай, произведенный здесь, называли «чай Сонгфэн».³

Следующая легенда об Янлоудуне тоже интересная:

Во времена династии Тан талантливый молодой парень Мэй Цинчжу влюбился в соседнюю женщину Лю Ланьсян. Отец Лю Ланьсяна Лю Тяньгуй не согласился. В осеннюю ночь эти влюбленные договаривались и решили сбежать, вдали от дома. Мэй Цинчжу взял с собой багаж, Лю Ланьсян вытащила белую лошадь, оба на юго-запад убежали, пришли под гору Сонгфэн и поселились в каменной пещере. В один день отец Лю Ланьсяна Лю Тяньгуй пришел с семьей. В самый критический момент появилась женщина в белом платье, и она сказала: «Не бойтесь, спрячьтесь в мою юбку». Оба они спрятались в юбке женщины. Лю Тяньгуй спросил у этой женщины, куда ушла молодая пара. Женщина ответила: «Здесь нет молодых мужчин и женщин.» Указывая на белого коня, Лю Тяньгуй сказал: «Эта лошадь моя, неужели вора лошади нет?» - сказала женщина: «Ты видел глазами твоими, это была белая овца, а не белая лошадь». Лю Тяньгуй снова обыскал пещеру, и ничего не было, пришлось идти. Потом они поняли, что эта женщина — это Гуаньинь великого милосердия. С тех пор Мэй Цинчжу и Лю Ланьсян поселились на Сонгфэне, построили бамбуковую башню рядом с пещерой, выращивали зеленый чай. Далеко и близко чайные торговцы покупают у них этот чай. Люди называли это место «баранья пещера (по китайскому произношению Янлоудун)» в честь любви влюбленных. И

Рис. 5. Чайный дом Фучан

Рис. 6. Русская семья

² 民国时期羊楼洞青砖茶业研究 (1912-1938). 胡俊杰. 湖北大学硕士学位论文. 2023年5月.

³ 羊楼洞的传说. 胡武生. 咸宁日报文化时空. 2015年6月3日.

Легенда об Янлоудуне. Ху Вушэн. Xianning Daily. Культурное время и время. 3 июня 2015.

так пещерный чай славится издавна, Мэй Цинчжу и Лю Ланьсян также оставили волшебную и красивую историю любви на этой земле.⁴

Согласно легенде, влюбленные молодые мужчины и женщины сбежали под гору Сонгфэн, их белые лошади превратились в овец, а экскременты коз превратились в чайные семена и выросли деревья Мангшана. Пара построила бамбуковую башню под горой, наверху жили люди, внизу держали овец, и с тех пор люди называли это место пещерой овец.

3) Географическое место и угодный климат Янлоудуна

Древний горный городок Янлоудун находится в уезде Чибэ в провинции Хубэй Китая, расположен в 160 километрах от города Уханя (административный центр провинции Хубэй).

Район чаепроизводства Янлоудун находится на южном склоне горы Муфушань (幕府山), это место богато чаем Цинчжуань. В истории Китая, кирпичный чай сыграл важную роль для укрепления центральной политической власти и охраны национальной солидарности, еще стимулировал развитие района чаепроизводства Янлоудун. Со старинного способа до улучшения технологии и современного производства, чай Цинчжуань Янлоудуна с помощью своего высокого качества в процессе процветания и упадка продолжался до настоящего времени.

Особая топографическая структура формирует климатическую характеристику города Янлоудуна с обильными осадками, дождями и жарой в то же время, летом без кан, суровой зимой без замерзания.

Город Янлоудун относится к субтропическому влажному муссонному климату, с обильными осадками, достаточным освещением, мягким климатом, четырьмя сезонами, коротким холодным периодом, длительным безморозным климатическим характеристикам. Весна теплая, лето жаркое, осень прохладная, зима пасмурная. Янлоудун расположен в районе богатой воды среднего течения реки Янцзы, обильные осадки, годовые осадки более 1600 мм. Из-за муссонных ветров годовая изменчивость осадков велика, часто бывают дождливые наводнения в начале лета и засухи с меньшими дождями осенью. В разных районах и сезонах города Янлоудуна есть свои климатические особенности.

Почва в этом районе желтый песчаный суглинок, с мягким климатом, подходит для приготовления чая, поэтому чай богат.⁵

Чайные плантации обычно строятся на равнинах на высоте 50 - 250 метров над уровнем моря. Почва на чайных плантациях состоит из латеритов и лессовых почв с гравием (Почва чайных плантаций состоит из гравийных латеритов и лессовых почв.), содержание органического вещества $\geq 1\%$, pH 5,5 - 6,0, толщина почвы ≥ 50 см.

Подходящие географические и климатические условия, обильные водные ресурсы, обширная горная площадь — идеальное место для роста чайных деревьев.

Янлоудунский чай имеет длинную историю и знаменит во всем мире с давних времен. Высокому качеству янлоудунского чая способствует особый климат этих мест. История чайной торговли говорит, что самый хороший чай выращивают на 27-31° северной широты, главные чайные рынки находятся там же, на 23-31° северной широты. Янлоудун находится как раз на 29-30°! Город Янлоудун окружен изумрудными лесами и высокими горами. Вокруг города есть оборудованная поливная система. В окрестностях города 60% занимают просторные поля. Здесь господствует умеренный климат, большое количество осадков, достаточное солнечное освещение. В таком климате почти не бывает заморозков. Поэтому здесь выращивают чай, рами, киви. Эти продукты занимают важное место на местном рынке провинции Хубэй. Богатые природные ресурсы, плодородная земля и хорошее экологическое состояние позволили городу Янлоудуну стать «Землей изобилия».

Качество воздуха в городе Янлоудун всегда соответствует стандарту. Поэтому город является самым подходящим местом для выращивания чая. Помимо благоприятного климата, значение имеет и то, что среди чайных плантаций находится много родников. Среди всех них самый известный родник «Гуаньинь». Вода в нём прозрачна и богата полезными для организма минералами. Многие фабрики используют воду родника при обработке чая, поэтому у янлоудунского чая есть лечебный эффект. Здесь можно увидеть чудесный пейзаж: изумрудные леса и чайные плантации, и на зеленом фоне озера бирюзового цвета. Начинаешь понимать, почему Янлоудун с древних времен является наилучшим местом для выращивания чая, и почему он стал началом Великого чайного пути.⁶

4) Предвидимое будущее Янлоудуна

Древний город Янлоудун известен как китайский, так и зарубежный благодаря своему производству зеленого кирпичного чая и известен как «первый древний город в мире чайной промышленности». В разгар династии Мин и Цин древний город Янлоудун собрал более 200 китайских и иностранных чайных торговцев и стал центром распре-

4 因茶而兴的湖北古镇——赤壁羊楼洞, 易伯, 陈凡, 刘炜, 《华中建筑》第23卷, 2005年第2期。

5 陈启华. 湖北羊楼洞区之茶业[J]. 中国实业第2卷第2期. 1936年1月15日.

6 Источник: <https://www.tea-terra.ru/2014/06/21/16983/>.

ления и переработки чая. Чай здесь поступает в Ханькоу по реке Янцзы, затем переходит в Монголию и в конце концов экспортируется в Россию и другие европейские страны.

В 2013 году, председатель Китая Си Цзиньпин в период посещения России с визитом особенно отметил, что Великий чайный путь является вековой артерией для развития связи между Китаем и Россией. В рамках инициативы «Один пояс, один путь», Великий чайный путь в истории и человеческой культуре показал важную культурную стоимость, в новой эпохе этот путь будет приносить новую жизненную силу для укрепления культур-

ного обмена и экономического общения между Китаем, Монголией, Россией и странами Центральной Европы.

История района производства чая Янлоудун является важной частью Великого чайного пути, чай Цинчжуань является немеркнущим символом дружбы между народами всех стран. Когда мы следуем за следами предшественников, снова идем по Великому чайному пути, тогда будем с удивлением обнаруживать то, что ароматный чай Цинчжуань по-прежнему имеет сильную жизненность, он будет с наилучшими пожеланиями от жителей города Янлоудуна посещать каждый угол всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. 陈文华.近40年中俄茶叶之路研究与展望[J].中国史研究动态, 2019(4):9.
2. 民国时期羊楼洞青砖茶业研究 (1912-1938). 胡俊杰. 湖北大学硕士学位论文. 2023年5月.
3. 羊楼洞的传说. 胡武生. 咸宁日报文化时空. 2015年6月3日. Легенда об Янлоудуне. Ху Вушэн. Xianning Daily. Культурное время и время. 3 июня 2015.
4. 因茶而兴的湖北古镇——赤壁羊楼洞, 易伯, 陈凡, 刘炜, 《华中建筑》第23卷, 2005年第2期。
5. 陈启华. 湖北羊楼洞区之茶业[J]. 中国实业第2卷第2期. 1936年1月15日.
6. Источник: <https://www.tea-terra.ru/2014/06/21/16983/>.

© Хань Цюаньхуэй (hqh1968@126.com), Чжу Яфэй (1348830560@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАБОТА В КЛАССЕ ФОРТЕПИАНО НАД ОРКЕСТРОВЫМ ТЕМБРАМИ В ФОРТЕПИАННОЙ ФАКТУРЕ

Юй Нин

Преподаватель, Цзилиньский педагогический
университет
236504721@qq.com

WORKING IN PIANO CLASS ON ORCHESTRAL TIMBRES IN PIANO TEXTURE

Yu Ning

Summary: The article is devoted to the peculiarities of working on orchestral thinking in the piano class. As an example, O. Respighi's piano transcription «Ancient dances and songs of the XVI-XVII centuries» is analyzed. The paper provides a brief analysis of each of the six parts of the cycle. Attention is focused on the peculiarities of the embodiment of timbres and playing techniques of ancient instruments in the piano texture. Another important task for a pianist when working on transcription is to convey the orchestral flavor.

Keywords: pianist, piano texture, orchestral thinking, O. Respighi.

Аннотация: Статья посвящена особенностям работы над оркестровым мышлением в классе фортепиано. В качестве примера разбирается фортепианная транскрипция О. Респиги «Старинные танцы и песни XVI-XVII веков». В работе приводится краткий разбор каждой из шести частей цикла. Внимание сосредоточено на особенностях воплощения в фортепианной фактуре тембров и приемов игры старинных инструментов. Другой важной задачей для пианиста в работе над транскрипцией становится передача оркестрового колорита.

Ключевые слова: пианист, фортепианная фактура, оркестровое мышление, О. Респиги.

Рояль по праву называют «королевским инструментом» (от французского royal piano – «королевское фортепиано»), способным соперничать с оркестром как по звучности, так и по тембровому разнообразию. Охват диапазона более четырёх октав подобен диапазону всех инструментов симфонического оркестра. Множество исполнительских приёмов пианиста и технические возможности регулировать длительность звучания при помощи педаль рояля позволяют приблизиться к имитации многих тембров.

Неслучайно существует большое количество фортепианных транскрипций и переложений оркестровых произведений, позволяющих мастерски продемонстрировать виртуозные возможности исполнителя и колористичность его игры. Как отмечает Б.Б. Бородин, «авторы транскрипций стремятся найти (и, порой, находят) естественные для фортепиано аналоги оркестровых звучаний» [2, с. 23].

Концертирующему исполнителю и пианисту-концертмейстеру необходимо владеть навыками интерпретации оркестровых тембров. Пианисту важно уметь анализировать и тонко дифференцировать оркестровые тембры, чтобы понять принципы их воспроизведения на рояле: регулировать силу звука в соответствии с динамическими возможностями того или иного инструмента, выбирать штрихи и артикуляцию, соответствующую разным оркестровым группам, гибко реагировать на «полифонию тембров» и реализовывать её в разных пластах фортепианной фактуры.

Тем самым в учебном классе фортепиано перед педа-

гогом и учеником на протяжении всего периода обучения стоят важные задачи по работе над имитацией оркестровых тембров в фортепианной фактуре. Важным в этой связи видится изучение в учебной практике транскрипций и переложений для фортепиано симфонических произведений. С одной стороны, это позволяет музыкантам накопить опыт исполнительских ассоциаций, но также становится основой для тщательного сопоставления и изучения возможностей фортепианной фактуры в соотношении с партитурой оркестре.

Оркестровая трактовка рояля раскрывается, прежде всего, в эпоху романтизма – период расцвета пианистов-виртуозов. Так, например, Ференц Лист создаёт настоящие «фортепианные партитуры», стараясь приблизиться к оркестровому звучанию. Среди таких его работ: транскрипции девяти симфоний Л. ван Бетховена и его увертюры «Кориолан», переложения концертов для фортепиано с оркестром Бетховена №3, 4, 5; транскрипция симфонии Г. Берлиоза «Гарольд в Италии»; транскрипции оркестровых эпизодов из ряда опер [1].

Композиторы начала XX столетия также сопоставляют музыкальные краски оркестрового и фортепианного звучания. Обратим внимание на фортепианные транскрипции Мориса Равеля оркестровых произведений Клода Дебюсси – «Ноктюрны» и «Послеполуденный отдых фавна». При этом Равель и экспериментирует «в обратном направлении», создавая оркестровые версии фортепианной музыки – как в знаменитой оркестровке Равеля фортепианного цикла М. П. Мусоргского «Картины с выставки» [4].

В рамках статьи рассмотрим особенности учебной работы пианиста над циклом «Старинные танцы и песни XVI-XVII веков» современника М. Равеля – итальянского композитора Отторино Респиги (1879-1936).

В список сочинений О. Респиги входят оперы, балеты, различные симфонические опусы (от отдельных оркестровых пьес до сюит). Оригинальных сочинений для фортепиано у Респиги совсем немного (соната фа минор, шесть пьес, три прелюдии на темы григорианских хоралов, шесть детских пьес в 4 руки). В области фортепианной музыки композитор предпочитал делать концертные фортепианные переложения своих же оркестровых и камерно-инструментальных сочинений.

Среди индивидуальных особенностей композиторского стиля О. Респиги отметим: яркость тематизма, мастерское владение тембрами инструментального письма, сочетание классических традиций с приемами современного музыкального письма, тяготение к изучению стилей предшествующих эпох.

Интерес Отторино Респиги к интерпретации старинной музыки отразил веяния эпохи. В его творчестве можно наблюдать черты неоклассизма. На протяжении всего творческого пути Отторино Респиги неоднократно обращается к интерпретации старинной музыки, что нашло отражение в целом ряде произведений. Среди них оркестровые редакции и транскрипции музыки старинных мастеров: оркестровые транскрипции произведений И.С. Баха (Прелюдия и fuga Ре-мажор; Пассакалия до минор; три органных хорала); оркестровая редакция «Плача Ариадны» К. Монтеверди; транскрипции скрипичных сонат А. Вивальди, Дж. Валентини, Дж. Тартини, Н. Порпоры, П. Локателли; оркестровая сюита «Птицы» на темы композиторов XVI-XVII веков; а также – собственные опусы, вдохновлённые наследием прошлых эпох: «Григорианский концерт» для скрипки и оркестра, «Триптих Боттичелли» для струнного оркестра; симфонические поэмы (так называемая «Римская трилогия») – «Фонтаны Рима», «Пинии Рима», «Римские празднества».

Особое место в ряду опусов, вдохновленных искусством прошлого, занимает транскрипция «Старинные танцы и песни XVI-XVII веков для лютни», оформленная композитором в виде нескольких оркестровых и фортепианных сюит, созданных с 1917 по 1931 год.

Авторское название этого произведения – «*Antiche danze ed arie (sec. XVI e XVII) per liuto*» – «Старинные танцы и песни XVI-XVII веков для лютни». Различные варианты этого названия: «Древние танцы и арии», «Античные танцы и песни», «Старинные танцы и песни». В основе транскрипции – итальянские и французские лютневые и гитарные пьесы XVI-XVII веков. На их основе О. Респиги создаёт три оркестровые сюиты «Старинных танцев и песен» и одну оригинальную фортепианную сюиту из шести номеров: Баллетто

«Граф Орlando» (Balletto «Il Conte Orlando») Симоне Молинаро; Вилланелла (Villanella) неизвестного автора; Гальярда (Gagliarda) Винченцо Галилеи; Италиана (Italiana) неизвестного автора; Сицилиана (Siciliana) неизвестного автора; Пасскалия (Passacaglia) Людовико Ронкалли (подробнее см.: [6]). В фортепианном цикле представлены фрагменты, которые совпадают с частями оркестровых сюит.

О. Респиги обращается к ярчайшим лютнистам и композиторам XVI-XVII веков, которые стали создателями «лютневого стиля»: С. Молинаро, В. Галилей, Л. Ронкалли.

Симон Молинаро (1565–1615) – итальянский композитор позднего Возрождения, автор сборника «*Intavolatura di liuto*» – «лютневая табулатура».

Винченцо Галилей (1520–1591) – композитор, лютнист, теоретик музыки, автор первой полноценной школы игры на лютне.

Людовико Джузеппе Антонио Филиппо Ронкалли (1654–1713) – итальянский композитор и священник, автор сборника из девяти сюит для барочной гитары «Гармонические капризы для испанской гитары».

Обращение О. Респиги именно к музыке для лютни можно объяснить тем, что, с одной стороны, лютня была одним из самых распространённых инструментов XVI-XVII веков, который использовался как сольно, так и в качестве аккомпанирующего инструмента. С другой стороны, универсализм лютни, в определённой степени, можно сравнить с возможностями современного рояля – по обилию красок и технических возможностей. Популярность лютни XVI-XVII веков подтверждается устойчивым интересом со стороны композиторов – например, Франческо Канова да Милано, Алессандро Пиччинини, Антонио Вивальди, Иоганн Иероним Капсбергер, Джон Даулэнд, Джон Джонсон, Филип Россетер, Томас Кампион, Сильвиус Леопольд Вайсс и многие другие.

Разновидностью лютни является барочная гитара, неслучайно О. Респиги включает пьесу для этого инструмента в свою сюиту. Сочинения для барочной гитары представлены в творчестве композиторов XVII века: Ф. Корбетты, А. Бартолотти, Л. Ронкалли, Р. де Визе и других.

Оркестровые версии «Старинных танцев и песен» О. Респиги достаточно часто встречаются в концертном репертуаре оркестров. Однако их фортепианная транскрипция звучит достаточно редко.

При разборе фортепианной транскрипции О. Респиги, а затем и при её концертном исполнении, пианисту необходимо работать над несколькими важными задачами: соответствие стилю старинных танцев, показ концертного стиля начала XX века, подражание различным инструмен-

тальным тембрам – как старинным инструментам (лютне и испанской гитаре), так и многообразию инструментов симфонического оркестра, в том числе при изображении оркестрового tutti или игры отдельной группы оркестра.

Первая часть фортепианной транскрипции «Старинные танцы и песни XVI-XVII веков» – «Баллетто» (от позднелат. *ballo* – танцу). Это танцевальная пьеса, часть старинной инструментальной партиты типа аллеманды (двухдольный размер, подвижный темп). Музыка Баллетто предполагает плавные движения танцоров, сопровождаемые сплетениями рук на уровне плеч и выше. Респиги сохраняет основные черты жанра: двухдольный размер (4/4), подвижный темп (*allegro moderato*). Первой теме Баллетто с ее аккордовым складом и четко выстроенной вертикалью противопоставляется лирическая тема, представляющая собой ярко выраженную легатную мелодию в верхнем голосе.

Фактурное изложение Баллетто в целом отличается плотным аккордовым содержанием, типичным скорее для оркестровой фактуры, чем для фортепиано. Пианисту при работе над этой пьесой необходимо проявить оркестровое мышление и красочно озвучить такие фрагменты, как удвоения мелодии и имитационные подголоски. С фактурными особенностями, связанными с лютневыми приемами, связано арпеджированное изложение. Фортепианные штрихи, проставленные в нотах, безусловно, несут на себе отпечаток как лютневой игры («щипковое стаккато»), так и оркестровых штрихов струнно-смычковой группы («струнное легато» на длинную фразу). «Струнное пиццикато» воспроизводится на фортепиано легким, но четким пальцевым стаккато (также можно применить левую педаль). Контрастно на фортепиано может звучать имитация струнного легато за счет придерживания предыдущей ноты до нажатия следующей и мягкого звукоизвлечения. Чтобы усилить плавность легатного перехода пианисту важно контролировать применение правой педали.

Второй номер сюиты «Вилланелла» (итал. *villanella* – деревенская песня): многоголосная песня строфической формы с элементами имитационной полифонии. Пианисты важно показать контраст «Вилланеллы» по сравнению с первым номером «Баллетто». Через штриховую и тембровую палитру показать – более воздушную и «разреженную» фактуру музыкальной ткани.

Третий номер фортепианной транскрипции «Гальярда» (итал. *gagliarda*, фр. *gaillarde* – буквально «веселая», «бодрая»), с такими характерными чертами старинного танца, как умеренно быстрый темп (*allegro moderato*), трёхдольный размер, аккордовый склад фактуры. Респиги передаёт движения танца с прыжками и скачками при помощи акцентов.

При учебной работе в классе фортепиано важно по-

казать богатую палитру тембров и штрихов: подчеркнута сухое *non legato* при проведении темы, красочность плотной оркестровой фактуры в «фактурном» tutti, звонкость и переливы фрагментов в верхнем регистре, подобные тембру «колокольчиков».

Отметим некоторые особенности воплощения на фортепиано звучности разных групп оркестра. Соотношение «оркестровых групп» в рояльной фактуре напоминает работу пианиста с полифоническими произведениями: из общего звучания партитуры надо вычленив ведущую линию (или показать переключку голосов) – но не только динамически, но и тембрально. Например, «legato группы деревянных духовых инструментов имитируется на фортепиано игрой собранной кистью и активными кончиками пальцев. Воссоздавать на фортепиано legato медных духовых инструментов следует с помощью собранной и несколько тяжелой кисти руки, крепкими пальцами. Legato группы скрипок, альтов, виолончелей и контрабасов более насыщенное – на фортепиано достигается путем глубокого и мягкого погружения пальцев в клавиатуру, выразительного интонирования, без использования правой педали» [9, с. 221].

«Италиана» – четвертый номер фортепианной транскрипции, своеобразный лирический центр. В оркестровой версии этого произведения Респиги преобладает струнно-смычковая группа инструментов. Темп Италианы – *Andantino*, что позволяет пианисту охватывать весь объем скрытых в авторском тексте технических и исполнительских задач. Пианисту важно озвучить каждый из голосов полифонической фактуры пьесы, через подражание «голосам» струнных инструментов. Нижний голос в левой руке из восьмых стаккато являет собой самостоятельную мелодическую линию, оттеняющую легато правой руки – этот острый пальцевый штрих всегда должен быть слышен. В правой руке необходимо качественное пальцевое легато и выразительный показ среднего голоса. Представляется целесообразным использование здесь полупедали. Относительно этого номера можно говорить о полифонии штрихов – от инструментального пиццикато басовой линии до «легато струнных» в мелодии. Также пианист может передать особенности лютневой фактуры (арпеджированные пассажи) и штрихов (пиццикато струнных).

Пятый номер транскрипции «Сицилиана» (итал. *siciliana* сицилийская) – старинный итальянский танец пасторального характера, возможно, сицилийского происхождения. Композитор мастерски обогащает старинную тему Сицилианы, трактует ее в экспрессивной романтической манере, применяет наиболее эффектные фактурные приемы и задействует практически все регистры инструмента.

Пианисту в этой пьесе важно подчеркнуть лютневые приёмы игры, ведь арпеджированные аккорды представлены в партиях обеих рук. Особенно ярко прослу-

шивается «металлический» колорит струн в верхнем регистре правой руки. При этом Сицилиана представляет собой яркое концертное сочинения, где композитор использует все фактурное, виртуозное, динамическое богатство средств музыкальной выразительности рояля.

Завершает фортепианную транскрипцию «Пассакалия» (итал. passacaglia; испан. passacalle, от испан. pasar – проходить и calle – улица). В версии Респики сохраняются такие черты жанра, как: медленный темп, 3-дольный метр, минорный лад, торжественно-траурный характер, basso ostinato.

В классе фортепиано при работе над этой пьесой важно обратить внимание на её отличие от предшествующих частей: испанская, а не итальянская национальная основа жанрового прообраза и иной инструмент оригинала – барочная гитара, а не лютия.

Имитация звучания барочной гитары связана с введением арпеджированных аккордов в тесном расположении. Одновременно для передачи торжественного характера финала исполнителю важно приблизиться к оркестровой стилизации, чтобы передать tutti оркестрового звучания. Возможным представляется и показ приближения и удаления «оркестровой звучности» с учётом жанрового прообраза танца-шествия.

Фортепианная транскрипция Отторино Респики «Старинные танцы и песни XVI-XVII веков» сохраняет историческую связь со старинной сюитой и жанровыми прообразами каждого из составляющих цикл танцев. Композитор мастерски использует огромные темброво-колористические возможности рояля, разнообразие его штриховой и динамической палитры для воплощения художественного замысла.

Перед пианистом при исполнении данной фортепианной транскрипции композитор ставит особые задачи двойной интерпретации. Исполнителю необходимо передать стиль оригинальных жанров XVI-XVII веков, а также приблизиться к звучанию отдельных приёмов старинных струнно-щипковых инструментов. Одновременно, пианист должен отразить в своей игре «симфоническое мышление» О. Респики, композитора XX столетия, для которого характерна насыщенность и плотность фортепианной фактуры, требующей богатой окраски тембрами и динамическими возможностями оркестра.

Подчеркнем, что в XX веке возможности тембровой имитации были значительно расширены [14]. Композиторские открытия в области сонорности потребовали новых решений от темброво-колористической стороны звучания, в том числе – рояля, что также актуализирует важность работы над оркестровыми тембрами для современного пианиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин Б.Б. История фортепианной транскрипции. М.: Дека-ВС, 2011. 507 с.
2. Бородин Б.Б. Феномен фортепианной транскрипции: опыт комплексного исследования: автореферат дис. ... доктора иск. Москва, 2006. 44 с.
3. Вартанов С.Я. Знаковая семантика и интеграция концепции в фортепианной интерпретации // Проблемы музыкальной науки. 2015. № 4 (21). С. 49-57.
4. Захарбекова И.С. Равель-аранжировщик: к вопросу о работе композитора над фортепианными и оркестровыми транскрипциями // Современные проблемы музыкознания. 2018. № 3. С. 44-72.
5. Килина Т.В. Пути преодоления ансамблевых проблем в скрипичной сонате О. Респики // Культура – Искусство – Образование. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2016. С. 211-214.
6. Манафова М.М. Темброколористические свойства оркестровой ткани в музыке второй половины XX века: Автореф. дис. ... канд. иск. СПб., 2011. 22 с.
7. Мартышева М.В. Тембровое поле как целостный выразительно-колористический компонент скрипичного звучания: Автореф. дис. ... канд. иск. СПб., 2011. 25 с.
8. Молчанова Т.О. Рациональность восприятия фортепианной фактуры клавира как инициальный фактор в работе концертмейстера // Искусство и культура: научно-практический журнал. 2014. № 3 (15). С. 39–47.
9. Молчанова Т.О. Штрихи как базовый исполнительский принцип работы пианиста-концертмейстера // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. №44. С. 212-224.
10. Мятлева Н.А. Исполнительская интерпретация музыки второй половины XX века: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... канд. иск. Магнитогорск, 2010. 26 с.
11. Слярова М.О., Мазина А.А. Стилевой подход в трактовке транскрипции Отторино Респики «Старинные танцы и песни XVI-XVII веков для лютии» // Искусство глазами молодых. Материалы XI Международной научной конференции. Красноярск, 2019. С. 104-107.
12. Смирнова Н.М. Стиль в исполнительской практике // Вестник Саратовской консерватории. вопросы искусствознания. 2018. № 2 (2). С. 43-51.
13. Тимошенко Л.А. С. Рахманинов – О. Респики // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики. Том 2. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2024. С. 94-98.
14. Усачева О.В. Тембровая имитация в произведениях российских композиторов второй половины XX века // Манускрипт. 2020. Том 13. Вып. 2. С. 174-179.

© Юй Нин (236504721@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ УСТАНОВОК В ОТНОШЕНИИ БУДУЩЕГО КАК ОСНОВАНИЙ ОПТИМИЗМА В ВАРИАЦИЯХ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ

Барыльник Софья Николаевна

Соискатель, Саратовский национальный
исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
sbarylnik@yandex.ru

THE ROLE OF ATTITUDES TOWARD THE FUTURE AS GROUNDS FOR OPTIMISM IN VARIATIONS IN YOUTH PATRIOTISM

S. Barylnik

Summary: The relevance of the study is due to the growing uncertainty in the state, which is characterized by the unknown present and unpredictability of future, lack of information about current events. That is why studying the problem of shaping the image of the future in youth in conditions of uncertainty is an important theoretical and practical task in today's realities of the country.

Objective: to study the role of attitudes towards the future in variations of youth patriotism

Methods: the author's methodology for assessing attitudes of optimism towards future identity (S. N. Barylnik, R. M. Shamionov) to identify them and assess their importance for participants and survey constructive patriotism (S. V. Vasilyev, A. V. Mikhalyoeva) in order to evaluate the content of patriotic attitudes in the context of solving the challenges of forming constructive forms of patriotism. Participants: N = 436, of them – 359 women and 77 men, aged 17 to 27 years, the average age was 20.2 ± 3.5 years, students of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky» of the Ministry of Health of the Russian Federation (Saratov).

Results: Analysis of the data obtained confirms that for student youth optimism about their own future, first of all, determines self-development and self-realization. The regression analysis showed that «Faith in the Glory of our Country», «Heroic Past of our People» and «Civil Rights and Freedoms» are important in shaping constructive patriotism, which confirms the importance of organizing a system of patriotic education in the country.

Practical significance: The study of the characteristics of the formation of attitudes in young people is an important aspect of understanding and forecasting of modern social processes, on the one hand, and on the other hand, a basis for developing practical recommendations for organizing educational work with young people.

Keywords: social identity, patriotism, youth, values, attitudes, students.

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена растущей неопределенностью в государстве, которая характеризуется неизвестностью настоящего и непредсказуемостью будущего, недостатком информации о текущих событиях. Именно поэтому изучение проблемы формирования образа будущего у молодежи в условиях неопределенности является важной теоретической и практической задачей в современных реалиях страны.

Цель: изучить роль установок в отношении будущего в вариациях патриотизма молодежи

Методы (инструменты): использованы авторская методика по оценке установок на оптимизм в отношении будущего идентичности (С.Н. Барыльник, Р.М. Шамионов) для возможности их выявления и оценки их значимости для участников и опросник конструктивного патриотизма (С.В. Васильева, А.В. Микляева) с целью оценки содержания патриотических установок в контексте решения задач формирования конструктивных форм патриотизма. **Участники:** N = 436, из них – 359 женщин и 77 мужчин, в возрасте от 17 до 27 лет, средний возраст составил $20,2 \pm 3,5$ года, обучающихся ФГБОУ ВО «Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского» Минздрава России (Саратов).

Результаты. Анализ полученных данных подтверждает, что для студенческой молодежи оптимизм в отношении собственного будущего, в первую очередь, определяет саморазвитие и самореализация. Проведенный регрессионный анализ выявил, что в формировании конструктивного патриотизма значимыми являются «Вера в расцвет нашей страны», «Героическое прошлое нашего народа» и «Гражданские права и свободы», что подтверждает значимость организации системы патриотического воспитания в стране.

Практическая значимость: изучение особенностей формирования установок у молодежи является важным аспектом понимания и прогнозирования современных социальных процессов, с одной стороны, а, с другой стороны, основанием для разработки практических рекомендаций для организации воспитательной работы с молодежью.

Ключевые слова: социальная идентичность, патриотизм, молодежь, ценности, установки, студенты.

Введение

В последние десятилетия российское общество переживает значительные трансформационные изменения, которые оказали глубокое влияние на процессы социализации молодежи. Эти изменения затронули

не только экономическую и политическую сферы, но и духовные, культурные и социальные аспекты жизни. В результате старые устоявшиеся системы ценностей были подорваны, что привело к возникновению новых вызовов для молодого поколения. В конце 90-х годов, когда Россия столкнулась с экономическим кризисом и

политической нестабильностью, молодежь оказалась в ситуации, когда традиционные ценности и ориентиры стали неактуальными. Система моральных и этических норм, которая формировалась на протяжении десятилетий, была разрушена. Молодежь, не имея четких духовно-нравственных ориентиров, начала искать новые пути самоопределения [1]. Этот процесс протекал хаотично и без определенной направленности, что создало почву для формирования различных субкультур и идеологий.

Проблема социализации молодежи в условиях общественных трансформаций была предметом изучения многих отечественных ученых. В.А. Ядов в своих работах акцентирует внимание на том, как изменяющиеся социальные условия влияют на формирование идентичности молодежи. А.Г. Здравомыслов подчеркивает важность социальных сетей и медиа в процессе социализации, указывая на их роль как новых источников информации и социальных норм. Исследования М.Н. Руткевича и Н.И. Лапина показывают, что молодежь начала активно искать альтернативные источники ценностей, что привело к возникновению новых форм социальной активности. Т.И. Заславская и В.Т. Лисовский исследуют, как молодежные движения и организации стали площадками для формирования новых ценностных ориентиров, которые отвечают современным вызовам [2].

Современная молодежь, несмотря на отсутствие четкой системы ценностей, активно формирует новые ориентиры и создает установки. Это связано с глобализацией и доступом к информации, что позволяет молодежи черпать идеи из различных культур и традиций. Важно отметить, что новые ценности часто сочетают в себе элементы как традиционной, так и современной культуры, что создает уникальные синтетические формы идентичности. Кроме того, социальные сети играют ключевую роль в этом процессе. Они не только способствуют обмену мнениями и идеями, но и формируют новые сообщества, где молодежь может находить поддержку и понимание. Это, в свою очередь, влияет на формирование новых форм социальной ответственности и активизма [3].

Сдвиг к свободному рынку и развитие стоимости деловой активности неизбежно привели среди молодого поколения к восхождению на вершину ценностей богатства, власти, престижа, социального успеха, а также к непониманию со стороны старшего поколения из-за такой подчиненности [4]. Сейчас для молодого поколения менее значимы принципы предков: посвящение жизни избранному занятию, самоотдача, самоконтроль, умеренность и приоритет честности перед личной выгодой. Современная молодежь демонстрирует умение приспосабливаться ко всем социальным изменениям, которые иногда превращаются в виртуализацию, то есть естественное проникновение в область искусственно созданных структур, а также внешнее проявление этого процесса – зависимость от средств массовой информа-

ции и рекламы. Молодые люди стремятся выделиться и проявляют это через внешние отличительные черты, такие как модные тенденции, сленговый язык и принадлежность к определенным субкультурным группам.

Стоит отметить, что именно значимые установки, определяющие оптимистичность будущего, оказывают существенное влияние на содержание и направленность любой формы социальной активности, на формирование гражданской позиции молодых людей и чувства патриотизма, на их поведение в повседневных и критических ситуациях, на общее восприятие мира, что и определяет тему данной работы. Исследование направлено на выявление и оценку приоритетов студенческой молодежи, определяющих оптимизм в отношении собственной жизни, являющимися основанием для конструирования жизненных стратегий и формирования гражданской идентичности.

Материалы

Участники. В исследовании приняли участие 436 испытуемых, из них – 359 лиц женского пола и 77 мужского пола, в возрасте от 17 до 27 лет обучающиеся ФГБОУ ВО «Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского» Минздрава России. Средний возраст участников исследований составил $20,2 \pm 3,5$ года.

Методики. Для изучения установок, определяющих оптимизм в отношении будущего, нами проведен опрос с использованием авторской анкеты, включающей 20 позиций со шкалой от 1 до 7, где 1 – не определяют совсем, 7 – в высшей степени определяют, для последующей оценки их значимости для участников [5]. С целью оценки содержания патриотических установок в контексте решения задач формирования конструктивных форм патриотизма использовался опросник конструктивного патриотизма (С.В. Васильева, А.В. Микляева), включающий две шкалы: «конструктивный патриотизм» и «слепой патриотизм» [6].

Методы анализа данных. Для обработки полученных данных нами использован статистический пакет IBM SPSS Statistics Base 2026. Определены первичные статистики и проведен регрессионный анализ.

Результаты и их обсуждение

В ряде научных работ отмечается заинтересованность молодых людей, в первую очередь, к самореализации, обеспеченности и собственного комфорта, а ориентации на достижение собственных целей далеко не всегда соотносятся с целями социума. Эти утверждения подтверждаются результатами проведенного исследования (таблица 1). Наиболее значимыми для молодежи являются следующие категории будущего, как «Перспектива личного развития», «Способность обеспе-

чить семью», «Карьерный рост». Наименее значимыми оказались: «Замужество/женитьба», «Возможность покупки «статусных вещей», «Героическое прошлое нашего народа», а также «Жизнь в соответствии с западными стандартными».

Таблица 1.
Роль установки на оптимизм в отношении будущего в вариациях патриотизма молодежи.

	Среднее	Стандартное отклонение
Финансовая стабильность	5,53	1,596
Возможность самореализации	5,93	1,266
Престижная работа	5,83	1,351
Героическое прошлое нашего народа	5,09	1,702
Достойные условия труда	5,84	1,477
Перспектива личного развития	6,01	1,269
Вера в расцвет нашей страны	5,66	1,386
Благоустроенность городской среды	5,60	1,466
Психическое здоровье	5,95	1,437
Соматическое здоровье	5,90	1,388
Семья	5,95	1,403
Возможность покупки «статусных вещей»	4,50	1,859
Способность обеспечить семью	6,10	1,404

	Среднее	Стандартное отклонение
Возможность путешествовать	5,81	1,516
Общение с интересными людьми	5,98	1,298
Замужество/женитьба	5,01	1,888
Жизнь в соответствии с западными стандартными	3,73	1,829
Гражданские права и свободы	5,88	1,304
Карьерный рост	6,01	1,341
Социальный статус	5,83	1,306

Результаты регрессионного анализа

В результате регрессионного анализа нами получена модель, объясняющая до 19% общей дисперсии зависимой переменной «Конструктивный патриотизм». Из таблицы 2 видно, что основными установками молодежи для формирования конструктивного патриотизма выступают: «Вера в расцвет нашей страны», «Героическое прошлое нашего народа» и «Гражданские права и свободы». Из этих данных следует, что знакомство с историей народа и победами, успехами страны в экономической, политической и других сферах составляют важную часть приверженности стране, в основе которой находится осознание ее роли в жизни респондентов.

Таблица 2.

Результаты регрессионного анализа.

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость	Δ
		B	Стандартная ошибка	Бета			
Конструктивный патриотизм							
3	(Константа)	10,585	1,340		7,899	0,000	
	Вера в расцвет нашей страны	1,508	0,256	0,325	5,891	0,000	0,27
	Героическое прошлое нашего народа	0,828	0,189	0,216	4,375	0,000	0,03
	Гражданские права и свободы	0,717	0,233	0,145	3,073	0,002	0,02
R2=0,19 F=664,77 p<0001							
Слепой патриотизм							
6	(Константа)	6,325	1,690		3,743	0,000	
	Героическое прошлое нашего народа	1,415	0,245	0,302	5,769	0,000	0,25
	Вера в расцвет нашей страны	1,375	0,295	0,242	4,663	0,000	0,05
	Возможность покупки «статусных вещей»	0,898	0,214	0,210	4,198	0,000	0,02
	Общение с интересными людьми	-0,925	0,280	-0,152	-3,305	0,001	0,01
	Замужество/женитьба	0,554	0,212	0,130	2,607	0,009	0,01
	Жизнь в соответствии с западными стандартными	-0,450	0,210	-0,103	-2,148	0,032	0,01
R2=0,35 F=36,52 p<0001							

Отметим, что согласно полученным результатам по модели (табл.2), объясняющей до 35% общей дисперсии зависимой переменной «Слепой патриотизм», выявлено, что определяющими являются такие установки, как «Героическое прошлое нашего народа», «Вера в расцвет нашей страны», «Возможность покупки «статусных вещей»» и «Замужество/женитьба», а такие установки, как «общение с интересными людьми», «жизнь в соответствии с западными стандартами», напротив, способствует его снижению.

Выявленные показатели подтверждают, что патриотическое воспитание подкрепляется знанием значимых исторических фактов и верой в развитие страны, которое подкрепляется достижениями государства в различных сферах жизни. (Таб. 2)

Заключение

Современный мир предлагает широкий спектр возможностей для формирования различных жизненных стратегий человека. С одной стороны, он предлагает широкий спектр возможностей для индивидуальной свободы, инициативы и личного творчества в самоопределении и самореализации. С другой стороны, происходит обострение проблемы выживания, связанной с процессом социального расслоения населения, утратой социальных гарантий, повышением социальной напряженности и снижением уровня жизни людей. На фоне описанных выше процессов происходят важные

сдвиги в сознании молодежи. Согласно анализу отечественной и зарубежной литературы, подтвердилось, что установки молодых людей в отношении своего будущего являются значимым личностным компонентом, определяющим деятельность, общение и поведение. По результатам проведенного исследования можно заключить, что именно возможность самореализации формирует у молодых людей уверенность в отношении своего будущего. Поддержка и открытое обсуждение достижений России и ее исторического пути в образовательной среде, а также позитивные личные примеры из реальной жизни содействуют формированию гражданской идентичности, а также способствуют активному гражданскому участию в общественной жизни страны.

Таким образом, трансформационные процессы в российском обществе оказали значительное влияние на социализацию молодежи. Старая система ценностей была разрушена, и молодежь оказалась перед выбором новых ориентиров, определяющих их цели на будущее. Исследования отечественных ученых показывают, что, несмотря на хаос и неопределенность, молодежь активно ищет и формирует новые приоритеты в жизненной стратегии, что свидетельствует о ее способности адаптироваться к изменениям и находить свое место в современном мире. Важно продолжать исследовать эти процессы, чтобы лучше понимать, как формируется новое поколение и какие вызовы стоят перед ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова А.С. Ценностные ориентации современной молодежи // Вестник магистратуры. 2021. №1-4 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 09.01.2025).
2. Кошарная Галина Борисовна, Афанасьева Юлия Леонидовна Ценностные ориентации современной Российской молодежи // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 11.01.2025).
3. Шипунова, О.Д. Ценностные приоритеты современной молодежи в социальной адаптации / О.Д. Шипунова, И.П. Березовская // Дискурс. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 35-45. – DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-3-35-45
4. Кушова К.А., Шогенова Ф.З. Ценностные ориентации современной молодежи: особенности и тенденции // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18253> (дата обращения: 24.12.2024).
5. Барыльник, С.Н. Структура социальной идентичности обучающихся медицинских вузов / С.Н. Барыльник, Р.М. Шамионов // Человеческий капитал. – 2024. – № 11(191). – С. 41-50. – DOI 10.25629/HC.2024.11.04.
6. Васильева С.В., Микляева А.В. Опросник конструктивного патриотизма (подростковая версия): психометрические характеристики // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5. № 3. С. 458-472.
7. Скворцов И.П., Глотов С.А. Формирование патриотизма у молодежи в современных социокультурных условиях: теоретические и практические аспекты // Вестник Московского государственного областного университета.
8. Гасанова З.Б. Социально-психологические условия формирования у студенческой молодежи гражданской идентичности и патриотизма в поликультурной среде // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. No 2 (9). С. 9–15. doi: 10.46741/sjjournal.2023.9.2.001.
9. Осокина, И.Л. Образ Будущего глазами молодых / И.Л. Осокина // Образ будущего: Сборник тезисов Второй Международной научно-практической конференции, Орёл, 24–25 февраля 2022 года. – Орёл: Издательство «Картуш», 2022. – С. 83-87.
10. Тучина, О.Р. Представление молодежи о будущем в условиях неопределенности: возможности и перспективы исследований / О.Р. Тучина, В.Е. Бафанова, А.В. Чемулова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021.

11. Гайфуллин, А.Ю. Ценностные ориентации и потенциал социального роста молодежи российского региона в современных условиях / А.Ю. Гайфуллин, С.О. Куценко // Вестник ВЭГУ. – 2016. – № 5(85). – С. 24-31.
12. Spears R. Social Influence and Group Identity // Annu Rev Psychol. 2021, vol. 4; no. 72, P. 367-390 - <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-070620-111818>.
13. Kish Bar-On K, Lamm E. The interplay of social identity and norm psychology in the evolution of human groups // Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci. 2023, vol. 13; no. 378, P. 202-211.

© Барыльник Софья Николаевна (sbarylnik@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ РЕБЁНКА В ПОСТ-НЕКЛАССИЧЕСКОМ ВИДЕНИИ

Домбрин Игорь Михайлович

Южный федеральный университет, (г. Ростов-на-Дону)

dombrin@yandex.ru

FACTORS DEVELOPMENT OF THE CHILD'S COGNITIVE ABILITIES IN THE POST-NON-CLASSICAL VISION

I. Dombrin

Summary: The work is devoted to the study of factors that determine the development of a child's cognitive abilities. Classical and non-classical ideas about the causality of a variety of ways of a child's development, consisting in his heredity, previous experience and habitat, are presented. The genesis of the concept of «cognitive abilities» is described and the problem of their development is analyzed, due to the classical paradigm of methodology in the humanities. The possibilities of post-nonclassics in solving this problem are shown, arising from the integral model of man and his interactions with the cognizable World. The paper describes the essence of the cognitive process and the factors influencing the development of a child's cognitive abilities. It points out the fundamental role of human subjectivity and personality in the development of their individual abilities. The conclusion is made that it is necessary to understand the essence of a particular child in order to ensure its safe development.

Keywords: post-non-classical psychology and pedagogy, harmonious upbringing, cognitive abilities, cognitive development, integral anthropology, activity management, development security.

Аннотация: Работа посвящена изучению факторов, предобуславливающих развитие познавательных способностей ребёнка. Приведены классические и неклассические представления о причинности многообразия путей развития ребенка, заключающейся в его наследственности, предшествующем опыте и среде обитания. Описывается генезис понятия «познавательные способности» и анализируется проблема их развития, обусловленные действующей в гуманитарных науках классической парадигмы как методологии. Показываются возможности пост-неклассики в решении данной проблемы, вытекающие из интегральной модели человека и его взаимодействий с познаваемым Миром. В работе описывается сущность процесса познания и факторы, влияющие на развитие познавательных способностей ребёнка. Указывается на фундаментальную роль субъектности человека и его личности в развитии своих индивидуальных способностей. Делается вывод необходимости понимания сущности конкретного ребёнка для обеспечения его безопасного развития.

Ключевые слова: пост-неклассическая психология и педагогика, гармоничное воспитание, познавательные способности, когнитивное развитие, интегральная антропология, управление деятельностью, безопасность развития.

Вся педагогика, и как наука и как искусство, предлагает различные пути развития гармоничной личности, и старается ответить на вопросы, каковы источники развития ребёнка, в том числе его способностей, и почему поведение личности ребёнка и проявление его способностей, несмотря на все прилагаемые наукой и воспитателями усилия, чаще всего является неожиданным и для учёных, и для родителей, и для педагогов?

Эти вопросы и составляют проблему настоящего исследования, цель и задача которого найти соответствующие ответы, используя потенциал современной науки.

Ретроспектива проблемы показывает, что уже античная педагогика (представителем которой являлся, например, Аристотель) представляла ребёнка как Душу, произошедшую от Бога. Классическая антропология, отрицая это, представляла человека как набор психических механизмов, порождаемых мозгом вместе с человеческим сознанием [7], и объясняла конкретное поведение и развитие способностей биологической наследственностью и воздействием среды, как это показывали, например, представители двухфакторной теории

К. Бюлер, В. Штерн, А. Бине [27].

Рассмотрим развитие смыслового содержания понятия «познавательные способности». В русском языке появившееся слово «способность» позже принимает значение «природная одаренность» и словосочетания «возможность производить какие-нибудь действия» [13]. Классические представления о развитии способностей приведены в обширной литературе по психологии и педагогике [16]. Большинство отечественных психологов в своих исследованиях по психологии способностей опирались на методологические позиции, разработанные Б.М. Тепловым и его школой, и придерживались следующего определения: «Способности – это индивидуально-психологические особенности человека, являющиеся условием успешного выполнения того или иного вида продуктивной деятельности или многих видов деятельности» [1]. В качестве основы для способностей, рассматриваются «задатки», представляющие собой, в классике, биологические особенности индивида. Согласно этим представлениям, способности индивида отражают его природную сущность и проявляются как «свойства функциональных систем, реализующих познавательные и

психомоторные функции психики. На основе способностей индивида формируются способности субъекта деятельности за счет развития интеллектуальных операций (операционных механизмов)» [25]. Определённые формы познавательной деятельности (человек видит, слышит, чувствует) требуют определённых познавательных способностей, в психологии их ещё называют когнициями.

Познавательные способности лежат в основе любой деятельности, но классическая психология познания использует ограниченное понимание деятельности и не рассматривает познание, не связанное с интеллектом. Упускается из виду то, что устройство человека сложнее классической научной модели, что человек – не есть механизм, а есть пространственно-временной континуум [10].

Следовательно, в классической науке ответы на вопросы исследования не могут быть найдены, из-за ложных представлений о человеке и о ребёнке, как о «табула раса» [10] – чистом листе, не имеющем предшествующего опыта и не имеющем будущего после смерти телесной формы его существования.

Они могут быть найдены с учётом того, что любое научное исследование имеет естественно-научную основу, пусть даже и скрытую от самих исследователей. Использовать «принцип *«psychologica – psychological»* (объяснять психическое через психическое), значит, топтаться на месте» [29]. «Настоящая наука, вне зависимости от отрасли научного знания, должна проявлять именно естество знания, а если этого не происходит, значит под флагом науки скрываются околонаучные ментальные спекуляции и ничего более. Естественнонаучный подход означает также, что при решении в его контексте каких-либо задач используется современная парадигма (основание) естественных наук, и прежде всего, физики» [10]. Современная физика, как базовая наука всех отраслей науки, предлагает более точные, чем ранее, способы познания устройства Вселенной (от астрофизики и физики «черных дыр» до квантовой физики). Современная физика показывает нам фундаментальные законы природы, действующие и в человеке [8].

Пост-неклассическая наука работает именно с интегральными моделями, не противопоставляя современные взгляды более ранним, а объединяя их, интегрируя все способы познания: от объективных до философских и созерцательных [26].

В интегральном (суммирующем всё известное) подходе к любому исследованию должны интегрироваться все сущностные характеристики исследуемого объекта [10]. В интегральной модели К. Уилбера обобщены наиболее важные исследования в области философии, психологии, социологии [20], рассматриваются все способы познания: «у мужчин и женщин есть (по меньшей мере)

три oka познания: глаз плоти, который познает физические события; глаз ума, который познает образы и желания, понятия и идеи; и око созерцания, которое познает духовные переживания и состояния» [21].

Рассматривая интегральную модель познания и говоря о познавательных способностях не только в структурном, но и в функциональном аспекте, обратимся к К.Г. Юнгу, который включил в свою типологию психологические функции человека, лежащие в основе познания. Четыре основные функции, выделенные им, – это ощущение, чувствование, мышление и интуиция [28]. А. Аугустинавичюте усовершенствовала теорию информационного метаболизма и показала, что для восприятия окружающего мира психика человека использует элементы информационного метаболизма (ИМ), каждый из которых также дифференцирует и отражает один определенный аспект действительности: вещество, энергию, пространство и время [2]. Человек, воспринимая эти четыре области, постоянно взаимодействует с ними. Каждая система (по теории информации) принимает только адекватную себе информацию. То есть принимает только те сигналы, которые и сама может выдавать. Таким образом, существуют типы информационного обмена, которые включают как прием, так и передачу информации. Разделение на субстанции обмена объясняется самой физической природой действительности.

Современный человек окружён предметами, и они, являясь результатом его воздействия, в свою очередь воздействуют на него. Но это только самый доступный для восприятия аспект взаимодействия (обмена). Выделение уровней реляционного обмена, сопоставленных К. Уилбером с этапами развития сознания в моделях Колберга, Хоува, Роулза, Титченера, Армона, Пека, Гиллиган и др. [20], и соответствующих структурной организации человека в интегральной телесно-душевно-духовной модели модели М. Генделя [10], показывает, что кроме телесного, существует и душевно-духовное взаимодействие с окружающим миром:

- материальный (пища, труд);
- эмоциональный (секс, безопасность, власть, принадлежность, забота);
- ментальный (членство, дискурс, саморефлексивный обмен, автономный обмен);
- душевный (психическое видение, общение с Богом, единение с Богом);
- духовный (самотождественность божества, сахаджа).

Следовательно, познавательные способности человека – основа бытия, природная сущность, обмен информацией, отображенной в различных субстанциях.

Таким образом, мы видим большой объяснительный потенциал пост-неклассических интегральных моделей.

Если человек в классической психолого-педагогической науке рассматривается как биосоциальное существо, определяемое генами и воспитанием, лишённый того, что называется «душа», то пост-неклассическая модель показывает человека гораздо глубже, от тела до души и духа.

Понятие «душа» возвращается в науку. Например, Б. Лихачёв призывает нас вернуться к этому «незамеченному ничем в педагогике понятию и, наполнив его новым содержанием, предлагает ввести в научный оборот» [3]. Вершиной модели образовательной пирамиды Ш.А. Амонашвили являются философские взгляды педагога и его Вера – вера в ребенка, в существование души ребенка, даже еще не родившегося [1]. «Вечная философия» уточняет, что результатом накопления и интеграции всего опыта бытия конкретного человека является его индивидуальность. Отличие одного человека от другого определяется количеством и качеством пережитых конкретной сущностью проявлений (жизней). Индивидуальность обусловлена именно бесконечностью возможных форм проявленной реализации сути и условий проявления, а личность – это проекция индивидуальности и инструмент взаимодействия с конкретными общественными и природными условиями, т.е. через личность, как инструмент, и её жизненную программу, индивидуальность определяет среду для своей реализации [10].

Отсюда следует, что задатки способностей не просто биологичны. Действующая субъектность, являющаяся ядром индивидуальности, на основе прошлого опыта и жизненной программы, создаёт проект своего развития, который и реализуется в виде наследственности и условий жизни. Отсюда и предназначенность человека (его судьба), и выбор рода для своего проявления. Отсюда и потенциальные способности, развивавшиеся в предшествующем опыте.

Таким образом, интегральное, пост-неклассическое представление о факторах, влияющих на всю деятельность человека, и, следовательно, на развитие познавательных способностей ребёнка, видится следующим [11]:

- фоновое управление, касающееся всего сущего на Земле, к которому относятся общие принципы и законы мироздания, космофизические факторы, созданная самим человеком техносфера, и коллективное ноосферное информационное содержание, чутко воспринимаемое большинством детей;
- жесткие императивы, вложенные в человека Создателем (дыхание, пищеварение, размножение, рост и развитие ребёнка);
- действие причинного-следственных законов сохранения энергии и информации (законов кармы и судьбы);
- базовые запечатления из предшествующего опыта, задающие отношения индивида с Миром;

- тип информационного метаболизма, показывающих особенности энергоинформационного обмена с собой, с другими и средой обитания;
- управляющие императивы и программы функциональных систем, формирующие объективную окружающую среду для развития ребенка, с помощью чего обеспечивается управление человеком объективными средствами, или непроявленное управление через подспудное навязывание желаний, или, в идеале, открытие интегральных возможностей для развития человека;
- устойчивые социальные стереотипы поведения и мышления, установки, к которым дети очень чувствительны в силу своего сензитивного периода когнитивного развития.

Через закон кармы действуют ограничения от прошлого опыта, создающие поток событий (судьбу) для возможности прохождения жизненных уроков и получения необходимого опыта в целях дальнейшего развития. Следовательно, каждый человек в каждый момент творит своё будущее, а родители обеспечивают условия для реализации детьми их жизненной программы.

Очень важны запечатления (импринты) в нейробиологических контурах сознания, которые могут быть позитивными и негативными [22]. При положительном импринте по первому контуру (биологического выживания) Мир воспринимается дружелюбно, радостно даже в случае необходимости преодолевать жизненные трудности, на самом деле являющиеся обучающими уроками. Дети с радостью открываются жизни. Положительный импринт по второму (эмоционально-территориальному) контуру формирует ощущение себя свободным человеком, живущим в пространстве Любви. Дети свободно осваивают окружающее пространство. Третий семантический контур открывает готовность сознания к своему изменению. У детей активизируется творчество, способности познавать Мир. Социально-половой контур (моральный) обеспечивает нравственность отношений как между противоположными полами, так и со всем Миром. Он, при положительном импринте, обеспечивает развитие совести, как способности чувствовать другого при взаимоотношениях.

Как уже рассматривалось, соционика показывает 8 каналов восприятия и обмена в 4-х функциях приема и переработки информации механизма информационного метаболизма (ИМ). У детей тип ИМ проявляется в их поведении, интересах, занятиях, играх, творчестве. Влияние функциональных систем в том, что они могут дать детям максимально адекватные современной науке условия для развития или же тормозить развитие, приводя как к деградации личности, так и к деградации самой системы. У детей не только формируются свои устойчивые стереотипы поведения и мышления, установки, но и

заимствуются от значащих взрослых, а у подростков – от сверстников.

В рамках постнеклассической методологии существует и подтверждение влияния законов сохранения энергии и информации на развитие познавательных способностей, а именно в таких областях науки как: психогенетика, исследования прошлых жизней детей, трансперсональная психология.

Психогенетика стала одним из этапов развития антропологической науки. Результаты психогенетических исследований, проведенных разными методами, говорят о существовании «исходной» индивидуальности, не задаваемой биологической наследственностью. «Уникальность генотипа каждого человека, высокая индивидуализированность многих психологически значимых средовых факторов, ковариация и взаимодействие одного и другого – вот те силы, о которых говорит психогенетика и которые формируют бесконечное разнообразие людей» [14]. Парапсихология продвинулась в познании источников развития человека глубже.

Начиная с последней четверти XIX в., паранормальные явления исследуются и подвергаются научной систематизации. К их изучению привлекаются философы, психологи, биологи, медики, физики. В настоящее время официальными исследованиями таинственных явлений заняты коллективы нескольких сотен организаций в большинстве цивилизованных стран мира [17, 23]. Например, исследован феномен прошлых жизней детей, о котором известно было всегда, и о котором писал Л.Н. Толстой: «Как снов мы переживаем тысячи в этой нашей жизни, так и эта наша жизнь есть одна из тысяч таких жизней, в которые мы вступаем из той, более действительной, реальной, настоящей жизни, из которой мы выходим, вступая в эту жизнь, и возвращаемся, умирая. Наша жизнь есть один из снов той, более настоящей жизни и так далее, до бесконечности, до одной последней, настоящей жизни, – жизни Бога» [19].

Научные исследования прошлых жизней детей, проведенные профессором Я. Стивенсоном, основаны на тщательной проверке любых входных данных и строгих научных доказательствах взаимосвязей между конкретными фактами текущей и предполагаемой прошлой жизнью испытуемых. Все данные подтверждены, задокументированы и официально опубликованы. Реинкарнация подтверждается эмпирическим опытом многих людей.

«Несмотря на распространенное мнение, идея реинкарнации не привязана исключительно к Индии или какой-то определенной культуре. Это было твердым духовным убеждением миллиардов людей всего мира на протяжении многих столетий – глобальная идея, самостоятельно пробуждающаяся на каждом континенте и

увлекающая множество людей – от тевтонов и кельтов Северной Европы до аборигенов Африки, Австралии и Америки. Сотни миллионов людей, исповедующих буддизм и индуизм, верят в реинкарнацию. К этому благосклонно относится ислам – его мистическое течение, суфизм, сделал идею реинкарнаций краеугольным камнем своего учения. С этой точки зрения в масштабах всего мира иудейско-христианская культура, отрицающая реинкарнации, остается в явном меньшинстве» [4]. Сотни миллионов людей не просто верят в реинкарнации, а используют это знание в опыте своего развития. Самыми непосредственными свидетелями своего прошлого опыта являются дети, так как он ещё не подавлен антагонистическими убеждениями в обществе. «Когда ребенок говорит о воспоминании из прошлой жизни, словно круги расходятся по поверхности озера. В центре находится ребенок – исцеленный и переживший. Рядом стоят родители, замороженные истиной переживания – истиной настолько сильной, что она способна потрясти и сокрушить все устоявшиеся убеждения. Для того, кто не стал непосредственным свидетелем события, само прочтение книги или статьи о воспоминаниях ребенка о прошлой жизни способно настроить разум и душу на понимание. Детские воспоминания о прошлых жизнях обладают властью изменить жизнь» [там же].

Принимая тот факт, что некоторые дети жили раньше в других формах (личностях), мы можем глядеть на детей иными глазами. «Мы уже знаем, что дети – это не просто биологические существа, чье поведение обусловлено лишь наследственностью и внешней средой. Они также и духовные существа, принесшие с собой мудрость и опыт, приобретенные в предыдущих жизнях» [4, 307].

Опыт бытия накапливается и в этой жизни ребёнка, от зачатия до рождения, в виде базовых перинатальных матриц. «Травматические воспоминания о некоторых особенностях рождения, по всей видимости, являются важной составляющей разного рода психогенных симптомов. Бессознательная запись переживаний, связанных с биологическими родами, представляет собою всеобщий резервуар тяжелых эмоциональных переживаний и физических ощущений, служащих источником разнообразных видов психопатологии. Но в таком случае, разовьются ли эмоциональные и психосоматические нарушения и какой вид они примут, зависит от усиливающего воздействия травматических событий в период послеродовой истории, либо же, напротив, от смягчающего влияния различных благоприятных биографических составляющих» [6].

В этом ракурсе видно, что родители создают условия и тем самым приглашают те или иные души для проживания земного опыта, для развития через выполнение жизненных задач. Про земные задачи ребёнка написано во многих книгах [5], кроме уроков для родителей и радости

для их души, кроме задачи вырасти и стать взрослым, это задача интегрального развития. Развиваясь через расширение сознания, человек становится многограннее, следуя призыву Иисуса Христа – «стать такими же совершенными, как совершенен отец Ваш небесный» [9].

Наиболее важным фактором, предиктором развития человека и его познавательных способностей, является его субъектность. Согласно интегральной антропологии, человек бесконечен во времени и в пространстве, ведь суть человека – это чистое сознание или дух. Суть, многократно воплощаясь, вбирает в индивидуальности весь этот опыт и проявляется каждый раз в конкретных жизненных условиях в виде личности. При этом, человеком, согласно интегральной антропологии, управляет энергоинформационная структура – сознание [11]. Человек развивается, совершенствуя управление всеми структурными составляющими. В этом – фундаментальная роль субъектности человека в обеспечении своего развития. С этой точки зрения, дети – ещё недопроявленные сущности, обучающиеся управлять собой в человеческих телах. Получаемый ими жизненный опыт используется для расширения сознания и развития самоуправления, то есть осознания. Осознание – это начало понимания, для этого необходимы знания и опыт, которые получают человеком в процессе деятельности [12].

Подрастая, человек тянется к тому, что было запланировано, а потому и сейчас интересно. Глубинное чувство Творца проявляется в стремлении к самостоятельности, к свободе. Новые задачи ведут к развитию, творчество в решении задач открывает скрытые способности. Потребность ребёнка и в том, чтобы самому делать посильную для него работу (в центре зоны ближайшего развития). Ребёнку необходимо учиться управлять собой. Это открывает возможности для рефлексии и осознанности, что в свою очередь ускоряет развитие. От взрослого, при этом, требуется помощь ребёнку в его неумелых действиях (в зоне ближайшего развития) и сотрудничество в совместных делах.

Так как есть причины для всего происходящего, есть и то, что предназначено для чего-то будущего. Согласно рассмотренному выше, ребёнок, ещё до рождения, бывши взрослым человеком, ставит перед собой задачи. Они и составляют предназначение, личные задачи в жизни, среди других [15]. Человек должен раскрыть свою способность, научиться сосуществовать в гармонии с земными материями, управлять веществом, энергией и информацией. Детям необходимо познавать мир, природу, общество, человека и себя в мире. Для этого важно, чтобы у ребенка не закрылось Око души [21].

Учитывая прошлые жизни человека, призвание не может быть сформировано, «смысл должен быть найден, но не может быть создан» [23]. Вопрос о смысле жизни

является ключевым для человека, достигшего определенной ступени развития. Вся жизненная программа становится доступной для осознания, если человек осознал смысл жизни и «взошёл» в своем развитии к своей индивидуальности [10].

Выводы

Поиск источников развития способностей человека является важной задачей для общества. Но страх перед неизвестным поддерживает представления об «трёхмерном», телесном человеке. Классическая и неклассическая антропология, психогенетика и когнитивная наука не стремятся показать нам Мир во всей его целостности, оставляя нам только «флатландию» (термин К.Уилбера об одностороннем объективном мире). Тем не менее, психогенетика показала, что поиск детерминант развития переместился на информационный уровень, и это не только телесные признаки человека, но и энергетические характеристики, и психические качества. Информационные структуры человека могут быть кем-то не видимы в теле, но они незримо присутствуют в человеке. Наука о происхождении и развитии человека становится пост-неклассической. Перспективна и квантовая генетика, и множество междисциплинарных наук, создающих интегральную модель многомерного человека, бесконечного во времени и в пространстве.

Развитие человека основывается на развитии познавательных способностей. Интегральное развитие происходит на всех уровнях познания от телесно-рационального до интуитивно-духовного.

На развитие способностей человека влияет множество факторов не только после рождения, но и в пренатальный период, и даже до зачатия. Это фоновое управление, императивы Создателя, опыт прошлых и текущей жизни в соответствии с законами сохранения энергии и информации, импринты по нейроконтурам, тип информационного метаболизма, ограничения и установки функциональных систем, стереотипы поведения и убеждения. Кроме того, регрессионные исследования и поведение множества детей подтверждают наличие прошлых жизней человека и их опыт, влияющий на поведение в настоящей жизни.

В настоящее время много научных доказательств о том, что ребёнок уже был взрослым. Необходимо воспользоваться интегральной антропологией и методами постижения истинного знания, чтобы выяснить, что ребёнок не с «чистого листа» начинает свою жизнь. Много из прошлых жизней забыто для ребёнка, а то, что он помнит, но не имеет способа выразить, влияет на состояние и поведение. Если родители принимают ребёнка как данность, то должны понимать, что у ребёнка есть длительная история. Таким образом, обладание многи-

ми способностями в прошлом проявляется в готовности развития их в детстве. Также фундаментальна роль субъектности человека в развитии своих способностей. Для ребёнка – это путь к гармоничному развитию че-

рез реализацию своего предназначения. Для ученого и педагога, видение факторов развития познавательных способностей направляет практическое развитие самого учёного и педагога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили Ш.А. Как любить детей. Опыт самоанализа // Изд-во «Амрита», 2022. – 176 с.
2. Аугустинавичюте А. Дуальная природа человека // Соционика // Т. 1: Введение // СПб.: Terra Fantastica, 1998. – 448 с.
3. Базалук О.А. Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях: коллективная монография / Под ред. О.А. Базалука К.: Издательский дом «Скиф», 2012. – 408 с.
4. Боумэн К. Прошлые жизни детей: Как воспоминания о прошлых жизнях влияют на вашего ребенка / Кэрл Боумэн; Пер. С. Грабовецкий, А. Грабовецкая. Киев; Москва: «София», 1998. – 318 с.
5. Грэй Дж. Дети с небес: Уроки воспитания. Как развивать в ребенке дух сотрудничества, отзывчивость и уверенность в себе \ М.: Изд-во «София», 2017. – 352 с.
6. Гроф С. Психология будущего. Уроки современных исследований сознания / Пер. с англ. С.Офертаса // Изд-во АСТ и др., 2001. – 476 с.
7. Дубровский Д.И. Сознание как предмет нейрофизиологического исследования (эпистемологические и методологические вопросы) // Философия науки. Выпуск 15. Эпистемология: актуальные проблемы. М.: ИФ РАН, 2010. – С. 194–213.
8. Липецкий Н.Н. Квантовая парадигма в системе нового психологического знания / Н.Н. Липецкий. – Текст:// Молодой ученый. – 2012. – № 3 (38). – С. 328–333.
9. Нагорная проповедь // Евангелие от Матфея. Гл.5 7 (5:1–7:29)
10. Непомнящий А.В. Методологические проблемы психологии // Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2013. – 168 с.
11. Непомнящий А.В. Введение в интегральную антропологию // Ч.3. Деятельность человека, проблема управления деятельностью и пути её решения/ Непомнящий А.В. Учебное пособие по курсу «Антропология». – Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2016. – 220 с.
12. Непомнящий А.В., Нещадим И.О. Структурное моделирование в решении проблем современного образования // Журнал ЮФУ Мир университетской науки: культура, образование – №4 2023 г. – С. 21–31
13. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка \ М.: АЗЪ Ltd, 1992 г. – 955 с.
14. Равич-Щербо И.В. Психогенетика, Учебник/И.В. Равич-Щербо, Т.М. Марютина, Е.Л. Григоренко. Под ред. И.В. Равич-Щербо – М.: Аспект Пресс, 2000. – 447 с.
15. Робинсон К. Призвание. Как найти то, для чего вы созданы, и жить в своей стихии / Кен Робинсон при участии Лу Ароники; пер. с англ. В. Кукушкиной.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер»; Москва, 2009. – 368 с.
16. Романова М.А. Развитие познавательных способностей в контексте когнитивной психологии // Ярославский педагогический вестник/Психология № 2 (55) – 2008. – С. 62–66
17. Савушкин Р.А. Общая парапсихология\ Научно-популярный очерк// Москва, 2009. – 262 с.
18. Теплов Б.М. Способности и одаренность. (1941) // Вестник практической психологии образования, №4(33) октябрь – декабрь 2012. – С.54–57
19. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 66 / Письма 1891 (июль – декабрь) – 1893 / Гос. Изд-во худ. литературы, Москва – 1953. – С.155
20. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / К. Уилбер; Пер. с англ. под ред. А. Киселева. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. 412, [4] с.
21. Уилбер К. Краткая история всего// Кен Уилбер; пер. с англ. С. В. Зубкова. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 476 [4] с.
22. Уилсон Р. Психология эволюции / Перев. с англ. – М.: ООО Издательский дом «София», 2006. – 304 с.
23. Франкл В. Человек в поисках смысла // Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
24. Ханцеверов Ф. Эниология: непознанные явления биолокации, телекинеза, уфологии, ясновидения, телепатии, астрологии. Кн. 1. От интуитивных догадок к современной науке/ Международная академия энергоинформационных наук. АНМ, Москва, 1996. – 282 с.
25. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп.//М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. 320 с.
26. Шапошникова Л.В. Космическое мышление и новая система познания //Живая Этика и наука. №1/2008. С.14–40
27. Щипанова Д.Е. Психология развития [Электронный ресурс]: учебное пособие / Д. Е. Щипанова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2017. 178 с. Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/21715>
28. Юнг Г. Психологические типы / Пер. с нем. – М.: «Университетская книга», ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 720 с.
29. Юревич А.В. Парадигмальные дебаты //Методология и история психологии, 2007, Том 2. Выпуск 3 //Парадигмы в психологии. С.3–17.

© Домбрин Игорь Михайлович (dombrin@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТИ ПРОФАЙЛЕРА ПОСРЕДСТВОМ ТЕХНОЛОГИИ «NEURO SKILLS»

Коваленко Максим Александрович

Директор, Национальная гуманитарная академия

avestamv@mail.ru

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF DEVELOPING THE OBSERVATION SKILLS OF A PROFILER USING THE "NEURO SKILLS" TECHNOLOGY

M. Kovalenko

Summary: The article is devoted to the scientific and applied aspects of developing the observation skills of a profiler using the "neuro skills" technology. The relevance of the study is due to the need to solve the problems of developing the observation skills of a profiler using effective psychological technologies, in particular the "neuro skills" technology. Object: analysis of scientific and applied aspects of developing the observation skills of a profiler using the «neuro skills» technology. Research objectives: 1) to analyze psychological observation from the point of view of conscious and unconscious, neurocognitive and neuropsychological mechanisms of organizing the professional activity of a profiler; 2) to identify the developing resources of the "neuro skills" technology; 3) to reveal the scientific and applied aspects of using the "neuro skills" technology as a condition for developing the psychological observation skills of a profiler. Methods: theoretical analysis of the scientific literature on the research problem. Findings: psychological observation is defined as a professionally important quality of a profiler's personality from the standpoint of the psychology of consciousness and the unconscious, cognitive psychology, and the theory of neuropsychology; the theory and practice of the "neuro skills" technology is based on the scientific provisions of cognitive psychology, neuropsychology, explaining the brain organization of consciousness, emotions and activity of higher mental functions; the practical aspects of the «neuro skills» technology are characterized by the use of modern methods and significant development potential, including for the development of psychological observation of the profiler. Conclusions: 1) the process of psychological observation of the profiler is carried out through the mechanisms of the brain organization of mental functions involved in the observation process; 2) the development of psychological observation of the profiler must be carried out on the basis of neuropsychological mechanisms of the brain organization of mental processes that ensure the observation process; 3) the theoretical provisions and practical methods of the «neuro skills» technology are based on the scientific provisions of cognitive psychology, neuropsychology, psychology of consciousness and the unconscious, explaining the brain organization of the psychological observation process, which allows creating practical methods for the targeted development of psychological observation of the profiler.

Keywords: profiling, profiler, professionally important qualities, psychological observation, neuropsychology, cognitive psychology, "neuro skills" technology.

Аннотация: Статья посвящена научно-прикладным аспектам развития наблюдательности профайлера посредством технологии «neuro skills». Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения задач развития наблюдательности профайлера посредством эффективных психологических технологий, в частности технологии «neuro skills». Цель: анализ научно-прикладных аспектов развития наблюдательности профайлера посредством технологии «neuro skills». Задачи: 1) провести анализ психологической наблюдательности с точки зрения сознательных и бессознательных, нейрокогнитивных и нейропсихологических механизмов организации профессиональной деятельности профайлера; 2) выявить развивающие ресурсы технологии «neuro skills»; 3) раскрыть научно-прикладные аспекты использования технологии «neuro skills» как условия развития психологической наблюдательности профайлера. Методы: теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования. Результаты: психологическая наблюдательность определяется как профессионально-важное качество личности профайлера с позиции психологии сознания и бессознательного, когнитивной психологии, теории нейропсихологии; теория и практика технологии «neuro skills» основывается на научных положениях когнитивной психологии, нейропсихологии, объясняющих мозговую организацию сознания, эмоций и деятельности высших психических функций; практические аспекты технологии «neuro skills» характеризуются использованием современных методов и значительным развивающим потенциалом, в том числе и для развития психологической наблюдательности профайлера. Выводы: 1) процесс психологического наблюдения профайлера осуществляется посредством механизмов мозговой организации психических функций, участвующих в процессе наблюдения; 2) развитие психологической наблюдательности профайлера необходимо осуществлять на основе нейропсихологических механизмов мозговой организации психических процессов, обеспечивающих процесс наблюдения; 3) в основе теоретических положений и практических методов технологии «neuro skills» лежат научные положения когнитивной психологии, нейропсихологии, психологии сознания и бессознательного, объясняющих мозговую организацию процесса психологического наблюдения, что позволяет создать практические методики целенаправленного развития психологической наблюдательности профайлера.

Ключевые слова: профайлинг, профайлер, профессионально-важные качества, психологическая наблюдательность, нейропсихология, когнитивная психология, технология «neuro skills».

Введение

Развитие психологической теории и практики в настоящее время привели к активному использованию в различных сферах профессиональной деятельности человека современных психологических технологий и психотехник, к числу которых относится профайлинг. В настоящее время метод профайлинг широко применяется как метод обеспечения безопасности, профилактики и расследования преступных событий и личностного профиля преступника в системе обеспечения безопасности населения и в правоохранительной деятельности, как метод оценки и прогноза поведения человека в управлении персоналом, в педагогической практике и в семейном консалтинге. Правоохранительные органы, государственные службы, финансовые организации и банковский сектор, различные бизнес-структуры все чаще прибегают к услугам профайлеров, специалистов, владеющих методами профайлинга. Важными становятся вопросы разработки научно-практических условий развития профессионально-важных качеств профайлеров. Одним из ведущих психологических качеств в профайлинге является психологическая наблюдательность, выступающая профессионально-важным качеством специалиста профайлера [3; 6]. Наблюдение как процесс и наблюдательность как качество личности профайлера детерминировано социально-психологическими, психофизиологическими, нейропсихологическими механизмами мозговой организации профессиональной деятельности, которая реализуется как на сознательном, так и на подсознательном уровнях [7]. Актуальным становится анализ научно-прикладных аспектов развития наблюдательности профайлера посредством технологий, учитывающих нейрокогнитивные и нейропсихологические механизмы организации профессиональной деятельности профайлера, в частности технологии «neuro skills».

Целью исследования выступает анализ научно-прикладных аспектов развития наблюдательности профайлера посредством технологии «neuro skills». **Задачи исследования:** 1) провести анализ психологической наблюдательности с точки зрения сознательных и бессознательных, нейрокогнитивных и нейропсихологических механизмов организации профессиональной деятельности профайлера; 2) выявить развивающие ресурсы технологии «neuro skills»; 3) раскрыть научно-прикладные аспекты использования технологии «neuro skills» как условия для развития психологической наблюдательности профайлера. В качестве методов применялся теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования.

Результаты

Анализ научно-прикладных аспектов развития на-

блюдательности профайлера посредством технологии «neuro skills» требует рассмотрения ряда вопросов, в частности определения сущности и содержания профайлинга как вида профессиональной деятельности, выделения психологической наблюдательности как профессионально-важного качества специалиста-профайлера, а также анализа психологической наблюдательности профайлера с точки зрения нейропсихологии, когнитивной психологии, психологии сознания и бессознательного. Профайлинг определяется «как технология оценки и прогнозирования поведения человека на основе таких характеристик, как: проявления вегетативной нервной системы, эмоциональные состояния, особенности речи, невербальные проявления, особенности внешности и другие информативные признаки» [3, с. 5]. Как психологическая технология профайлинг включает «комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанных на оценке невербального, вербального и субвербального поведения субъекта, по прогнозированию сценариев развития ситуаций и отношений, поступков, моделей поведения и общения человека» [1, с. 21]. Успешная профайлинговая деятельность специалиста определяется уровнем развития профессионально-важных качеств, в структуре которых ведущую роль играет уровень развития психологической наблюдательности [6].

Анализируя содержание психологической наблюдательности профайлера, большинство ученых акцентируют внимание на ее сознательных компонентах и определяют как систему личностных качеств человека, позволяющих сформировать адекватный и объективный образ наблюдаемого субъекта, на основе чего спрогнозировать его поведение [1; 3; 4; 6]. Роль психологической наблюдательности, по мнению Д.М. Тарасовой, Е.А. Петровой, заключается в том, что «развитая психологическая наблюдательность у специалистов профайлеров позволит избавиться от стереотипных шаблонов и штампов в восприятии и диагностике индивидуально-личностных черт других людей» [6, с. 142]. Психологическая наблюдательность в профессиональной деятельности профайлера выступает профессионально-важным качеством, обеспечивающим в процессе наблюдения фиксацию и интерпретацию существенных и малозаметных, но значимых для понимания и прогноза поведения, индивидуальных особенностей объектов наблюдения, их мотивов, потребностей, чувств и переживаний, скрытых и явных стратегий поведения, которые проявляются через внешние, вербальные и невербальные признаки, мимику, пантомимику. Как отмечают Н.А. Хохлов, Е.Д. Федорова, «помимо осознаваемых психических явлений существует бессознательное — неосознаваемые психические процессы, оказывающее заметное влияние на поведение человека» [7, с. 129]. Невербальные признаки поведения объекта наблюдения генерируются автома-

тически на бессознательном уровне психической деятельности, слабо контролируются как самим субъектом наблюдения, так и наблюдателем. Важным для понимания психологической наблюдательности как профессионально важного качества профайлера является понимание сознательных и бессознательных механизмов, обеспечивающих процесс наблюдения и формирование наблюдательности профайлера.

С точки зрения задач настоящего исследования необходимо провести анализ психологической наблюдательности профайлера в аспекте нейропсихологических, нейрокогнитивных, сознательных и бессознательных механизмов организации профессиональной деятельности. Данные механизмы психологической наблюдательности как системного качества личности профайлера необходимо рассматривать с позиции психологии сознания и бессознательного, когнитивной психологии, теории нейропсихологии.

Признавая фундаментальный принцип единства сознания и деятельности в отечественной психологии, согласимся с мнением Е.А. Никитиной, которая предлагает «распространить область его действия на неосознаваемые процессы, то есть бессознательное, и сформулировать принцип следующим образом: принцип единства сознания, бессознательного и деятельности» [5, с. 186]. Рассматривая процесс психологического наблюдения профайлера как психическую функцию, отметим, что «любая психическая функция имеет многоуровневую организацию, при этом бессознательные и сознательные процессы постоянно взаимодействуют между собой при ее реализации» [7, с. 137].

С позиции когнитивной психологии объясняются когнитивные процессы, лежащие в основе наблюдения профайлера, как на осознанном уровне, так и на неосознаваемом уровне процесса наблюдения. К настоящему времени исследованы неосознаваемые механизмы когнитивной деятельности, например, роль правого полушария головного мозга в оценке перцептивных характеристик неосознаваемой информации, неосознаваемое систематическое стремление к реакциям определенного типа и готовность к приему определенной информации, мозговые механизмы влияния ранее воспринятой информации на текущее восприятие [7].

Психологическая наблюдательность профайлера с позиции нейропсихологии рассматривается в контексте анализа мозговых механизмов сознания, эмоций, высших психических функций, обеспечивающих процесс наблюдения, а именно процессов восприятия объекта наблюдения, процессов внимания, памяти, мышления, на основе которых происходит формирование прогноза поведения наблюдаемого объекта. Головной мозг как анатомо-функциональное образование представ-

ляет собой совокупность функциональных систем, объединенных между собой множеством горизонтальных и вертикальных связей, осуществляющих деятельность на основе межполушарной асимметрии, что обеспечивает психическую деятельность человека — сознание, эмоции, высшие психические функции [2]. Фундаментальные положения отечественной нейропсихологии о взаимодействии мозга и психики, сформулированные в рамках культурно-исторического подхода и методологии гуманитарной парадигмы представляют собой теоретическую основу использования нейропсихологических методов и технологий как условия для развития психологической наблюдательности профайлера.

Таким образом, психологическая наблюдательность как профессионально-важное качество профайлера является системным психологическим образованием, детерминированным как социально-психологическими, так и психофизиологическими и нейропсихологическими индикаторами, которые реализуются как на сознательном, так и на бессознательном уровнях функционирования психики специалиста, обеспечивающих процесс профессионального наблюдения.

В современной социальной психологии активно изучаются когнитивные и эмоциональные процессы, лежащие в основе межличностного взаимодействия. Однако до сих пор не было четкого термина, объединяющего нейрокогнитивные способности, необходимые для эффективной социальной адаптации. В данной статье предлагается введение нового понятия — «Neuro Skills» (нейронавыки) — как интегративного конструкта, отражающего совокупность психофизиологических механизмов, обеспечивающих успешную коммуникацию, эмпатию, эмоциональную регуляцию и социальное познание.

Для того, чтобы раскрыть научно-прикладные аспекты использования технологии «neuro skills» как условия для развития психологической наблюдательности профайлера, необходимо описать развивающие ресурсы данной технологии. В основе теории «neuro skills» лежат научные положения когнитивной психологии, нейропсихологии, психологии сознания и бессознательного, объясняющих мозговую организацию деятельности сознания, эмоций и высших психических функций, что позволило создать практические методики целенаправленного развития эмоциональных и когнитивных навыков, которые обычно формируются стихийно или требуют длительного времени для развития.

Одна из составляющих технологии «neuro skills» — это система тренировки мозга, направленная на развитие когнитивных способностей, таких как память, внимание, скорость мышления, креативность и социальный интеллект. В настоящее время технология «neuro skills» находит свое применение в различных сферах деятель-

ности. Технология «neuro skills» полезна и эффективна для широкого круга людей: для школьников и студентов с целью развития когнитивных и социальных навыков и повышения успеваемости; для специалистов различного профиля с целью повышения профессионально-личностной эффективности; для пожилых людей с целью профилактики возрастных изменений мозга.

Раскроем основные теоретические принципы технологии «neuro skills», которую мы рассматриваем как условие развития наблюдательности профайлера:

- основой развития мозговых структур является нейропластичность мозга, его способность изменяться и адаптироваться под воздействием обучения и опыта, что является условием развития новых навыков;
- учет межполушарной асимметрии и индивидуальные особенности мозговой организации деятельности при создании нейропсихологических методик обучения;
- интеграция и вариативность применяемых нейропсихологических методик и технологий, например, нейроинтерфейсов, VR/AR, ИИ, что является условием эффективности процесса обучения;
- развитие навыков управления эмоциями и эмпатии, формирующих социальный интеллект, через развитие нейронных механизмов, лежащих в их основе.

Основными принципами организации процесса обучения с использованием системы «neuro skills» выступают:

- индивидуальный подход: программа тренировок формируется с учетом возрастнo-психологических особенностей каждого человека, уровня когнитивных способностей, целей и потребностей;
- комплексный подход: тренировки направлены, как на когнитивную, так и на эмоционально-волевую и социальную сферы личности с учетом нейропсихологических механизмов, лежащих в их основе;
- регулярность и прогрессия, отражающая регулярный характер и постепенное усложнение решаемых задач и упражнений;
- использование современных цифровых технологий, технологий искусственного интеллекта (ИИ) и виртуальной реальности.

Технология «neuro skills» позволяет развивать ряд ключевых навыков, лежащих в основе психологической наблюдательности профайлера:

- когнитивные навыки, включающие критическое мышление, креативность, скорость обработки информации, память и концентрацию внимания;
- эмоциональные навыки, включающие саморегуляцию, эмпатию, управление стрессом;
- социальные навыки: коммуникация, лидерство,

работа в команде;

- мета-навыки: способность к обучению, адаптивность, управление вниманием.

Технология «neuro skills» включает в себя разнообразные развивающие методы и приемы:

- нейрофидбэк, направленный на мониторинг активности мозга и обучения управлению своим состоянием;
- когнитивные тренировки, включающие комплекс специальных упражнений для развития мышления, памяти, внимания;
- медитативные практики, направленные на развитие нейропластичности и эмоциональную регуляцию;
- игровые техники для развития коммуникативных навыков;
- персонализированные программы обучения, созданные на основе анализа данных о мозге и поведении для развития интеллекта.

В процессе реализации технологии «neuro skills» широко используются цифровые инструменты, методы ИИ и технологии виртуальной реальности, например, нейроинтерфейсы, виртуальная и дополненная реальность для тренировки социальных и когнитивных навыков, ИИ-коучи, которые выступают в качестве персональных помощников и персонализируют процесс обучения.

Обсуждение

Развивающие ресурсы для развития нейро навыков используются в сфере образования при создании учебных программ для развития когнитивных навыков детей с учетом возрастного этапа развития [8]; в бизнесе с целью кадровой диагностики когнитивного профиля сотрудников; в области медицинской реабилитации пациентов с когнитивными нарушениями; в практической психологической деятельности при реализации программ личностного роста для различных категорий населения. Одна из основных идей технологии «neuro skills» заключается в использовании специальных упражнений и методик, которые стимулируют нейропластичность мозга, то есть его способность изменяться и адаптироваться под воздействием нового опыта. Показано, что теория и практика «neuro-skills» носит системный характер, интегрирующей теоретические представления нейропсихологии, когнитивной нейропсихологии, психологии сознательного и бессознательного, а также практической психологии, в которой представлены современные психотехники для развития и совершенствования когнитивных, эмоциональных и социальных навыков человека. В данном исследовании обоснованы научно-прикладные аспекты использования технологии «neuro skills» как условия для развития психологической наблюдательности профайлера

Заключение

Процесс психологического наблюдения профайлера осуществляется посредством механизмов мозговой организации сознательных и бессознательных психических функций, участвующих в процессе наблюдения. Развитие психологической наблюдательности профайлера как профессионально важного качества необходимо осуществлять на основе нейропсихологических механизмов мозговой организации психических процессов,

обеспечивающих процесс наблюдения, который носит как осознанный, так и неосознаваемый характер. В основе теоретических положений технологии «neuro skills» лежат научные положения когнитивной психологии, нейропсихологии, психологии сознания и бессознательного, объясняющих мозговую организацию деятельности сознания, эмоций и высших психических функций, что позволяет создать практические методики целенаправленного развития психологической наблюдательности профайлера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпентьева М.Р. Экспертный профайлинг как сфера профессиональной деятельности психолога-практика // «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». 2016. № 3. С. 20-32.
2. Баранская Л.Т., Павлова Е.В. Нейропсихология. Учебное пособие. Екатеринбург: УГМУ. 2020. 115 с.
3. Вахнина В.В., Мальцева Т.В., Михайлова Т.В., Ульянина О.А. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2018. 100 с.
4. Ветрова Т.В., Яковлев Е.В., Гневышев Е.Н., Смирнов А.А., Леонтьев О.В. Профайлинг и детекция лжи (психологические и психофизиологические аспекты): Учебное пособие. СПб.: Изд-во Университета при МПА ЕвразЭС, 2021. 228 с.
5. Никитина Е.А. Познание. Сознание. Бессознательное. М.: ЛИБРОКОМ, 2021. 222 с.
6. Тарасова Д.М., Петрова Е.А. Теоретическая модель социально-психологической технологии развития психологической наблюдательности у профайлеров // Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования: сборник статей по материалам XXXII Международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования». – 2020. № 2(32). С. 137-143.
7. Хохлов Н.А., Федорова Е.Д. Нейропсихология бессознательного: современное состояние проблемы // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 127-148.
8. Шишкова С.Ю., Курамшина Е.В. Гибкие нейронавыки. 8 ключей к успешному будущему ребенка! М.: Издательство АСТ, 2023. 288 с.

© Коваленко Максим Александрович (avestamv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ ПОДРОСТКОВ С СДВГ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ли Надежда Александровна

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
st133920@student.spbu.ru

ANALYSIS OF EMPIRICAL STUDIES OF COGNITIVE FUNCTIONS OF ADOLESCENTS WITH ADHD THROUGH THE PRISM OF EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

N. Li

Summary: This article analyzes research on the cognitive functions of adolescents with attention deficit hyperactivity disorder from the point of view of educational psychology, emphasizing the lack of representation of this topic in both foreign and domestic literature. The data from systematic meta-analytical reviews are considered, showing how attention deficit hyperactivity disorder affects various aspects of adolescent life: social adaptation, emotional state, academic success and physical health. The article presents research results reflecting differences in the assessment of the quality of life of adolescents with attention deficit hyperactivity disorder by adolescents themselves and their parents. There are three key areas in the database of Russian works: psychodiagnostic tools, a teacher–parent–teenager interaction system, and digital interventions and correctional programs.

Keywords: attention deficit hyperactivity disorder, cognitive functions, adolescents, educational psychology, cognitive therapy, meta-analytical reviews.

Аннотация: В данной статье анализируются исследования когнитивных функций подростков с синдромом дефицита внимания и гиперактивности с точки зрения педагогической психологии, подчёркивается недостаточная представленность этой темы как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Рассматриваются данные систематических метааналитических обзоров, показывающие, как синдром дефицита внимания и гиперактивности влияет на различные аспекты жизни подростков: социальную адаптацию, эмоциональное состояние, академическую успешность и физическое здоровье. Приводятся результаты исследований, отражающие различия в оценке качества жизни подростков с синдромом дефицита внимания и гиперактивности со стороны самих подростков и их родителей. В базе российских работ выделяются три ключевых направления: психодиагностические инструменты, система взаимодействия «учитель – родитель – подросток» и цифровые интервенции и коррекционные программы.

Ключевые слова: синдром дефицита внимания и гиперактивности, когнитивные функции, подростки, педагогическая психология, когнитивная терапия, метааналитические обзоры.

Введение

Современных подростков принято относить к поколению Z, или так называемым «цифровым аборигенам», характеристика которых является неоднозначной. С одной стороны, они активны, целеустремлены, самодостаточны, стремятся к индивидуальному самовыражению, избеганию ярлыков, прагматичному принятию решений, а также гедонизму, с другой — подростки зависимы от социальных сетей, включая фаббинг-поведение и, в целом, как отмечает Ю.М. Миланич, проблемное использование интернета [1]. Хотя с современными подростками связано множество мифов, среди них широко распространен синдром дефицита внимания и гиперактивности (далее — СДВГ) [4]. В настоящее время подходы к исследованию СДВГ у подростков достаточно многообразны, и одним из них является психолого-педагогический подход, который можно считать «логическим продолжением нейропсихологического» [5]. В подростковом возрасте нейрокогнитивный профиль СДВГ, включающий в себя дефицит исполнительных функций (процессы по-

веденческой, эмоциональной и когнитивной саморегуляции), может ухудшать способность людей справляться с трудностями развития и угрожать функционированию во взрослом возрасте [10], в связи с чем особую значимость приобретает психолого-педагогическая работа с ценностно-смысловой сферой личности подростков. В настоящее время в рамках психолого-педагогического подхода разрабатываются авторские программы и методические рекомендации для педагогов и воспитателей, формируются организованные формы, принципы и психологические условия обучения [5], однако имеется пробел в исследованиях когнитивных функций подростков с СДВГ с точки зрения педагогической психологии.

Результаты и их обсуждение

Согласно МКБ-11, СДВГ относится к группе нарушений нервно-психического развития и «характеризуется устойчивым паттерном (не менее полугода) невнимательности и/или гиперактивности-импульсивности, который оказывает прямое негативное влияние на ака-

демическое, профессиональное или социальное функционирование» [12]. Таким образом, суть СДВГ сводится к трём основным составляющим (табл. 1). СДВГ как хроническое заболевание, как правило, начинается в детстве или раннем подростковом возрасте, хотя продолжные исследования обнаруживают четыре траектории начала развития СДВГ: в дошкольном возрасте, среднем детстве, среднем подростковом возрасте и подростковом возрасте [6]. Основные результаты IX международного конгресса по СДВГ показывают, что распространение СДВГ у детей и подростков за последние 30 лет не увеличилось и составляет около 5,9 % [15].

Таблица 1.
Ключевые составляющие СДВГ согласно МКБ-11.

Аспект	Описание
Невнимательность	Значительные трудности в поддержании внимания к задачам, которые не обеспечивают высокого уровня стимуляции или частых вознаграждений, отвлекаемость и проблемы с организацией
Гиперактивность	Чрезмерная двигательная активность и трудности с сохранением неподвижности, наиболее очевидные в структурированных ситуациях, которые требуют поведенческого самоконтроля
Импульсивность	Тенденция действовать в ответ на непосредственные стимулы, без обдумывания или учета рисков и последствий

Источник: [12]

Данные анализа метааналитических систематических обзоров позволяют установить многоплановые результаты в отношении подростков с СДВГ (табл. 2). В рамках IX международного конгресса по СДВГ, представлены различные темы в области исследования подростков с СДВГ: распространённость и причины, аспекты работы мозга, возникновение непсихиатрических медицинских проблем, влияние СДВГ на семью, экономические последствия СДВГ, безопасность и эффективность лекарств от СДВГ, включая немедикаментозные методы [15]. Например, в отношении медицинского лечения установлены следующие эффекты: прекращение приёма лекарств ухудшает качество жизни, стимуляторы снижают риск травм, длительное лечение сокращает частоту подростковой беременности на треть, метилфенидат снижает смертность на 20 %, медикаментозная терапия нормализует когнитивный контроль [15]. (Таб. 2.)

С момента выхода глобальных материалов IX международного конгресса по СДВГ в научной литературе вышло ещё несколько метааналитических систематических обзоров в области исследования подростков с СДВГ. Так, в обзоре Н. Салари и коллег рассмотрены результаты научных исследований за 1995-2020 гг., включавших в себя в общей сложности более 128 тыс. участников, из которых примерно 33,3 % — подростки в возрасте от 12 до 18 лет. Общая распространённость подростков с СДВГ в зависимости от различных диагностических критериев составила от 1,7 % до 12,7 % (согласно методологии

Таблица 2.

Результаты исследований подростков с СДВГ.

Период	N	Вывод
1971-2000 гг.	2 605	В подростковом и юношеском возрасте многие люди с анамнезом СДВГ продолжают страдать расстройством
1993-2018 гг.	164 049	Относительно более молодой возраст был связан с более высокими уровнями симптомов СДВГ
2013-2015 гг.	7 200	Нет различий между подростками мужского и женского пола или между подростками старшего и младшего возраста
1995-2022 гг.	14 322	СДВГ связан с воздействием сексуальной эксплуатации и пренебрежением базовыми потребностями ребенка
1990-2014 гг.	3 850	Люди с СДВГ в целом демонстрируют несколько более импульсивное принятие решений в заданиях с отсроченным вознаграждением
1990-2014 гг.	2 397	Установлена небольшая или умеренная связь между СДВГ и принятием рискованных решений
1985-2017 гг.	569	Нейрокогнитивные профили при СДВГ более выражены у детей и подростков
1990-2016 гг.	8205	Умеренные нарушения рабочей памяти у подростков с СДВГ уменьшались с возрастом
2000-2015 гг.	3242	Различия в головном мозге, наблюдаемые у детей, не отмечались у подростков
1990-2014 гг.	703 937	Подростки с СДВГ имели примерно на 20 % большую вероятность страдать от избыточного веса или ожирения
2000-2015 гг.	> 35 000	У подростков и молодых людей с СДВГ вероятность развития сахарного диабета была в 3 раза выше
1995-2012 гг.	2 518	Установлена умеренная связь между нарушением дыхания во сне и СДВГ
2000-2015 гг.	> 35 000	У подростков с СДВГ вероятность заражения инфекциями, передаваемыми половым путем, была более чем в 3 раза выше
2013-2014 гг.	> 61 000	Вероятность совершения попытки самоубийства у людей с СДВГ почти в 4 раза выше
1990-2016 гг.	> 3 млн	СДВГ более вероятен среди детей матерей-подростков
1994-2002 гг.	~ 15 000	У подростков с СДВГ ниже занятость на 12 % и доход на 34 %

Источник: [15]

Примечание: N — количество исследуемых подростков.

DSM-IV — 7,1 %), а невнимательность как форма СДВГ была немного выше, чем у тех подростков, у которых были другие формы СДВГ (гиперактивность, импульсивность и комбинированные формы). Также установлено, что по мере того, как подростки становятся старше, СДВГ, по всей видимости, встречается реже [12]. В ещё одном недавнем комплексном систематическом обзоре 13 метаанализов, включавшем в себя более 3,27 млн участников и более 478 тыс. случаев, показано, что средняя распространённость СДВГ у подростков составляет 8 % (рис. 1).

Также результаты показали, что распространённость СДВГ была в два раза выше у юношей (10 %), чем у девочек (5 %), а наиболее распространённой формой СДВГ стала невнимательность. Также интересным представля-

ется обзорный сравнительный анализ (табл. 3).

В целом, результаты сравнительного анализа показывают, что СДВГ значительно снижает качество жизни детей и подростков, что выражается в ухудшении психосоциальных показателей, эмоциональной нестабильности и трудностях в социальных взаимодействиях. Родители оценивают состояние ребёнка ниже, чем он сам, однако общий уровень благополучия во всех возрастных группах остаётся ниже, чем у сверстников без данного диагноза. Влияние СДВГ наиболее выражено в сфере межличностных отношений, удовлетворённости повседневной активностью и вовлечённости в коллективные процессы. Физическое здоровье страдает в меньшей степени, однако отдельные исследования фиксируют негативные изменения. В рабо-

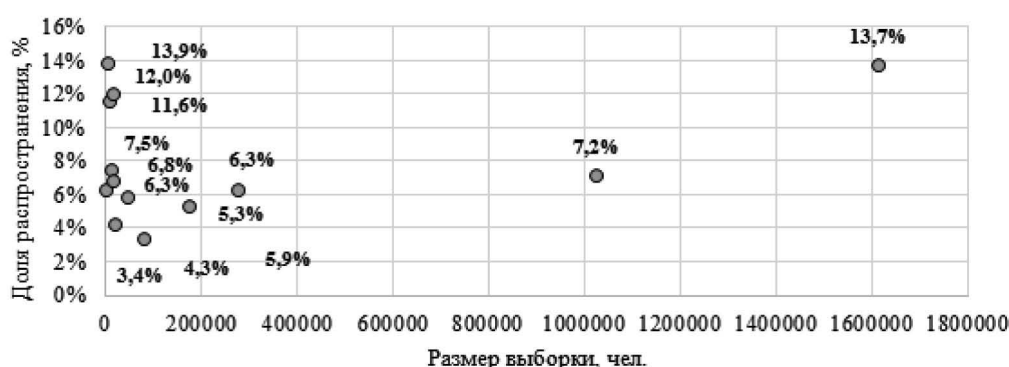

Рис. 1. Распространённость СДВГ среди подростков [7].

Таблица 3.

Результаты: подростки с СДВГ vs подростки без СДВГ.

	Описание результатов
Оценка родителей	Небольшое снижение физического здоровья, но значительное ухудшение психосоциального благополучия у подростков с СДВГ
	Существенное снижение качества жизни (общий и отдельные показатели), связь с проблемами сна
	Качество жизни хуже у всех подтипов СДВГ, особенно при проблемах со сном
	Хуже состояние зубов, значительно ниже уровень орального здоровья
	Низкие показатели психосоциального здоровья
	Общее снижение качества жизни, однако успеваемость в школе не страдает
Самооценка	Общее качество жизни не отличается, но хуже настроение, эмоциональное состояние и школьная успеваемость у подростков с СДВГ
	Существенное снижение качества жизни во всех сферах, включая удовлетворенность жизнью и семьей; хуже показатели в учебе, сне, повседневных делах и социальном взаимодействии
	Подростки с СДВГ без медикаментозного лечения имеют худшее качество жизни, особенно в семейной и школьной сферах; хуже социальная адаптация у подростков с нарушением исполнительных функций
Сочетание данных	Существенное снижение качества жизни, особенно в семейных отношениях, социальных связях и повседневной активности
	Качество жизни ниже и по оценкам подростков, и по оценкам родителей; хуже при старшем возрасте, низком социально-экономическом статусе и выраженности симптомов
	Родители дают более низкие оценки, чем подростки, особенно при низкой самооценке
	Показатели ниже у подростков с СДВГ (кроме социальной сферы по мнению родителей); подростки оценивают свое состояние выше, чем родители
	Подростки с СДВГ чувствуют себя лучше, чем с тревожными и депрессивными расстройствами, но родители оценивают их состояние хуже, чем они сами

Источник: [14]

те отмечается, что выявленные различия требуют дальнейшего изучения факторов, определяющих восприятие собственного состояния у детей и подростков.

Однако место педагогической психологии практически в представленных материалах не определено. Несмотря на то, что эксперты IX международного конгресса по СДВГ сообщили о пользе поведенческой и когнитивно-поведенческой терапии, направленных прежде всего на улучшение организационных навыков подростков, улучшение их социального поведения и развитие их практических навыков [15], психолого-педагогическая работа с подростками с СДВГ в зарубежных научных исследованиях описывается реже. Вместе с тем, например, находятся свидетельства более слабого социального восприятия подростками с СДВГ, чем у типично развивающихся подростков по когнитивным навыкам высшего порядка [8], эффективности когнитивной тренировки для подростков с СДВГ [13], положительного влияния спорта и физических упражнений на нейронные и когнитивные функции подростков с СДВГ [11], положительного влияния терапии когнитивного функционирования родителей подростков с СДВГ на когнитивные функции последних [9] и др.,

В российской научной литературе, в источниках, принадлежащих к ядру РИНЦ, имеется несколько публикаций, которые прямо или весьма конкретно затрагивают когнитивные (в том числе нейропсихологические) функции у подростков с СДВГ. В частности, в работе Т.А. Емельянцевой установлено, что к когнитивным нарушениям подростков с СДВГ относятся: оценка собственной работы; последовательное осуществление шагов к поставленной цели; предвидение последствий; удерживание информации; инициация активности. В исследовании также отмечается, что несоответствие предъявляемых к ребёнку с СДВГ требований его реальным возможностям, а также игнорирование особенностей его когнитивного развития становятся факторами, которые усугубляют сложности в поведении — в таких условиях формируются реакции, выражающиеся в повышенной дезорганизованности, склонности к агрессии и протестным формам взаимодействия [3].

Наиболее значимые направления психолого-педагогической работы с детьми с СДВГ выделены в недавней работе Р.В. Демьянчука и Т.П. Волошенюк:

- индивидуализация учебного процесса с учетом особенностей концентрации внимания и когнитивной активности;
- обучение навыкам самоконтроля и планирования времени для повышения организованности;
- формирование социальных навыков и улучшение межличностного взаимодействия;
- использование мультимедийных технологий и интерактивных методов обучения для повышения вовлеченности;
- включение структурированных правил и четких инструкций для организации поведения [2].

Однако остальные отечественные публикации или касаются СДВГ у детей или взрослых, но не подростков, или описывают вопросы, не связанные с когнитивной сферой лишь частично (например, лечение, коморбидные расстройства, эмоционально-поведенческие проявления, соматические аспекты и др.). Тем не менее, можно выделить несколько важных направлений исследований в области педагогической психологии:

- психодиагностические инструменты и методики (в том числе компьютерные) для оценки когнитивных функций;
- связь «учитель + родитель + подросток»;
- интервенции и коррекционные программы для подростков с СДВГ в цифровой среде.

Исследования, посвящённые вопросам *разработки психодиагностических методик для оценки когнитивных функций подростков с СДВГ*, сосредоточены на выявлении механизмов, обуславливающих нарушения их саморегуляции, памяти и внимания. Анализ познавательной деятельности осуществляется с учётом возрастных норм развития и специфики нейропсихологических процессов, что позволяет адаптировать диагностические инструменты к особенностям СДВГ. В отечественной научной литературе, хотя и редко, но рассматриваются возможности применения компьютеризированных методик, фиксирующих временные характеристики выполнения заданий, что даёт информацию о темпе когнитивных процессов и уровне регуляторных функций. Использование цифровых технологий рассматривается в качестве способа снижения влияния субъективных факторов, благодаря чему диагностика становится более объективной. Вопросы стандартизации и адаптации диагностических средств рассматриваются в контексте возрастных и клинических особенностей подростков с СДВГ, что формирует основу для разработки индивидуализированных образовательных траекторий.

Анализ отечественных исследований, посвящённых *взаимодействию учителя, родителя и подростка с СДВГ*, показывает, что успешность адаптации в образовательной среде зависит от согласованности требований школы и семьи. Дефицит саморегуляции и импульсивность создают препятствия для выполнения учебных заданий и установления социальных контактов, а отсутствие единой стратегии педагогического сопровождения, в частности, с использованием когнитивной терапии, усиливает выраженность трудностей. Некоторые исследования показывают, что эффективность образовательного процесса повышается при наличии согласованных требований со стороны школы и семьи. Оптимизация структуры общения между учителями, родителями и подростками с СДВГ влияет на успешность социализации. Также рассматриваются стратегии, позволяющие учитывать особенности познавательной деятельности подростков с СДВГ, благодаря чему становится возможным учёт индивидуальных возможностей.

Наконец, в некоторых исследованиях также в ка-

честве средства для реализации коррекционных программ, направленных на поддержку подростков с СДВГ, рассматриваются *цифровые технологии*, что связано с необходимостью адаптации образовательного процесса к особенностям их когнитивного функционирования. Так, интерактивные среды позволяют уменьшать трудности, обусловленные дефицитом произвольного внимания и нарушениями саморегуляции, что подтверждает практика выполнения различных заданий. Персонализированные программы, направленные на развитие исполнительных функций, интегрируются в образовательный процесс, что снижает чрезмерную учебную нагрузку, а форма подачи материала варьируется с учётом индивидуальных потребностей подростков с СДВГ.

Вывод

Анализ эмпирических исследований когнитивных

функций подростков с СДВГ сквозь призму педагогической психологии показывает, что существующие исследования не в полной мере охватывают специфику познавательной деятельности в образовательном процессе, тогда как очевидно, что СДВГ формирует серьёзные препятствия для обучения. Зарубежные эмпирические исследования показывают эффективность когнитивных тренингов, поведенческой терапии и физических упражнений в улучшении состояния подростков с СДВГ, однако для её интеграции в образовательную среду требуются дополнительные исследования. Развитие цифровых технологий расширяет возможности диагностики и адаптации учебных программ, однако их применение также требует методической доработки. Взаимодействие между учителями, родителями и подростками с СДВГ рассматривается в качестве фактора, влияющего на успешность адаптации подростков с СДВГ, что подтверждает необходимость разработки комплексных психолого-педагогических моделей сопровождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулакова А.Ю., Миланич Ю.М. Влияние просмотра коротких видеороликов на психическое состояние подростков, склонных к проблемному использованию интернета // В сборнике: Ананьевские чтения — 2024. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию общей психологии в Санкт-Петербургском государственном университете. Нижний Новгород, — 2024. — С. 32.
2. Демьянчук Р.В., Волошенюк Т.П. Дети с СДВГ: научный обзор проблемы и методические ориентиры обучения // Чебоксары, — 2024. — С. 146-167.
3. Емельянцева Т.А. Способен ли ребенок с СДВГ «остановиться и подумать», как учат его взрослые? Нейрокогнитивный дефицит исполнительных функций: от теории к практике // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. — 2013. — № 2 (12). — С. 57-65.
4. Заваденко Н.Н., Суворинова Н.Ю. Синдром дефицита внимания и гиперактивности у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2020. — Т. 120. — № 4. — С. 29-35.
5. Кузьмина Т.И., Чижова А.О. Многообразие подходов к исследованию и коррекции нарушений поведения у детей и подростков (на примере синдрома дефицита внимания с гиперактивностью) // Клиническая и специальная психология. — 2019. — Т. 8. — № 1. — С. 1-18.
6. Усеинова А.Н., Егорова Е.А., Марьяненко С.П. Синдром дефицита внимания и гиперактивности: современные возможности диагностики и терапии // Психиатрия. — 2023. — Т. 21. — № 4. — С. 72-85.
7. Ayano G. et al. The global prevalence of attention deficit hyperactivity disorder in children and adolescents: An umbrella review of meta-analyses // Journal of affective disorders. — 2023. — Vol. 339. — P. 860-866.
8. Cardillo R. et al. Social perception in children and adolescents with ADHD: The role of higher-order cognitive skills // Research in Developmental Disabilities. — 2023. — Vol. 135. — P. 1-12.
9. Fosco W.D. et al. Parent and child neurocognitive functioning predict response to behavioral parent training for youth with ADHD // ADHD Attention deficit and hyperactivity disorders. — 2018. — Vol. 10. — P. 285-295.
10. Levanon-Erez N., Kampf-Sherf O., Maeir A. Occupational therapy metacognitive intervention for adolescents with ADHD: Teen Cognitive-Functional (Cog-Fun) feasibility study // British Journal of Occupational Therapy. — 2019. — Vol. 82. — No 10. — P. 618-629.
11. Meggs J., Young S., Mckeown A. A narrative review of the effect of sport and exercise on ADHD symptomatology in children and adolescents with ADHD // Mental Health Review Journal. — 2023. — Vol. 28. — No. 3. — P. 303-321.
12. Salari N. et al. The global prevalence of ADHD in children and adolescents: a systematic review and meta-analysis // Italian journal of pediatrics. — 2023. — Vol. 49. — No. 1. — P. 48-60.
13. Qiu H. et al. Efficacy of non-pharmacological interventions on executive functions in children and adolescents with ADHD: a systematic review and meta-analysis // Asian journal of psychiatry. — 2023. — Vol. 87. — P. 1-23.
14. Wanni Arachchige Dona S. et al. The impact of childhood attention-deficit/hyperactivity disorder (ADHD) on children's health-related quality of life: A systematic review and meta-analysis // Journal of Attention Disorders. — 2023. — Vol. 27. — No. 6. — P. 598-611.
15. Международное консенсусное заявление Всемирной федерации СДВГ // World Federation of ADHD. — URL: <https://clk.ru/3GiNXh> (дата обращения: 03.03.2025).

© Ли Надежда Александровна (st133920@student.spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЗОР ВЛИЯНИЯ ПРАКТИКИ ТАЙ-ЧИ НА НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Ли Чжэньхао

Аспирант, Московский государственный университет
435304509lzh@gmail.com

REVIEW OF THE IMPACT OF TAI CHI PRACTICE ON NEUROPHYSIOLOGICAL INDICATORS OF EMOTIONAL REGULATION

Li Zhenhao

Summary: In the context of rising stress levels and the need for effective regulation methods, Tai Chi has garnered attention as a potential tool for psychophysiological correction. This systematic review analyzes the neurophysiological mechanisms underlying the effects of Tai Chi on emotional regulation, as well as its efficacy in processing stress-inducing OASIS stimuli. The review examines contemporary studies utilizing fMRI, EEG, heart rate variability (HRV), and cortisol level assessments, demonstrating that Tai Chi contributes to reduced amygdala activation, improved functional connectivity between the prefrontal cortex and the limbic system, and enhanced autonomic nervous system balance. The findings highlight the significant potential of Tai Chi in increasing stress resilience and improving emotional self-regulation, making it a promising tool in clinical practice and psychosomatic disorder prevention programs.

Keywords: Emotional regulation, Tai Chi, Neurophysiology, Autonomic nervous system, OASIS stimuli, Stress resilience.

Аннотация: В условиях возрастающего уровня стресса и необходимости эффективных методов его регуляции практика тай-чи привлекает внимание как потенциальный инструмент психофизиологической коррекции. Настоящий системный обзор посвящен анализу нейрофизиологических механизмов влияния тай-чи на эмоциональную регуляцию, а также его эффективности при обработке стресс-индуцирующих стимулов OASIS. Рассмотрены современные исследования, использующие методы fMRI, ЭЭГ, вариабельности сердечного ритма (HRV) и уровней кортизола, подтверждающие, что тай-чи способствует снижению активации миндалевидного тела, улучшению функциональной связи префронтальной коры и лимбической системы, а также балансу автономной нервной системы. Результаты обзора свидетельствуют о значительном потенциале тай-чи в повышении стрессоустойчивости и улучшении эмоциональной саморегуляции, что делает его перспективным инструментом в клинической практике и программах профилактики психосоматических расстройств.

Ключевые слова: эмоциональная регуляция, тай-чи, нейрофизиология, вегетативная нервная система, OASIS-стимулы, стрессоустойчивость.

Введение

В условиях стремительно растущего уровня стресса в современном обществе становится особенно актуальным поиск эффективных методов эмоциональной регуляции. Хронический стресс негативно сказывается на психическом и физическом здоровье, способствуя развитию тревожных и депрессивных расстройств, ухудшению когнитивных функций и повышению риска сердечно-сосудистых заболеваний. В связи с этим возрастает научный интерес к немедикаментозным методам управления стрессом, включая техники осознанности, дыхательные практики, медитацию и физическую активность. Одним из перспективных подходов, направленных на гармонизацию психофизиологического состояния, является практика тай-чи — традиционной китайской гимнастики, сочетающей элементы медитации, плавные движения и дыхательные упражнения.

Тай-чи рассматривается как потенциально эффективный инструмент улучшения эмоциональной регуляции за счет модуляции активности центральной и вегетативной нервной системы. Ряд исследований демонстрирует,

что регулярная практика тай-чи способствует снижению уровня кортизола, повышению вариабельности сердечного ритма (BPC) и оптимизации работы лимбической системы, ответственной за обработку эмоциональных стимулов. Однако нейрофизиологические механизмы влияния тай-чи на регуляцию эмоций остаются недостаточно изученными, что требует углубленного анализа данных и систематизации имеющихся научных результатов. Особый интерес представляет вопрос о том, как практика тай-чи изменяет нейрофизиологические реакции на стресс-индуцирующие стимулы. В этом контексте важным инструментом оценки эмоциональной регуляции является использование стандартизированных стимулов с различной валентностью и уровнем возбуждения, таких как изображения из базы данных OASIS (Open Affective Standardized Image Set). Данный метод позволяет объективно исследовать, как практика тай-чи влияет на восприятие эмоциональных стимулов и реакцию на стресс.

Целью настоящего систематического обзора является анализ современных научных данных о влиянии практики тай-чи на нейрофизиологические показатели эмоциональной регуляции. В рамках данной работы

рассматриваются существующие исследования, направленные на выявление механизмов регуляции эмоций у практикующих тай-чи, а также анализируется, каким образом практика этой техники может способствовать изменению реакции на стресс-индуцирующие стимулы из OASIS-базы данных. Особое внимание уделяется нейрофизиологическим методам оценки эмоциональной регуляции, таким как функциональная магнитно-резонансная томография (fMRI), электроэнцефалография (ЭЭГ) и показатели вегетативной нервной системы (вариабельность сердечного ритма, уровень кортизола, кожно-гальваническая реакция).

Методологической основой систематического обзора явился анализ научных публикаций в ведущих международных базах данных. Критериями включения в обзор стали: (1) эмпирические исследования, посвященные влиянию тай-чи на эмоциональную регуляцию, (2) работы, в которых применялись нейрофизиологические методы оценки, (3) статьи, использующие стресс-индуцирующие парадигмы, включая OASIS. Публикации, не соответствующие указанным критериям, а также исследования с методологическими ограничениями, не позволяющими достоверно оценить эффект тай-чи на эмоциональную регуляцию, были исключены.

Таким образом, данное исследование направлено на комплексное рассмотрение нейрофизиологических аспектов эмоциональной регуляции при практике тай-чи, с акцентом на реакцию организма на стрессовые стимулы. Результаты данного обзора могут быть полезны для дальнейшего изучения механизмов немедикаментозной коррекции стресса и внедрения тай-чи в программы психологической реабилитации и профилактики психосоматических расстройств.

**Эмоциональная регуляция:
нейрофизиологические механизмы и
экспериментальные методы оценки**

Вопрос эмоциональной регуляции представляет собой одну из ключевых проблем современной психофизиологии и когнитивной нейробиологии. Эмоции оказывают значительное влияние на когнитивные процессы, социальное поведение и общее психофизиологическое состояние человека. Механизмы эмоциональной регуляции позволяют адаптироваться к меняющимся условиям окружающей среды, снижать негативное воздействие стрессовых факторов и обеспечивать адекватные поведенческие реакции. В связи с этим изучение нейрофизиологических основ эмоциональной регуляции становится важным направлением в современной психологии и нейронауках [1].

Эмоциональная регуляция определяется как совокупность когнитивных и нейрофизиологических про-

цессов, направленных на модуляцию интенсивности, длительности и выраженности эмоциональных состояний. В настоящее время выделяют несколько основных моделей эмоциональной регуляции. Наиболее изученными стратегиями являются когнитивная переоценка (reinterpretation), подавление (suppression) и осознанность (mindfulness). Когнитивная переоценка предполагает изменение интерпретации эмоционально значимого события, что позволяет ослабить его воздействие на эмоциональное состояние. Подавление связано с контролем внешнего выражения эмоций, однако оно менее эффективно, так как может усиливать физиологические реакции, связанные со стрессом [2]. Осознанность представляет собой процесс принятия эмоционального состояния без его оценки и подавления, что позволяет снизить субъективное переживание стресса и тревоги.

Эмоциональная регуляция осуществляется посредством сложного взаимодействия лимбической системы и префронтальной коры. Ключевую роль в обработке эмоционально значимых стимулов играет миндалевидное тело (амигдала), которое участвует в детекции угроз и запуске реакций страха и тревоги [3]. Гиппокамп, в свою очередь, вовлечен в формирование эмоциональной памяти и связывает эмоциональные реакции с предыдущим опытом.

Регуляция активности лимбической системы осуществляется префронтальной корой, которая выполняет функции высшего контроля и интеграции информации. Вентромедиальная префронтальная кора (vmPFC) подавляет чрезмерную реактивность миндалевидного тела, обеспечивая когнитивный контроль над эмоциями. Дорсолатеральная префронтальная кора (dlPFC) участвует в процессах когнитивной переоценки, позволяя изменять субъективное восприятие стрессовых ситуаций [4].

Помимо центральных механизмов, важную роль в эмоциональной регуляции играет автономная нервная система (АНС). Симпатическая нервная система активируется в ответ на стресс, увеличивая частоту сердечных сокращений (HR), снижая вариабельность сердечного ритма (HRV) и повышая уровень кортизола. Парасимпатическая нервная система, напротив, способствует восстановлению гомеостаза и снижению уровня физиологического возбуждения [5].

Изучение нейрофизиологических механизмов эмоциональной регуляции требует применения стресс-индуцирующих парадигм, которые позволяют оценить реакцию организма на внешние раздражители. Одним из широко используемых инструментов является OASIS (Open Affective Standardized Image Set) – база данных изображений с различной валентностью и уровнем возбуждения. OASIS-стимулы представляют собой стандартизированные изображения, которые вызывают определенные эмо-

циональные реакции, что делает их ценным инструментом для изучения эмоциональной регуляции [6].

В экспериментальных условиях OASIS-изображения предъявляются испытуемым в контролируемой среде, а их реакции фиксируются с помощью различных нейрофизиологических методов. К наиболее распространенным относятся:

Функциональная магнитно-резонансная томография (fMRI) – метод, позволяющий оценить активацию различных мозговых структур при обработке эмоциональных стимулов.

Электроэнцефалография (ЭЭГ) – регистрирует динамические изменения электрической активности мозга в ответ на эмоциональные раздражители, что позволяет оценить особенности нейронных коррелятов эмоциональной регуляции [7].

Измерение вариабельности сердечного ритма (HRV) – показатель автономной регуляции, который позволяет оценить баланс между симпатической и парасимпатической активностью.

Определение уровня кортизола в слюне или крови – отражает степень активации гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси (HPA-ось) в ответ на стресс.

В современных исследованиях также применяются комбинированные методики, включающие запись нейрофизиологических показателей в реальном времени и последующий анализ паттернов мозговой активности [8].

Изучение нейрофизиологических механизмов эмоциональной регуляции является важным направлением современной науки, позволяющим понять, каким образом различные стратегии эмоционального контроля реализуются на уровне головного мозга и автономной нервной системы. Применение стандартизированных стимулов, таких как OASIS, в сочетании с нейрофизиологическими методами регистрации активности мозга и физиологических реакций, позволяет более точно исследовать механизмы адаптации к стрессу и разрабатывать эффективные стратегии психофизиологической саморегуляции.

Тай-чи как метод эмоциональной и нейрофизиологической регуляции

Практика тай-чи, происходящая из традиционной китайской культуры, на протяжении веков используется как метод достижения гармонии тела и разума. В последние десятилетия она привлекла внимание научного сообщества в связи с ее благоприятным влиянием на психофизиологическое состояние человека. Современные исследо-

вания подтверждают, что тай-чи способствует снижению уровня стресса, улучшает когнитивные функции и модулирует работу вегетативной нервной системы [9].

Исторически тай-чи развивался как боевая практика, однако со временем приобрел статус системы психофизиологической саморегуляции. В основе тай-чи лежат философские принципы даосизма, включая концепции «Инь-Ян» и «Ци», которые предполагают баланс и плавность движений, направленных на восстановление энергетического равновесия в организме. Практика включает медленные, осознанные движения, координированные с дыханием, что способствует расслаблению и улучшению самоконтроля [10].

Современные научные подходы рассматривают тай-чи с точки зрения биопсихосоциальной модели, согласно которой физическая активность, эмоциональная регуляция и социальное взаимодействие играют взаимосвязанную роль в поддержании психологического благополучия. Исследования показывают, что регулярные занятия тай-чи способствуют улучшению эмоциональной стабильности и когнитивных процессов за счет активации центральных регуляторных механизмов мозга [11].

Влияние тай-чи на нейрофизиологию исследуется с помощью различных методов, включая функциональную магнитно-резонансную томографию (fMRI), электроэнцефалографию (ЭЭГ) и измерение вариабельности сердечного ритма (HRV).

Исследования с использованием fMRI показывают, что регулярная практика тай-чи способствует увеличению функциональной связи между дорсолатеральной префронтальной корой (DLPFC) и средним лобным извином, что связано с улучшением когнитивного контроля и эмоциональной регуляции [11]. В частности, у практикующих тай-чи наблюдается снижение функциональной связи между амигдалой и префронтальной корой, что свидетельствует о лучшей способности контролировать эмоциональные реакции.

ЭЭГ-исследования демонстрируют, что практика тай-чи способствует увеличению альфа-активности в лобной коре, что связано с состоянием расслабления и снижением тревожности [12]. Данный эффект схож с воздействием медитации, что подтверждает роль тай-чи как метода нейрофизиологической регуляции.

Кроме того, исследования влияния тай-чи на вариабельность сердечного ритма (HRV) указывают на его способность увеличивать активность парасимпатической нервной системы, что приводит к улучшению адаптационных механизмов организма в ответ на стресс [13].

Одним из ключевых аспектов эмоциональной регу-

ляции является способность контролировать стрессовые реакции организма. Тай-чи оказывает комплексное воздействие на гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую ось (НРА-ось), снижая уровень кортизола – основного гормона стресса [9].

Долгосрочные исследования показывают, что у людей, регулярно практикующих тай-чи, уровень кортизола после стрессовых задач снижается быстрее, чем у контрольных групп. Это свидетельствует о способности тай-чи ускорять восстановление после стресса, что делает его эффективным инструментом для профилактики эмоционального выгорания и тревожных расстройств [14].

Дополнительные исследования показывают, что практика тай-чи способствует увеличению вариабельности сердечного ритма (HRV), что указывает на лучшее равновесие между симпатической и парасимпатической активностью. Высокая вариабельность сердечного ритма связана с улучшенной способностью организма адаптироваться к стрессу и снижением риска психосоматических заболеваний [13].

Таким образом, тай-чи можно рассматривать как эффективный метод эмоциональной регуляции, который оказывает значительное влияние на центральные и вегетативные механизмы управления стрессом. Его применение в клинической практике и профилактических программах может способствовать снижению тревожности, улучшению когнитивных функций и общему укреплению психофизиологического состояния.

Влияние тай-чи на нейрофизиологические показатели при выполнении стресс-индуцирующего задания с OASIS-стимулами

Исследование эмоциональной регуляции в условиях стресса требует использования стандартизированных методов, позволяющих объективно измерять физиологические и нейрофизиологические реакции на негативные стимулы. Одним из таких инструментов является OASIS (Open Affective Standardized Image Set) – база данных изображений, включающая как эмоционально нейтральные, так и стресс-индуцирующие изображения, что делает её ценным инструментом для оценки реакций организма на стресс. В последние годы в исследованиях, направленных на изучение нейрофизиологических механизмов эмоциональной регуляции, наблюдается растущий интерес к применению OASIS-стимулов в сочетании с различными методами регистрации активности мозга и физиологических параметров. В этом контексте особую значимость приобретает изучение того, каким образом практика тай-чи влияет на обработку эмоциональных стимулов и стрессовую реакцию организма.

OASIS-база данных разработана для стандартизированной оценки эмоциональных реакций, обеспечивая возможность контролируемого предъявления изображений с различной валентностью и уровнем возбуждения. Изображения в этой базе данных ранжированы по шкалам валентности (от крайне негативных до крайне позитивных) и уровня возбуждения (от низкого до высокого), что позволяет исследователям выбирать стимулы в соответствии с поставленными экспериментальными задачами [6].

В нейропсихологических исследованиях предъявление OASIS-стимулов происходит по заранее определенному протоколу, обеспечивающему систематическое измерение реакций организма. Испытуемым предъявляются изображения с разной валентностью, сопровождаемые регистрацией их физиологических параметров, включая электроэнцефалографию (ЭЭГ), функциональную магнитно-резонансную томографию (fMRI), вариабельность сердечного ритма (HRV) и уровень кортизола. Такие методы позволяют выявить, как практика тай-чи изменяет нейрофизиологическую реакцию на стресс-индуцирующие стимулы.

Исследования показывают, что практика тай-чи оказывает значительное влияние на активность мозга при обработке стрессовых стимулов. В исследованиях с использованием fMRI у практикующих тай-чи выявлено снижение активации миндалевидного тела (амигдалы) при предъявлении негативных изображений по сравнению с контрольной группой. Данный эффект свидетельствует о лучшем контроле эмоциональной реакции у практикующих тай-чи [14].

ЭЭГ-исследования подтверждают, что у практикующих тай-чи наблюдается увеличение мощности альфа-ритма в лобной коре во время обработки стрессовых стимулов, что связано с лучшей эмоциональной регуляцией и снижением тревожности [11].

Помимо центральных механизмов, тай-чи оказывает влияние на вегетативные реакции организма, включая снижение частоты сердечных сокращений (HR), повышение вариабельности сердечного ритма (HRV) и снижение уровня кортизола после предъявления негативных стимулов. Эти данные указывают на то, что практика тай-чи способствует более эффективной модуляции физиологической стрессовой реакции [13].

Для оценки эффективности тай-чи в снижении стресса важно сравнить его с другими методами эмоциональной регуляции, такими как медитация осознанности, когнитивная переоценка и физическая активность.

Исследования показывают, что тай-чи по своему влиянию на эмоциональную регуляцию схож с медитацией

осознанности, однако сочетает в себе медитативные и физические аспекты, что делает его более комплексным инструментом управления стрессом [15].

Сравнение тай-чи с когнитивной переоценкой показывает, что в краткосрочной перспективе когнитивная переоценка более эффективна в изменении субъективного восприятия стрессового события, однако в долгосрочной перспективе практика тай-чи обеспечивает устойчивое снижение уровня кортизола и повышение вариабельности сердечного ритма, что свидетельствует о более глубоком влиянии на физиологические механизмы стрессоустойчивости [9].

Что касается сравнения тай-чи с аэробной физической активностью, исследования показывают, что обе практики способствуют улучшению стрессоустойчивости, однако тай-чи оказывает более выраженное влияние на показатели вегетативной нервной системы за счет сочетания медитативных и физических элементов [12].

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных влиянию тай-чи на стресс и эмоциональную регуляцию, существуют методологические ограничения. Одной из проблем является разнородность экспериментальных дизайнов, различия в протоколах тренировок и ограниченные выборки.

Кроме того, большинство исследований носят краткосрочный характер, что затрудняет оценку долгосрочного эффекта тай-чи на эмоциональную регуляцию. Будущие исследования должны учитывать эти ограничения, используя продольные дизайны, более репрезентативные выборки и сочетание нейрофизиологических и психологических методов оценки.

В целом, тай-чи представляет собой перспективный метод эмоциональной регуляции, который демонстри-

рует стабильные нейрофизиологические изменения в ответ на стрессовые стимулы. Дальнейшие исследования позволят глубже понять его механизмы воздействия и расширить его применение в клинической практике.

Заключение

Настоящий систематический обзор проанализировал нейрофизиологические механизмы эмоциональной регуляции и влияние практики тай-чи на стресс-индуцированные реакции организма. Исследования показывают, что регулярные занятия тай-чи способствуют снижению уровня кортизола, повышению вариабельности сердечного ритма и улучшению функциональной связи между амигдалой и префронтальной корой, что указывает на усиление когнитивного контроля над эмоциями. Дополнительно отмечается увеличение мощности альфа-ритмов в лобной коре, коррелирующее с ослаблением и снижением тревожности.

Одним из ключевых эффектов тай-чи является его способность модулировать реакцию на стресс за счет снижения гиперактивности амигдалы и стабилизации вегетативной нервной системы. Практикующие тай-чи демонстрируют более сбалансированное взаимодействие симпатической и парасимпатической активности при воздействии OASIS-стимулов, что подтверждает его эффективность в эмоциональной саморегуляции.

Дальнейшие исследования должны учитывать долгосрочные эффекты тай-чи, изучать индивидуальные различия в его воздействии и разрабатывать более точные экспериментальные протоколы, включая многоканальную регистрацию физиологических показателей. Тай-чи обладает высоким потенциалом для интеграции в клинические и профилактические программы, направленные на коррекцию эмоциональной дисрегуляции и повышение стрессоустойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лобасюк Б.А., Аймедов К.В., Паринюк К.В. Теоретическая психология – современный этап развития // Таврический журнал психиатрии. – 2012. – Т. 16, № 4. – С. 116-122.
2. Chen H. A Theoretic Review of Emotion Regulation // Open Journal of Social Sciences. – 2016. – Т. 4. – С. 147-153. DOI: 10.4236/JSS.2016.42020.
3. Aday J., Rizer W., Carlson J. Neural Mechanisms of Emotions and Affect // Neurobiology of Emotion. – 2017. – С. 27-87. DOI: 10.1016/B978-0-12-801851-4.00002-1.
4. Engen H., Anderson M. Memory Control: A Fundamental Mechanism of Emotion Regulation // Trends in Cognitive Sciences. – 2018. – Т. 22. – С. 982-995. DOI: 10.1016/j.tics.2018.07.015.
5. Матвеева Е.Ю. Анализ феномена персеверативного мышления // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2019. – № 5. – С. 22-26.
6. Grecucci A., Messina I., Amodeo L., et al. A Dual Route Model for Regulating Emotions: Comparing Models, Techniques and Biological Mechanisms // Frontiers in Psychology. – 2020. – Т. 11. – С. 930. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00930.
7. Ikeda S., Mizuno-Matsumoto Y., Canuet L., et al. Emotion Regulation of Neuroticism: Emotional Information Processing Related to Psychosomatic State Evaluated by Electroencephalography and Exact Low-Resolution Brain Electromagnetic Tomography // Neuropsychobiology. – 2015. – Т. 71. – С. 34-41. DOI: 10.1159/000368119.
8. Morawetz C., Bode S., Baudewig J., et al. Neural representation of emotion regulation goals // Human Brain Mapping. – 2016. – Т. 37, № 2. – С. 600-620. DOI: 10.1002/hbm.23053.

9. Yao Y., Ge L., Yu Q., et al. The Effect of Tai Chi Chuan on Emotional Health: Potential Mechanisms and Prefrontal Cortex Hypothesis // Evidence-based Complementary and Alternative Medicine. – 2021. – Т. 2021. – С. 1-12. DOI: 10.1155/2021/5549006.
10. Blake H., Hawley H. Effects of Tai Chi exercise on physical and psychological health of older people // Current Aging Science. – 2012. – Т. 5, № 1. – С. 19-27. DOI: 10.2174/1874609811205010019.
11. Liu Z., Wu Y., Li L., Guo X. Functional Connectivity Within the Executive Control Network Mediates the Effects of Long-Term Tai Chi Exercise on Elders' Emotion Regulation // Frontiers in Aging Neuroscience. – 2018. – Т. 10. – С. 315. DOI: 10.3389/fnagi.2018.00315.
12. Wang Y., Tian J., Yang Q. Tai Chi exercise improves working memory capacity and emotion regulation ability // Frontiers in Psychology. – 2023. – Т. 14. – С. 1047544. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1047544.
13. Zhou Y., Wang Q., Larkey L., James D., Cui H. Tai Chi Effects on Heart Rate Variability: A Systematic Review and Meta-Analysis // Journal of Integrative and Complementary Medicine. – 2024. – Т. 30, № 2. – С. 121–132. DOI: 10.1089/jicm.2022.0682.
14. Wang M., Lyu B. Effect of 24-form simplified Tai Chi on executive inhibitory control of college students: a randomized controlled trial of EEG // Frontiers in Psychology. – 2024. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1344989.
15. Майер Б.О. Искусство тайцзицюань как система оздоровления и гармонизации человека, психофизиологическая модель // Новые образовательные технологии в стратегии духовного развития общества: материалы конференции. – 2000. – С. 241-259.

© Ли Чжэньхао (435304509lzh@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОСОЗНАННОСТИ У ЛИЦ, СКЛОННЫХ К КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Непомнящий Анатолий Владимирович

Доктор педагогических наук, кандидат технических наук,
профессор, Южный федеральный университет (г. Таганрог)
nepomnyashchiy@sfned.ru

Завада Сергей Сергеевич

Аспирант, Южный федеральный университет (г. Таганрог)
zavada@sfned.ru

PECULIARITIES OF MINDFULNESS IN INDIVIDUALS PRONE TO COMPUTER ADDICTION

**A. Nepomnyashchiy
S. Zavada**

Summary: The article is devoted to the theoretical and empirical study results of the awareness features in people prone to computer addiction, conducted on the basis of the Southern Federal University with students who are fond of computer games. At the level of theoretical analysis, the relevance of the topic of the development of awareness is justified, as the basis for the development of a person and his personality and as the prevention of the emergence of dependent behavior. Significant correlations between the level of computer addiction severity and the factors of mindfulness have been established. It is shown that as the computer addiction indicators increase, the main indicators of mindfulness decrease. The results obtained for each of the indicators are analyzed. Differences in the indicators of personal reflection in students who are addicted to computer games and those who are not addicted to computer games, and their connection with the degree of computer addiction, manifested in the tendency to quasi-reflection as a method of self-knowledge and evaluation of their actions, are revealed.

Keywords: person, development, awareness, mindfulness, computer addiction, digitalization, personal reflection, to quasi-reflection.

Аннотация: Статья посвящена результатам теоретического и эмпирического исследования особенностей осознанности у лиц, склонных к компьютерной зависимости, проведенного на базе Южного федерального университета со студентами, увлекающимися компьютерными играми. На уровне теоретического анализа обоснована актуальность темы развития осознанности, как основы для развития человека и его личности и как профилактики возникновения зависимого поведения. Установлены значимые взаимосвязи между уровнем выраженности компьютерной зависимости и факторами осознанности. Показано, что по мере возрастания показателей компьютерной зависимости снижаются основные показатели осознанности. Дан анализ полученных результатов по каждому из показателей. Выявлены различия в показателях личностной рефлексии у студентов, обладающих зависимостью от компьютерных игр и не обладающих такой аддикцией, и их связь со степенью выраженности компьютерной зависимости, проявляющаяся в склонности к квази-рефлексии как методу самопознания и оценки своих действий.

Ключевые слова: человек, развитие, осознанность, майндфулнесс, компьютерная зависимость, цифровизация, личностная рефлексия, квази-рефлексия.

Широкое распространение технологий цифровизации во всех аспектах человеческого бытия, продуцирует целый ряд актуальных проблем, связанных, прежде всего с развитием самого человека и его личности в условиях замещения его основополагающих когнитивных функций средствами информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта.

Одной из таких значимых проблем является проблема возникновения в сознании современного человека компьютерной зависимости, приводящей к регрессу центров мозга, функционально предназначенных для обработки многомерных, интегральных образов действительности, и к их функциональному замещению растущей активностью других центров, осуществляющих простейшие функции обработки двумерных симуляций интегральных образов и возникающих при этом симулякров [2, 5].

У современных детей, молодёжи и студенчества этот процесс инициируется путём переноса, изначально присутствующего во внутренней программе развития каж-

дого человека, игрового, творчески развивающего поведения [4] из мира интегральной действительности, где присутствует многомерное множество форм существования (реальность) и сознаний, управляющих этими формами, в мир компьютерных симуляций – мир компьютерных игр, в котором присутствуют только редуцированные до двухмерности или, в лучшем случае, трёхмерные образы реальности, но не действительности, в целом.

Остановить этот процесс развития «цифровой деменции» у молодёжи, как его именует М. Шпитцер [16] и др., внешними волевыми усилиями и приказами «свыше» не представляется возможным, поскольку это спровоцирует, у этой самой молодёжи, ещё больший интерес к пагубному занятию, в силу того, что способность к осознанному самоуправлению, к субъектности, начинает проявляться только после 26 лет от роду телесной формы человека, когда, благодаря уже достаточной развитой для этого нервной системы, «рождается», т.е. функционально актуализируется ум личности, как инструмент интегрального видения и дедукции [13, 16]. До этого момента человек обладает естественным интеллектом и

физическим разумом, как фрагментатором мира [14], и из трёх основных факторов управления жизнедеятельностью человека – среда обитания, предшествующий опыт и субъектность – активны и по-настоящему эффективны только первые два, что и облегчает задачу информационных интервенгов, искушающих детей и родителей по-детски красивым и совсем не страшным миром компьютерных игр, дабы остановить их интегральное развитие и, благодаря этому, надолго укрепиться в своей власти над ними и над их жизненным миром [4].

В связи с этим актуализируются проблема определения психологических условий предупреждения и возможной коррекции зависимого от компьютера поведения [1], и соответствующая ей задача своевременного выявления и предотвращения зарождения компьютерной аддикции, для чего необходимы мониторинг и психологическая поддержка лиц из группы риска.

Показатели роста численности молодежи, страдающей данным видом зависимости, говорят о том, что не выявлены и не внедрены адекватные методы ее предупреждения, а если они есть, то, по-видимому, блокируются заинтересованными силами [11]. Ранее проведенные исследования среди склонных к компьютерной аддикции выявили особенности игровой активности и личностной рефлексии, которые могут быть использованы для изучения основы возникновения пагубной привычки [12].

Многие исследователи, в частности, А. Войскунский, В. Заблотский, Р. Юсупов, К. Янг, М. Шпитцер и др., сходятся во мнении, что предикторами компьютерной зависимости являются: феномены снижения чувствительности в эмоциональной сфере личности на фоне низкого уровня развития самосознания и саморегуляции; неумение осознавать фундаментальные отличия между цифровым миром и миром действительности; неспособность контролировать свои действия, осознавать свои чувства и эмоции, принимать решения, целесообразные собственному развитию. В связи с этим возникает интерес к тренингу развития осознанности (майндфулнесс), уже активно применяемому в практике реабилитационных центров, связанных с устранением химических зависимостей [3, 6, 7].

Термин «майндфулнесс (mindfulness)» является разно трактуемым и междисциплинарным. Данное понятие можно раскрыть с помощью самых разных категорий, так или иначе связанных с состояниями человеческого сознания. Чаще всего в англоязычных источниках, вслед за пионером в области исследования данного конструкта Джоном Кабат-Зинном, майндфулнесс определяется как полнота сознания, что в свою очередь является не вполне корректным по смыслу переводом [19], поскольку сознание не имеет ограничивающей его формы, а

стало быть, и невозможно, вообще, говорить о его «полноте». В более современных источниках, опирающихся в вопросе определения понятия майндфулнесс на концепции раннего буддизма смысловой перевод понятия представлен, как «полнота ума», где ум понимается как ментальная компонента души, при помощи которой человек может сконцентрировать осознаваемую компоненту внимания на объекте исследования или их совокупности [12].

В русскоязычной психологической литературе данный термин часто не переводится, а транслитерируется, поэтому его можно встретить без перевода, а лишь с заменой латинских букв на кириллицу. Основным же, наиболее близким к содержанию конструкта и наиболее используемым русскоязычным понятием-аналогом «майндфулнесс», является термин «осознанность» и «осознаваемое присутствие» [18]. Здесь эти понятия используются как синонимичные.

Также в русскоязычных исследованиях можно встретить определение – «внутренняя созерцательность» [12], под которым понимается психологическое свойство человека и его личности, проявляющееся в способности оценивать происходящее в действительности, не искажая его эмоциональными переживаниями и субъективными оценками.

Таким образом, «осознанность» (осознанное присутствие или майндфулнесс) может пониматься, как диспозиционная черта личности и как состояние, проявляющееся в способности к произвольной децентрации, концентрации на моменте «здесь-и-сейчас» и безоценочному наблюдению за возникающими психическими феноменами [19]. Многочисленные экспериментальные исследования майндфулнесс показали выраженную корреляцию развитости этой способности с психологическим благополучием, что позволило использовать этот конструкт как компонент успешной терапии пациентов с различными видами зависимостей за счет развития саморегуляции неблагоприятных эмоциональных состояний, повышения рефлексивности и ряда других эффектов [15].

Несмотря на обширный опыт эмпирического исследования осознанности в практике терапии химических аддикций, исследований в области компьютерной зависимости и ее связи с уровнем и качеством осознанности, не много [8, 10]. Дефицит подобных изысканий определяет актуальность научного исследования особенностей осознанности у лиц, склонных к компьютерной аддикции, и проблему настоящей работы: существуют ли таковые особенности осознанности у лиц, склонных к компьютерной зависимости?

Осознанность имеет важное значение для пони-

мания природы когнитивных процессов, личностной рефлексии и общего психологического благополучия индивидуальной жизни человека. В исследованиях на данную тему, F.J. Ruiza, J.C.S. Falcón и D.R. Hernández установили наличие тесной корреляционной связи между психическим здоровьем человека и уровнем развития осознанности, а также установили корреляционную зависимость между аддитивными проявлениями и способностью личности к осознанному присутствию [20].

В то же время, представляется очевидным, что любая зависимость порождается приматом в сознании личности мифического разума над рациональным, т.е. низким уровнем осознанности.

Теоретический анализ литературы позволил предположить, что компьютерозависимые молодые люди будут иметь низкий уровень осознанности (своих действий, эмоций и чувств), а также проявлять отличия в области регуляторного аспекта осознанности, то есть будут более склонны к квазирефлексии и интроспекции, чем к системной рефлексии.

Для исследования целевой группы респондентов был использован опросник А.Р. Шакуровой «Диагностика Компьютерной Зависимости». Данная методика позволяет определить общий уровень выраженности зависимого поведения, а также выявить тип зависимости подразделяя ее по выраженности трех следующих основных компонентов: *компенсаторный*, или компьютерная зависимость, как атарактическая зависимость, – отражает проблемы в построении отношений с реальностью, эмоциональный контакт с виртуальностью; *социальный*, или помещение интересов и жизненных приоритетов в виртуальное пространство, – отражает важность межличностных онлайн коммуникаций для респондента; *сверхценностный*, или степень поглощенности личного пространства компьютером.

Для измерения полноты осознания у лиц, склонных к компьютерной зависимости, был использован «Опросник внимательности и осознанности, МААС» К. Brown, R. Ryan в адаптации А.М. Голубева. Данный опросник включает в себя шкалу, позволяющую оценить уровень полноты осознания по трем критериям: «высокий», «средний» и «низкий», что отражает уровень внимательности и осознанности в повседневной жизни [9].

Для исследования уровня личностной рефлексии как проявления регуляторного аспекта осознанности и определения её преобладающего типа был использован опросник «Дифференциальный тип рефлексии, ДТР» Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина [11], в котором выделяется три следующих основных шкалы.

Системная рефлексия: связана с самодистанцированием и взглядом на себя со стороны. Она позволяет

одновременно удерживать в фокусе внимания и субъект и объект.

Квазирефлексия: направлена на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации и связана с отрывом от действительности, от актуальной ситуации бытия в мире.

Интроспекция: связана с чрезмерной сосредоточенностью на собственном состоянии, собственных переживаниях.

С целью изучения выраженности отдельных факторов, определяющих осознанность у лиц, склонных к компьютерной зависимости, был использован «Пятифакторный опросник осознанности, FFMQ» Руфь Баер в адаптации Н.М. Юмартовой, Н.В. Гришиной. В процессе интерпретации его результатов можно не только отметить, какой компонент осознанности наиболее выражен в той или иной группе респондентов, но и увидеть динамику изменения выраженности характерных признаков осознанности по мере роста компьютерной зависимости [17]. Основные шкалы этого опросника следующие.

Наблюдение – умение замечать, отслеживать и отмечать внешнее и внутреннее: чувства, эмоции, мысли, звуки, запахи и т. д.

Описание – навык словесного выражения результата внутреннего опыта.

Осознанность действий – умение быть здесь и сейчас, включившись в настоящий момент.

Безоценочность – умение любой внутренний опыт принимать каким он есть, без стремления избавиться от чего-либо, или подавить что-либо в нём.

Нереагирование – способность наблюдать за приходящими и уходящими мыслями, не увлекаясь ими.

В настоящем исследовании принимали участие обучающиеся старших курсов очного отделения ЮФУ (третьего, четвертого курса бакалавриата и первого и второго курса магистратуры). Объем выборки 147 человека (78% – юноши и 22% – девушки, средний возраст 20,5 лет).

По результатам применения методики А. Шакуровой «Диагностика компьютерной зависимости» удалось разделить выборку испытуемых на три целевых группы по уровню выраженности компьютерной зависимости (КЗ): 1-я группа – 17 человек (11,5%) с низким уровнем компьютерной зависимости; 2-я группа – 32 человека со средним уровнем выраженности этой зависимости (21,7%); 3-я группа – 98 человек с высоким уровнем компьютерной зависимости (66,8%).

Для оценки выраженности уровня полноты осознания был использован опросник внимательности и осознанности (Mindful Attention Awareness Scale, MAAS). Получено распределение выраженности компьютерной зависимости по уровню полноты осознания – низкому, среднему и высокому, из которого следует обратная

корреляция между уровнем компьютерной зависимости и полнотой осознания.

Для достижения статистической достоверности в значимости различий был использован критерий t-Стюдента. Обнаружены значимые различия по параметру «полнота осознания» между подвыборками со средним и низким уровнем компьютерной зависимости.

Для анализа полученных результатов, рассмотрены три основных компонента содержания понятия «полнота осознания»: саморегулирование внимания, ориентация на текущем впечатлении и открытость новому опыту.

С увеличением роста компьютерной зависимости человек проявляет все меньше способностей к концентрации и удержанию локуса внимания на одном объекте, развивается так называемое «клиповое мышление». Что касается негативных мыслей и чувств, исследователи обращают внимание, что позиция «непринятия» изменяет субъективное значение ситуации, и, таким образом, дистресс переживается как более тревожный или угрожающий.

Для определения различий в выраженности регуляционного компонента осознанности у респондентов с разным уровнем компьютерной зависимости был использован тест «Дифференциальный тип рефлексии» (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин). Результаты приведены в табл. 1.

В выявленных значимых различиях наблюдается снижение общего уровня личностной рефлексии с ростом компьютерной зависимости. По мере увеличения уровня погруженности в киберсреду, человеку становится все сложнее самодистанцироваться от переживаний настоящего момента. Уходит состояние «здесь и сейчас» и самоопределение в этом состоянии, что свидетельствует о невозможности для аддикта переключить локус внимания в ходе реализации своего увлечения.

Так же существуют значимые статистические различия по параметру «квазирефлексия» между подвыборками со средним и низким уровнем компьютерной зависимости. С ростом зависимости локус внимания смещается с себя на объект (страницу в соц. сети, персонажа компьютерной игры), что приводит к формированию квазирефлексии. Настроение и мироощущение аддикта привязывается к значимому для него объекту киберпространства, смещая фокус восприятия от окружающей действительности. Так же увеличивается отстраненность аддиктов от осознания актуальной ситуации, происходящей в их жизни по мере роста зависимости.

При этом не выявлено статистически значимых различий по параметру интроспекция между подвыборками с низким и высоким уровнем зависимости. Предполагается, что полученные результаты объясняются возрастными особенностями респондентов. Е.О. Соснин и Н.Н. Яровая изучавшие вопрос интроспекции у студентов от 17 до 22 лет пришли к выводу, что высокий уровень выраженности интроспекции связан с тем, что у респондентов данного возраста первое место занимают собственные эмоциональные состояния и переживания [15]. Таким образом можно заключить, что компьютерная зависимость не смещает значимым образом локус внимания испытуемых с собственных переживаний и чувств.

Для дифференцированного изучения различных аспектов осознанности у респондентов была использована методика «пятифакторный опросник осознанности». Результат обработки данных представлен в табл. 2.

Из таблицы 2 видно, что с ростом показателей компьютерной зависимости снижаются все основные факторы осознанности. В ходе проведения первичного интервью, компьютерозависимые респонденты отмечали, что не могут не реагировать на киберраздражители, с трудом воздерживаются от эмоциональной оценки про-

Таблица 1.

Выраженность типов рефлексии у испытуемых разных уровней КЗ.

Уровень выраженности КЗ	Тип рефлексии	Уровень выраженности компонентов рефлексии (%)		
		Низкий	Средний	Высокий
Низкий	Системная рефлексия	22,60%	77,40%	0%
	Квазирефлексия	66,50%	26,80%	6,70%
	Интроспекция	43,90%	31,10%	25,0%
Средний	Системная рефлексия	69,20%	30,80%	0%
	Квазирефлексия	58,90%	41,10%	35,40%
	Интроспекция	28,20%	42,60%	29,20%
Высокий	Системная рефлексия	77,50%	12,50%	0%
	Квазирефлексия	77,30%	22,70%	59,60%
	Интроспекция	24,70%	44,10%	31,20%

Таблица 2.

Сравнение параметров осознанности у лиц с разным уровнем КЗ.

Уровень зависимости	Показатели	Параметры осознанности				
		Наблюдение	Описание	Осознанность действий	Безоценочность	Нереагирование
Низкий	Медиана	29	31	30	34	31
	Среднее	29,8	30,6	30,5	32,6	31,2
Средний	Медиана	25,5	24	21,5	23	22,5
	Среднее	25,8	24,3	21,7	23	22,7
Высокий	Медиана	19	18	18	16	15
	Среднее	18,7	17,8	17,8	16,3	15,5

исходящего в онлайн, а также испытывают сложность с фиксацией на состоянии «здесь и сейчас».

Были обнаружены значимые различия по параметру «наблюдение» между подвыборками со средним и низким уровнем компьютерной зависимости. Полученные результаты свидетельствуют о том, что с ростом компьютерной зависимости индивид все меньше отслеживает внешний и внутренний опыт. Сознание аддикта погружается в кибермир, что не только занимает в большей мере его чувства, мысли и эмоции, но и снижает чувствительность к внешним раздражителям.

Именно снижение чувствительности и переключение внимания стоит в основе формирования зависимого поведения. Анализ данных показывает, что это прямо коррелируется со снижением уровня факторов осознанности, а значит и ее общего показателя.

В ходе проведения дальнейшей статистической обработки были обнаружены значимые различия по параметру «описание» между подвыборками со средним и низким уровнем компьютерной зависимости, а также высоким и средним уровнем. Отмечается, что, с ростом выраженности компьютерной зависимости, ухудшается и умение респондентов словесно выражать внутренний опыт. Предположительно это происходит из-за того, что потребность в самоанализе в киберпространстве не велика, а потому и большинство сложных психологических личностных переживаний отображаются в сленговых однозначно трактуемых обозначениях. Таким образом, не развивая данный навык и все больше упрощая самописание, человек допускает снижение данного аспекта осознанности с ростом своей компьютерной зависимости.

Так же были обнаружены значимые различия по параметру «осознанность действий» между подвыборками со средним и низким уровнем компьютерной зависимости, а также высоким и средним уровнем. Киберпространство предполагает оперирование набором симуляций, что отрывает сознание аддикта от обработки образов действительности, неуклонно снижая осознание своих действий. Алгоритмы человеко-машинного

взаимодействия строго формализованы и имеют ряд простых правил – будь то компьютерная игра или общение в мессенджере. Пользователь, по сути, выполняет определенные действия в разном порядке, что, несомненно, сокращает свободу творчества, а также позволяет «отключиться» от настоящего момента.

Состояние оторванности от реальности, судя по проведенному интервью с зависимыми и анализу литературы по данной теме является одним из ключевых факторов, привлекающих аддиктов в киберпространство. Возможность не находиться «здесь и сейчас» в действительности, уходя таким образом от трудностей реальной жизни приводит к угнетению состояния «осознанного присутствия», что взаимосвязанно с общим уровнем осознанности и подтверждается статистическим анализом данных.

Обнаружены значимые различия по параметру «безоценочность» между подвыборками со средним и низким уровнем компьютерной зависимости, а также высоким и средним. Анализ результатов исследования дает основание полагать, что зависимые респонденты более склонны к дихотомическому восприятию собственного опыта. При этом не переживая, а вытесняя его негативный компонент. Само по себе присваивание оценочных суждений характерно для киберпространства, которым увлекается аддикт, будь то «хорошие» и «плохие» персонажи в играх или навязывание «ярлыков» лидерами общественного мнения в социальных сетях. Данный вид упрощения восприятия окружающего мира приводит к сужению спектра сознания до однозначных оценочных реакций, что в свою очередь укрепляет человека в его зависимости не позволяя выйти в своем развитии на уровень безоценочных суждений.

Также были обнаружены значимые различия по параметру «нереагирование» между подвыборками со средним и низким уровнем компьютерной зависимости, а также высоким и средним уровнем. Поскольку киберпространство функционирует путем препятствования сознательному перемещению внимания аддикта, можно наблюдать невозможность пребывания человека в

состоянии «свидетеля». Мир компьютерных симуляций несет высокую эмоциональную нагрузку, дабы удержать поток сознания на себе. Аддикты, вовлекаясь в эмоциональные переживания и вытесняя в них эмоции, с которыми на данный момент не могут справиться, не способны не реагировать на стимулы киберсреды.

На основании проведения статистического анализа полученных в ходе исследования результатов можно установить, что с увеличением выраженности компьютерной зависимости у респондентов снижаются следующие факторы, прямо или косвенно указывающие на состояние осознанности.

Полнота осознания достоверно ниже, чем у лиц не склонных к компьютерной зависимости. Данный вывод указывает на то, что аддикты, не всегда полностью осознают свою зависимость и ее негативные последствия. Недооценивают время, которое проводят за компьютером, и не осознают вред, наносимый их здоровью, отношениям, работе или учебе.

Системный показатель личностной рефлексии у компьютерозависимых ниже в сравнении с лицами не склонными к зависимости, что говорит о затруднениях в дистанцировании и взгляде на себя со стороны. Так же это указывает на низкий уровень осознания своих переживаний. Тогда как квазирефлексия, выражающаяся во взгляде и ощущении себя через объект, наоборот, существенно выше – это указывает на то, что настроение и мироощущение аддикта привязывается к значимому для него объекту киберпространства, что приводит к боль-

шему отрыву от окружающей действительности

Осознанность по пяти ее основным факторам (FFMQ Автор: Руфь Баер Адаптация: Н.М. Юмартова, Н.В. Гришина) так же значимо ниже у компьютерозависимых в сравнении с лицами, не склонными к данному рода аддикции. Достоверные различия наблюдаются в шкалах «наблюдение», «описание», «осознанность действий», «нерегистрирование» и «безоценочность». Компьютерозависимые плохо справляются с отслеживанием внутреннего опыта, а также с его словесной интерпретацией. Онлайн активности, в том числе игры и социальные сети, всячески поощряют эмоциональное и чувственное погружение, что негативно сказывается на выраженности вышеперечисленных факторов. Отдельно стоит отметить, что при смещении локуса внимания неизбежно снижаются параметры самосознания и способность к саморегуляции.

Рассмотрев составляющие осознанности как метакогнитивного сознательного процесса в сравнении подгрупп с разным уровнем выраженности компьютерной зависимости, можно установить, что сама по себе способность к непосредственному переживанию с отсутствием автоматической реактивности и оценочных суждений у компьютерозависимых ниже. Это может являться как следствием, так и предиктором формирования аддикции.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований, в том числе для разработки психокоррекционных программ, направленных на развитие осознанности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Ю.Д. Войскунский А.Е. Психологические последствия информатизации // Психологический журнал. – 1998. – № 1. – С. 89-100.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / Ж. Бодрийяр. – Перевод О. А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.
3. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета // Психологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 90-100.
4. Выступление В.В. Жириновского Фрагмент №7 стенограммы заседания Государственной Думы 17 октября 2012 г. – URL: <http://oleg-smolin.livejournal.com/60655.html> (дата доступа: 26.06.2021).
5. Выступление А. Курпатова на деловом завтраке в Давосе <https://www.youtube.com/watch?v=vcNIA8rvbE8> Дата обращения 30.01.2025 г.
6. Голубев А.М. Природа полноты сознания. Адаптация опросника внимательности и осознанности MAAS // Вестник НГУ, Серия: Психология, 2012. Том 6, вып. 2.
7. Голубев А.М., Дорошева Е.А. Особенности применения русскоязычной версии пятифакторного опросника осознанности // Сибирский психологический журнал, 2018. № 69. с. 46-68.
8. Дрепа М.И. Психологический портрет личности интернет-зависимого студента // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2009. Вып. 4 (82). С. 75–81.
9. Егоров А.Ю., Кузнецова Н., Петрова Е. Особенности личности подростков с Интернет-зависимостью // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2005. Т. 5. № 2. С. 20-27.
10. Казанцева Е.В., Холина О.А., Москаленко А.Е. Оценка степени осознанности студентов с наличием склонности к аддиктивному поведению // Психолог. – 2019. – № 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php (Дата обращения 10.12.2024).
11. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2014. Т. 11. № 4. С. 110-135.
12. Пенман Д., Уильямс М. Осознанность. Как обрести гармонию в нашем безумном мире [Текст] / Д. Пенман, М. Уильямс. – М.: Манн, Иванов, Фербер, 2014. – 46 с.
13. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. [Текст] / Пенроуз Р. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005. – 688 с.
14. Пирс Дж. Ч. Биология трансцендентного [Текст] / Дж. Ч. Пирс; пер. с англ. Ю. Саравой. – Москва: «Гаятри», 2006. – 400 с.

15. Соснин Е.О., Яровая Н.Н. Половые особенности интроспекции в юношеском возрасте. Будущее психологии: материалы Всерос. студ. конф. (16 апреля 2008 г.) / под ред. Е.В. Левченко, А.Ю. Бергфельд; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – Вып. 1. – 148 с.
16. Шпитцер Манфред. Антимозг: цифровые технологии и мозг / Манфред Шпитцер; пер. с немецкого А.Г. Гришина – Москва: АСТ, 2014. – 288 с.
17. Юмартова Н.М., Гришина Н.В. Осознанность (Mindfulness). Характеристики и инструменты измерения // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ, 2013.
18. Bray S., Phillipson P. Gestalt and Awareness [Текст] / S. Bray, P. Phillipson // Psychotherapy. – 2003. – № 3. – С. 56-67.
19. Brown K.W., Ryan R.M. The Benefits of Being Present: Mindfulness and Its Role in Psychological Well-Being [Текст] / K.W. Brown, R.M. Ryan // Journal of Personality and Social Psychology Copyright. – 2003. – №4. P. 822–848.
20. Ruiza, F.J., Suárez-Falcón, J.C., Riaño-Hernández, D. (2016). Psychometric properties of the Mindful Attention Awareness Scale in Colombian undergraduates // Suma psicológica, 23: 18-24.

© Непомнящий Анатолий Владимирович (nepomnyashchiy@sfedu.ru), Завада Сергей Сергеевич (zavada@sfedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-РЕГУЛЯТИВНОГО КОМПОНЕНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В МАЛЫХ ГРУППАХ

Павленко Алексей Николаевич

Аспирант, Московский институт психоанализа;
Директор, Институт групповой терапии «Интеграция»,
(г. Москва)
panpavlenko22@gmail.com

FORMATION OF THE EMOTIONAL-REGULATORY COMPONENT OF PROFESSIONAL IDENTITY OF PSYCHOLOGY STUDENTS STUDYING IN SMALL GROUPS

A. Pavlenko

Summary: The article deals with the role of small groups in the formation of the emotional-regulatory component of professional identity of psychology students. Modern researches of emotional regulation in psychology students are analyzed, the main problems in the development of their emotional competence are revealed. Special attention is paid to the mechanisms of influence of group dynamics on the development of the ability to emotional self-regulation. The analysis of various strategies of emotional regulation and their influence on the professional development of future psychologists is presented. The effectiveness of using small groups as an educational format that promotes the development of more mature ways of emotional regulation through direct experience and reflection is substantiated. It is shown that work in small groups creates conditions for the formation of adequate professional competences in the field of emotional regulation and contributes to the prevention of professional burnout of future specialists.

Keywords: emotional regulation, professional identity, small groups, psychology students, group dynamics, emotional competence, professional education, self-regulation, emotional burnout, professional formation.

Аннотация: В статье рассматривается роль малых групп в формировании эмоционально-регулятивного компонента профессиональной идентичности студентов-психологов. Проанализированы современные исследования эмоциональной регуляции у студентов-психологов, выявлены основные проблемы в развитии их эмоциональной компетентности. Особое внимание уделено механизмам влияния групповой динамики на развитие способности к эмоциональной саморегуляции. Представлен анализ различных стратегий эмоциональной регуляции и их влияния на профессиональное становление будущих психологов. Обоснована эффективность использования малых групп как образовательного формата, способствующего развитию более зрелых способов эмоциональной регуляции через непосредственный опыт и рефлексию. Показано, что работа в малых группах создает условия для формирования адекватных профессиональных компетенций в области эмоциональной регуляции и способствует профилактике профессионального выгорания будущих специалистов.

Ключевые слова: эмоциональная регуляция, профессиональная идентичность, малые группы, студенты-психологи, групповая динамика, эмоциональная компетентность, профессиональное образование, саморегуляция, эмоциональное выгорание, профессиональное становление.

Эффективное выполнение любых задач требует способности управлять своим поведением и психическими процессами, включая концентрацию внимания, уровень активации и эмоциональное состояние. Формирование профессиональных навыков и их практическое применение неразрывно связаны с развитой способностью к саморегуляции. Этот механизм стимулирует формирование ключевых личностных качеств: способности к рефлексии, адекватной самооценке, внутреннему контролю и планированию своих действий.

Особенно важно развитие эмоционального самоконтроля в образовательном контексте. Будущим психологам предстоит интенсивно взаимодействовать с людьми, погружаясь в их эмоциональный мир и проблемы. Постоянное соприкосновение с чужими переживаниями может истощать специалиста эмоционально, вызывать

профессиональное выгорание и снижать качество оказываемой помощи.

Справиться с такими профессиональными вызовами может только специалист, владеющий необходимыми компетенциями. Ключевую роль играет способность к управлению эмоциональной сферой, включая умение выражать чувства аутентично, признавать значимость эмоций (своих и чужих), осознанно регулировать эмоциональные состояния и создавать благоприятную атмосферу для психологической работы [1], [2].

Эмоции — один из важнейших психофизиологических процессов, помогающих человеку адаптироваться к окружающей среде и достигать своих целей. Стремительные социальные изменения и развитие цифровых технологий, которые можно наблюдать в последние

годы, сталкивают человека с беспрецедентным множеством и разнообразием стрессоров. Это порождает когнитивное напряжение, ситуативный стресс и негативные аффективные состояния. В связи с такими изменениями способность гибко регулировать эмоциональные реакции стала еще более ценной, чем раньше. Студенты-психологи часто сталкиваются со сложным академическим, социальным и эмоциональным стрессом в студенческой среде, поэтому их способность управлять своими эмоциями имеет решающее значение для их благополучия, академических успехов и профессиональной идентичности [9].

В научной литературе эмоциональная регуляция определяется как совокупность сознательных и бессознательных психологических механизмов, направленных на модуляцию различных компонентов эмоционального реагирования. Структурный анализ феномена эмоциональной регуляции позволяет выделить следующие базовые компоненты:

1. Идентификационно-когнитивный компонент, включающий способности к распознаванию, дифференциации и осмыслению эмоциональных состояний;
2. Операциональный компонент, представленный системой когнитивных и поведенческих стратегий управления эмоциями;
3. Адаптационный компонент (эмоциональная гибкость), обеспечивающий модификацию эмоциональных реакций в соответствии с контекстуальными требованиями [8].

Существенными факторами эффективности эмоциональной регуляции выступают: способность к совладанию с негативными эмоциональными состояниями; принятие эмоционального опыта без его подавления; наличие социальной поддержки; сформированность ценностно-смысловых ориентаций личности.

В контексте психологии высшего образования особую значимость приобретает исследование влияния эмоциональной регуляции на психологическое благополучие и академическую успешность студентов. Эмпирические данные свидетельствуют о положительной корреляции между развитыми навыками эмоциональной регуляции и показателями психологического благополучия, удовлетворенности жизнью, стрессоустойчивости, адаптивности [7].

Выявлена связь эффективной эмоциональной регуляции с качеством межличностных отношений, коммуникативной компетентностью, способностью к конструктивному разрешению конфликтов. В академической сфере развитые навыки эмоциональной регуляции коррелируют с повышенной концентрацией внимания, учебной мотивацией, академической резильентностью и эффективным тайм-менеджментом.

Среди стратегий эмоциональной регуляции особое место занимает когнитивная переоценка, предполагающая реинтерпретацию эмоциогенной ситуации с альтернативной перспективы [8].

Обнаружено, что существуют значимые различия в стратегиях эмоциональной регуляции у студентов разных направлений. В одном из зарубежных исследований студенты, не принадлежащие психологическим направлениям, имеют более высокий уровень подавления эмоциональной экспрессии по сравнению со студентами, изучающими психологию. Также было обнаружено, что у мужчин более высокий уровень подавления эмоциональной экспрессии по сравнению с женщинами [4]. Подавление эмоциональной экспрессии – это намеренный контроль над выражением эмоций на лице. Такое подавление скрывает лежащее в основе эмоциональное состояние. В повседневной жизни подавление служит приведению эмоциональной экспрессии в соответствие с культурными нормами и для облегчения социального взаимодействия. С одной стороны, сокрытие негативных эмоций может привести к более успешным социальным отношениям, предотвращая конфликты через сдерживание эмоций и защищая человека от негативной оценки окружающих. Но эмоциональное подавление не уменьшает негативные чувства и не облегчает внутренние переживания. Чрезмерное использование этой стратегии может негативно сказаться на взаимоотношениях. Подавление мимики не позволяет другим людям получить информацию об эмоциональном состоянии человека, подавляющего эмоции. Это может помешать переживанию сочувствия, эмпатии. Подавление мимики не всегда бывает полным. Если случайно проявляются признаки скрытых чувств, окружающие могут воспринять это как неискренность и незаинтересованность в формировании доверительных отношений. Наконец, подавление экспрессии – это тяжелая работа, требующая высокого когнитивного напряжения, чем свободное выражение эмоций, и препятствующая вовлеченности в отношения.

На основании этих рассуждений можно предположить, что стратегии эмоциональной регуляции у студентов-психологов должны быть более рефлексивными, учитывающими чувства другого человека и взаимоотношения с ним. Будущий профессионал, который использует преимущественно репрессивные стратегии регуляции эмоций, будет менее эффективным для своих клиентов, препятствуя формированию доверительных отношений и рабочего альянса. К тому же он сам будет испытывать большее напряжение по сравнению с теми специалистами, которые способны признать свои переживания и давать им выход в конструктивной форме, не принося при этом боль окружающим. Стратегия подавления, вероятно, повышает риск профессионального выгорания и эмоционального истощения, так как требует много психофизиологических ресурсов для её

использования. Важно отметить, что следует учитывать гендерный аспект в этом вопросе. Студенты-психологи под влиянием гендерной социализации, согласной которой мужчины должны быть более эмоционально сдержанными, могут испытывать трудности в использовании рефлексивных стратегий эмоциональной регуляции. Они требуют большего внимания со стороны преподавателей, а также нуждаются в более принимающем отношении со стороны обучающей среды, где нет запрета на выражение различных чувств у мужчин.

Российские исследования выявляют серьезные пробелы в эмоциональной компетентности у будущих психологов. Многие студенты демонстрируют ограниченное понимание эмоциональной сферы - как своей, так и других людей. Наблюдается тенденция к чрезмерному подавлению эмоций, особенно негативных, таких как гнев, из-за опасения социального неодобрения. Это приводит к неспособности адекватно выражать свои чувства.

Исследования также показывают, что студенты-психологи часто проявляют недостаточную эмпатию и внимательность к эмоциональным состояниям окружающих. Как следствие, их способность оказывать влияние на эмоциональное состояние других людей остается на среднем уровне.

Диагностика устойчивости к фрустрации выявила низкий уровень социальной адаптации среди студентов-психологов. В их реакциях преобладает склонность обвинять окружающих (экстрапунитивные реакции), что существенно превышает показатели самообвинения (интропунитивные реакции) или нейтрального отношения к ситуации (импунитивные реакции). Это указывает на завышенные ожидания от других людей.

Характерными особенностями также являются настойчивое стремление разрешать проблемные ситуации в свою пользу и склонность фиксироваться на препятствиях. Последнее свидетельствует о повышенной концентрации на стрессовых факторах и высоком уровне внутреннего напряжения [3].

Малые группы как форма работы использовались для содействия личностным изменениям на протяжении всего двадцатого века. Еще в 1905 году Джозеф Пратт подчеркнул важность групповой идентификации (или группового духа), социальной поддержки и надежды в психотерапевтических группах для соматически больных пациентов. С тех пор группы использовались для содействия терапевтическим изменениям в психотерапии, семейной терапии, личностному росту и развитию межличностных навыков, например, тренинг коммуникативных навыков; использовались также для психобразовательных целей, то есть обучению конкретным

задачам и тренировке навыков для оказания самопомощи; для поддержки со стороны сверстников людям с зависимостями, проблемами со здоровьем; для профессиональных целей (балинтовские группы).

Вызывают интерес некоторые аспекты групповой работы, например, разработанные И. Яломом применительно к групповой терапии и переосмысленные как важные факторы обучения [10]. Один из аспектов – способность членов группы собирать и разделять эмоции других членов без необходимости вербализации, понимание себя через образы, которые присутствуют и наблюдаются в группе. Эти факторы могут быть использованы и в обучающей групповой работе со студентами, когда целью является построение более реалистичного профессионального образа. Во многих случаях специфическое, искажённое представление о роли психолога связано с личными вопросами и динамикой, которые не всегда проговариваются. Например, с помощью отклика группы участники могут помочь другим студентам осознать, какие личные переживания и эмоции они связывают с профессиональным представлением. В то же время студенты, благодаря зеркальному отражению, могут распознать в вербализации других общие аспекты, но также и различия, с точки зрения мотивов и процессов, связанных с выбором профессии психолога. И отклик, и зеркальное отражение являются значительными факторами обучения, поскольку позволяют участникам лучше осознать аспекты искажения этих процессов, которые часто лежат в основе стереотипных или нереалистичных представлений о профессии, и сформировать адекватную и целостную профессиональную идентичность. Кроме того, благодаря помогающей роли преподавателя/проводника, в групповом опыте мы также фокусируемся на социогенетических и культурных основах представлений о профессии психолога [6]. Общие представления, существующие в социальной группе или обществе о психологии и профессии психолога, могут оказывать значительное влияние на отношение к обучению и интересы обучающихся.

Развитие профессиональной идентичности путём обучения в малых группах является интересной и малоизученной темой. При анализе литературы было обнаружено, что обучение в малых группах способствует развитию не только теоретических знаний и технических навыков консультирования, но и развивает ответственность за профессиональный рост, формирует целостную профессиональную идентичность. Студенты-психологи, учувствовавшие в малых группах, демонстрировали, что получили в результате рефлексии группового опыта более развитые навыки эмпатии и эмоциональной саморегуляции. Они описывали групповой опыт как «попытку понять, каково быть специалистом, а не просто студентом», потому что чувствовали, что довольно хорошо справляются с ролью студента, но применять по-

лученные навыки на практике им сложнее. Кроме того, участники вспомнили, что в процессе взаимодействия в малой группе произошло более глубокое осознание того, как аспекты их личности, в том числе эмоциональная регуляция, могут повлиять на их профессиональную идентичность и рабочий процесс.

Групповая динамика в малой группе является зеркальным отражением работы в качестве психолога. Процесс раскрытия членов малой группы может быть похож на раскрытие будущих клиентов во время психологического консультирования и психотерапии. В малых группах люди делились тяжелыми переживаниями, благодаря чему студенты узнавали, как может быть трудно работать с клиентами и обращаться с собственными эмоциями, не заикливаясь на них, над чем им предстоит работать, не забирая тяжёлые эмоциональные переживания с собой домой, за пределы рабочего кабинета. Нахождение в группе даёт понимание и опыт того, как будущий специалист будет проявляться во время профессиональной деятельности. Участники групп извлекают уроки о том, как связано их поведение в роли участника группы и в роли будущего специалиста. Так, например, один из участников, у которого был негативный опыт работы в группе, размышляя, приходит к выводу о том, что ему нужно много времени, чтобы открыться другим, и, в связи с этим он понимает важность профессионально важных качеств, которые помогают людям чувствовать себя безопаснее в отношениях. Эти случаи параллельного процесса во время работы в малой группе и рефлексии после работы в малой группе, представляют собой путь для развития профессиональной идентичности. Малая группа в рамках обучения является более «реальной», чем остальные форматы обучения, такие как ролевые игры, лекции, изучение литературы. Групповая динамика, которая происходила в малой группе, даёт возможность понять точку зрения клиента, применяя при этом теорию из обучающих лекций. Собственный опыт в качестве члена группы является параллелью с опытом будущих клиентов. Малая группа включает в себя ощущение себя членом группы и способствует развитию эмпатии к клиентам, понимание профессиональной идентичности после опыта работы в малой группе [5].

Можно сделать следующие выводы о влиянии работы в малой группе на формирование эмоциональной регуляции как компонента профессиональной идентичности:

- Опыт работы в малой группе оказывает существенное позитивное влияние на развитие эмоционально-регулятивного компонента профессиональной идентичности студентов-психологов. В процессе групповой работы студенты получают уникальную возможность прочувствовать на собственном опыте те эмоциональные процессы, с которыми им предстоит работать в будущей профессиональной деятельности. Малая группа создает более реалистичную среду по сравнению с другими форматами обучения, позволяя участникам погрузиться в аутентичный эмоциональный опыт;
- Через групповую динамику студенты развивают более глубокое понимание того, как их личностные особенности и способность к эмоциональной регуляции влияют на профессиональную деятельность. Важным аспектом является то, что участники группы учатся распознавать собственные эмоциональные реакции, наблюдать за процессом раскрытия других членов группы и практиковать навыки эмоциональной саморегуляции в безопасной среде;
- Особенно ценным является опыт работы с тяжелыми переживаниями в группе, что позволяет студентам научиться управлять собственными эмоциональными состояниями, не допуская эмоционального выгорания. Через рефлексию группового опыта участники развивают более зрелые стратегии эмоциональной регуляции, уходя от непродуктивного подавления эмоций к более конструктивным способам их выражения и переработки;
- Малая группа также способствует развитию эмпатии и более глубокому пониманию клиентской позиции, так как студенты получают возможность быть в роли как специалиста, так и клиента. Это помогает формировать более реалистичные представления о профессии и развивать необходимые профессиональные качества, включая способность создавать безопасную атмосферу для клиентов и управлять групповой динамикой.

Таким образом, работа в малых группах является эффективным инструментом формирования эмоционально-регулятивного компонента профессиональной идентичности будущих психологов, способствуя развитию более зрелых и соответствующих профессии способов эмоциональной регуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корлякова С.Г., Францева Е.Н. Психолого-педагогические условия формирования психоэмоциональной устойчивости у студентов педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2019. №64-1.
2. Мещерякова И.Н. Формирование эмоционального интеллекта студентов-психологов в процессе обучения в вузе // Вестник ТГУ. – 2010.
3. Шабанова Т.Л. Особенности эмоциональной компетентности у будущих психологов // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72-4. – С. 361-364.

4. Barik R. Das S. Emotional Regulation Among Psychology and Non-Psychology Studying College Students // International Journal of Indian Psychology. – 2023. pp. 2114-2121.
 5. DeDiego Amanda Christine. Exploring the Professional Identity Development of Counselors-In-Training through Experiential Small Groups // PhD diss., University of Tennessee. – 2016. pp. 102-140.
 6. Falgares G., Venza G., Guarnaccia C. Learning Psychology and Becoming Psychologists: Developing Professional Identity through Group Experiential Learning // Psychology Learning & Teaching, 16(2). – 2017. pp. 232-247.
 7. Fitriani E. Emotion Regulation in Psychology in Students // International Journal of Educational Research Excellence (IJERE). – 2024. pp. 307-312.
 8. Koole S. The psychology of emotion regulation: An integrative review // Cognition & Emotion - COGNITION EMOTION. – 2009. pp. 4-41.
 9. Kozubal M, Szuster A., Wielgopolan A. Emotional regulation strategies in daily life: the intensity of emotions and regulation choice // Front. Psychol. – 2023.
 10. Yalom I.D., Leszcz M. Theory and practice of group psychotherapy // New York, NY: Basic Books. – 2005. pp. 138-260.
-

© Павленко Алексей Николаевич (panpavlenko22@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУПЕРВИЗИЯ В ПСИХОТЕРАПИИ НЕВРОТИЧЕСКИХ КЛИЕНТОВ

SUPERVISION IN THE PSYCHOTHERAPY OF NEUROTIC CLIENTS

**Ju. Popova
V. Petkov
N. Demchenko
K. Bulakh
Ya. Kudina**

Summary: The article scientifically justifies the need for supervision in the psychotherapy of neurotic clients. It describes the main problems of establishing a therapeutic alliance and the procedural features of psychotherapy, due to the psychological issues of neurotic individuals: the level of mental functioning, maladaptive traits of the personality structure, limited coping strategies, specific patterns of reflection and mentalizing, as well as the therapist's psychological preparedness to take these factors into account. The possibilities and directions for supervision in addressing potential difficulties in the course of neurotic client psychotherapy at various stages are outlined, including assessing the client's condition, severity and characteristics of neuroticism, degree of therapeutic alliance harmony, and therapist willingness to enhance their therapeutic potential. The results of the analysis presented here clarify scientific ideas about the potential use of supervision to enhance the effectiveness of psychotherapy for neurotic clients.

Keywords: supervision, psychotherapy, neuroticism, neuroses, psychotherapy of neurosis, supervision in psychotherapy of neuroticism.

Попова Юлия Ивановна

Кандидат психологических наук, доцент, Кубанский
государственный университет (г. Краснодар)
jeis@mail.ru

Петьков Валерий Анатольевич

Доктор педагогических наук, профессор, Кубанский
государственный университет (г. Краснодар)
Valerype@mail.ru

Демченко Наталья Юрьевна

Кандидат психологических наук, доцент, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
natalidem71@yandex.ru

Булах Ксения Владимировна

Кандидат психологических наук, доцент, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
kseniyabulakh@yandex.ru

Кудина Яна Владимировна

Старший преподаватель, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
kseniyabulakh@yandex.ru

Аннотация: В статье научно обоснована необходимость осуществления супервизии при психотерапии невротических клиентов. Описаны основные проблемы формирования терапевтического альянса и процессуальных особенностей психотерапии, обусловленные психологической проблематикой невротических клиентов: уровнем психического функционирования, дезадаптивными особенностями личностной структуры, ограниченностью способов совладания, особыми сценариями рефлексии и ментализации, а также психологической готовностью психотерапевта к учету данных особенностей. Обозначены возможности и направления супервизии для коррекции возможных затруднений в ходе психотерапии невротических клиентов на различных этапах работы, связанных с оценкой состояния клиента, выраженностью и особенностями невротизации, степенью гармоничности терапевтического контакта, готовностью психотерапевта расширять свой терапевтический потенциал. Результаты представленного анализа уточняют научные представления о возможности использования супервизии для расширения возможностей психотерапии при работе с невротическими клиентами.

Ключевые слова: супервизия, психотерапия, невротизация, невроз, психотерапия неврозов, супервизия в психотерапии неврозов.

Психотерапия в настоящее время становится неотъемлемой частью повседневной медицинской и психокоррекционной деятельности. На помощь интуиции психотерапевта приходят выверенные практикой методы и техники лечения отношением, словом, ситуацией и средой. Актуальным становится вопрос о повышении качества психотерапевтической подготовки специалистов.

Супервизия - один из наиболее эффективных методов психотерапии, отражающий её «ремесленный аспект» [1]. Приказом Минздрава РФ от 30.01.1995 г. «О

психиатрической и психотерапевтической помощи» супервизия обрела статус обязательной (не менее 75 часов) части образования психотерапевта и уже делает первые заметные шаги в России [6].

Для эффективного осуществления супервизии с клиентами любого уровня функционирования, психотерапевту необходимо иметь достаточный уровень сформированности навыков оценки состояния психического здоровья клиента и последующего определения выраженности нозологии: невротической, пограничной или психотической. Также, вместе с пси-

хотерапевтом на основании анализа ведущих особенностей поведения, самопрезентации и выраженной симптоматики, с учетом динамики, важно определить уровень психического функционирования клиента на основании оценки согласованности элементов психического аппарата и степени последовательности поведения. При этом супервизору важно обладать большим опытом дифференциальной диагностики и психотерапевтической работы по сравнению с психотерапевтом. Уже на этом этапе первичной оценки подготовленности психотерапевта супервизор может отметить дефицит навыков оценки и сформулировать рекомендации их коррекции [7].

При анализе психотерапии с клиентами невротического уровня для оценки способности к установлению терапевтического контакта супервизору следует обратить внимание на способность психотерапевта выявлять отдельные нарушения уровня функционирования личности, например, на основании критериев О. Кернберга: состояние идентичности (выраженность «здорового взрослого», «хорошего родителя», «внутреннего ребенка»), характеристики переноса, наличие способности к тестированию реальности, ведущие защитные механизмы– и вклад каждого из компонентов, с учетом их сохранности или нарушенности, в формирование индивидуальной картины невроза [4]. Следовательно, психотерапевт должен не только обладать теоретическими познаниями относительно данных элементов, но и должен быть в достаточно хорошей степени осведомлен о вариативности их проявления и сочетания. Это возможно оценить по наполненности и детализации пересказа клиентского случая во время супервизии. При нехватке существенной информации по какому-либо критерию необходимо обратить внимание психотерапевта на то, что без этой информации картина кейса будет неполной, без чего качественный контакт установить невозможно. Однако, ввиду сложности понимания психологической феноменологии, такого рода информация может собираться в течение нескольких консультаций, поэтому в рамках супервизии важно принимать во внимание временной фактор, а также суть и характеристики запроса клиента.

В случае более сложных запросов на настоящем этапе развития психотерапии целесообразно применять критерии диагностики уровня функционирования личности: выявление нарушенных эмоциональных потребностей, выявление особенностей их компенсации. Супервизору важно оценить способности психотерапевта к проведению подобного анализа и перепроверить его гипотезы. Для уточнения понимания структуры нарушений также важно оценить предпосылки к усилению невротизации: наличие и выраженность проблемы сепарации-индивидуации, а также степень фиксации на симбиотической фазе взаимоотношений со значимым

взрослым в детстве. На данном этапе психотерапевт уже может сформулировать первичные гипотезы относительно сути внутренних конфликтов клиента, что является нормой, но также может возникнуть чрезмерная приверженность какой-либо гипотезе из-за лучшего понимания психотерапевтом подобной природы конфликтов. Поэтому супервизору важно оценить не только соответствие психотерапевтических гипотез общей схеме психологического функционирования клиента, но и возможное влияние индивидуальности терапевта на восприятие кейса. Это возможно сделать, поскольку в контакте психотерапевта с супервизором проявляются основные параметры переноса и контрпереноса, привычные ролевые позиции и связанные с ними особенности восприятия себя в ситуации глубокого межличностного контакта. Именно на этом этапе проявляются и отслеживаются собственные внутренние конфликты психотерапевта и степень их влияния на восприятие кейса клиента. Опытный супервизор соотносит образ проблемы клиента, смоделированный в сознании психотерапевта, и может обратить внимание психотерапевта на возможные «слепые пятна» или искажения, а также вместе с ним оценить возможности коррекции этих паттернов [2].

Это особенно важно при психотерапии клиентов невротического уровня, чувствительных к нарушению их психологических границ и не обладающих достаточными ресурсами для совладания с ситуацией при осознании ограниченности собственной адаптации. Работа в рамках исключительно психодинамического подхода в таком случае может либо не дать таким клиентам достаточной опоры для формирования адаптивного навыка совладания, либо чрезмерно директивная, авторитарная позиция психотерапевта может вызвать сопротивление. Фрагментарная коррекция в рамках когнитивно-поведенческого подхода может не учитывать полноты опыта переживания и не даст полноценного терапевтического эффекта [10].

Помимо уже описанных аспектов организации и поддержания терапевтического контакта, супервизору следует оценить способность психотерапевта к сущностному пониманию и анализу переживаний клиента. Переживание является базовым элементом проживания опыта, в нем динамически комбинируются в психологически значимую форму данные о внешней и внутренней реальности клиента. Следовательно, понимание этих процессов является ключевым для психотерапии, суть которой состоит в умении распознать собственный опыт и особенности причинно-следственных связей, лежащих в основе формирования переживаний. В том, какие переживания способен отследить в себе клиент, в особенностях их понимания и анализа проявляются особенности его психологического функционирования. Нарушение способности понимать

собственные переживания является препятствием к психотерапии. Следовательно, супервизору следует обратить внимание психотерапевта как на его собственную способность распознавать суть и связность переживаний клиента, так и на предполагаемые пути коррекции для клиента в направлении усиления его способности к рефлексии или ментализации. В случае, если у клиента отсутствуют подобные навыки ментализации, самонаблюдения и самопонимания, необходимо одной из первых включить задачу по их формированию в общий курс терапии [9].

При этом необходимо учитывать общепсихическую ориентацию клиента и его примерную личностную типологию, поскольку у клиентов со значимым сдвигом в сторону аффективного или рационального содержания переживаний можно ожидать недостаточности способности к рефлексии. В некоторых случаях, особенно для клиентов невротического уровня, это является серьезным препятствием именно для понимания собственных переживаний, поскольку при сильных аффектах и последующей компенсаторной рационализации, именно ментализация (символизация) и рефлексия, как преобразование сигналов одной модальности (аффективной) в противоположную (когнитивную) выполняет промежуточную функцию оценки значимости аффекта в параметрах ценностной системы клиента. Благодаря ментализации и рефлексии – преобразованию аффективно-чувственного отражения ситуации в образно-символьный, а затем в символно-ценностный, переживание приобретает связность и последовательность, а также у психотерапевта появляется дополнительный фактор влияния на психологическую динамику клиента [8].

Но у клиентов, например, с астено-невротическими и тревожными типами личности, а также при некоторых формах шизоидности, ментализация и рефлексия менее выражены по сравнению с более архаичными формами первичного, аффективного реагирования, особенно при наличии довербальных психологических травм. Из-за такой несбалансированности внутреннего рисунка соб-

ственных переживаний клиентам сложно воспринимать их связно, что порождает сложности самопонимания, самоанализа и работы над собственным психологическим содержанием. Следовательно, супервизору крайне важно обратить внимание психотерапевта на необходимость оценки способности клиента к ментализации и рефлексии, как одного из ключевых компонентов, обеспечивающих связность переживаний, и при необходимости – поставить задачу развития этой способности.

Содержательные особенности психотерапии невротических клиентов предполагают детальную оценку внутреннего конфликта между аутентичными установками и ценностями разной степени сформированности у клиента, и внушенными извне (конфликт «хочу-должен/хочу-боюсь»). При этом дезадаптация ограничена сферой конкретных трудностей, что обуславливает ригидность и ограниченное число совладающих стратегий в проблемной области. В процессе психотерапии важно установить жизненные сферы, в наибольшей степени затронутые данным конфликтом, с учетом ведущей фрустрированной потребности, а также сопряженные с ней, поскольку именно сопряженные потребности будут нести компенсаторную нагрузку, то есть фокусов проблемы будет два и более – связанный непосредственно с невротическим личностным дефицитом, и возникающий компенсаторно в более стабильных структурах личности, где можно ожидать формирования психологического аналога аллостаза и возникновения психовегетативных и психосоматических симптомов. В процессе супервизии, в альянсе с психотерапевтом, важно установить природу симптоматики, о которой сообщает клиент – какая связана с невротическим конфликтом, а какие проявления относятся к невротонормальным областям психологического реагирования [3,5].

Выполненный нами анализ некоторых особенностей психотерапии и супервизии невротических состояний, связанных с комплексной природой невротической дезадаптации позволяет лучше понять структуру причинно-следственных связей в психологическом состоянии клиентов и возможности влияния на них в ходе психотерапии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булюбаш И.Д. Основы супервизии в гештальт-терапии. М.: Издательство Института психотерапии, 2003. 223 с.
2. Винер Дж., Майзен Р., Дакхэм Дж. Супервизия супервизора: практика в поиске теории. М.: Когито-центр, 2006. 352 с.
3. Джейкобе Д., Дэвид П., Мейер Д. Дж. Супервизорство. Техника и методы корректирующих консультаций. СПб., 1997. 235 с.
4. Кернберг О. Пограничная организации личности // в т. 1 Антология современного психоанализа, под ред. Россохина А.В. М., 2000. 488 с.
5. Краг О.Т. Основы супервизии в экзистенциально-гуманистической терапии. М., 2018. 222 с.
6. Кулаков С.А. Практикум по супервизии в консультировании и психотерапии. СПб., 2002. 235 с.
7. Лидерс А.Г. Научно-методические основы супервизии в практической психологии. Баку, 2019. 199 с.
8. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. СПб., 2015. 317 с.
9. Петков В.А. Супервизия в профессиональном образовании специалистов социальной работы // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 8. С. 56-58.

10. Попова Ю.И., Петьков В.А., Обухов М.В. Динамика показателей дезадаптации обучающихся на курсах повышения психологической грамотности // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5 (73). С. 71-76.
-

© Попова Юлия Ивановна (jeis@mail.ru), Петьков Валерий Анатольевич (Valerype@mail.ru),
Демченко Наталья Юрьевна (natalidem71@yandex.ru), Булах Ксения Владимировна (kseniyabulah@yandex.ru),
Кудина Яна Владимировна (kseniyabulah@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ФОРМЫ, ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕРИСТИКИ

AGGRESSIVE BEHAVIOR OF AN INDIVIDUAL IN VIRTUAL SPACE: FORMS, REASONS, CHARACTERISTICS

N. Ushanova

Summary: The article analyzes scientific research devoted to the psychological characteristics of aggressive behavior of an individual in virtual space. The causes of aggressive behavior and characteristics of aggression in virtual space are highlighted. Cyber aggression and its forms in the form of trolling, cyber mobbing and astroturfing are considered.

Keywords: virtual space, digitalization, aggression, aggressiveness, cyber aggression, trolling, cyber mobbing, astroturfing.

Ушанова Наталья Викторовна

Аспирант, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
ushanova-2024@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются научные исследования, посвящённые психологическим особенностям агрессивного поведения личности в виртуальном пространстве. Выделяются причины агрессивного поведения и характеристики проявления агрессии в виртуальном пространстве. Рассматриваются кибер-агрессия и её формы в виде троллинга, кибермоббинга и астротурфинга.

Ключевые слова: виртуальное пространство, диджитализация, агрессия, агрессивность, кибер-агрессия, троллинг, кибермоббинг, астротурфинг.

Постановка проблемы

Стремительное развитие современного мира, диджитализация и распространение информационных технологий, казалось бы, должно идти на пользу обществу, способствовать его культурному и нравственному развитию, вследствие доступности образования и самообразования, возможности обогащать свою жизнь посредством культуры и искусства. Подрастающее поколение в данный момент не только не стремится к развитию, но подвергается системной деградации, что характеризуется увеличением количества подростков с агрессивным поведением. В связи с тем, что большая часть общения перешла в сети «Интернет», агрессивное поведение стало проявляться в виртуальном пространстве. С огромной скоростью развивается троллинг, буллинг и другие виды агрессивного поведения на просторах интернета, что порядком портит жизнь пользователей интернет-пространства.

Цель статьи: является теоретический анализ психологических исследований, посвященных проблеме агрессивного поведения в виртуальном пространстве, определение причин его возникновения.

Основные результаты

Доктор философии Дж. Шиббаро ввела в использование в 2007 году такое понятие как кибер-агрессия. Кибер-агрессия является формой отклоняющегося поведения в социальных сетях. У данного социально-психологического феномена имеется большое количество форм, главными из которых являются троллинг, кибермоббинг и астротурфинг [1].

Понятие троллинг возникло из сленга участников социальных сетей и не обладает прямым отношением к сфере научных обсуждений. Троллинг предполагает размещение в различных социальных сетях или Интернет-сообществах и форумах провокационных и провоцирующих других участников, сообщений. Это нагнетает конфликтную обстановку благодаря нарушению правил этики взаимодействия в Интернете. Такое девиантное поведение может осуществляться с целью флейма либо бесцельной конфронтации [5].

Первая исследовательница троллинга в социальных сетях Д. Донат писала, что троллинг – это «игра в подделку личности, но без согласия большинства игроков, не создающих участия в этой игре». Люди, которые пользуются троллингом успешнее остальных, могут с легкостью обеспечить напряженность во множестве сообществ, столкнуть их между собой, при этом использовать проекции публичности в средствах массовой информации, чтобы привлечь внимание широкой публики.

Троллинг всегда связан с анонимностью и является совершенно невозможным в тех условиях, когда при общении в киберпространстве она отсутствует. Данная форма агрессии в социальных сетях имеет характерные особенности. Во-первых, во всех случаях ее проявления присутствует компонент манипуляций, исходящих от агрессора. Во-вторых, цель агрессора состоит в том, чтобы получить ответную, обычно негативную реакцию со стороны своей жертвы. В-третьих, троллинг способен с невероятной скоростью распространяться среди большинства участников виртуальных сообществ при помощи механизмов быстрого высвобождения лавинообразной агрессии. В-четвертых, данная форма агрессии

проявляется только в киберпространстве. Это является положительным моментом для агрессора, поскольку его потенциальная жертва не может вступить с ним в физический или визуальный контакт с агрессором. В-пятых, процесс троллинга сопровождается моральным удовольствием агрессора [7].

В современном мире троллинг, являясь социально-психологическим явлением, оказывает весьма негативное влияние на общение в виртуальных сетях, поскольку пользователи Интернет-сети не застрахованы от нападок троллей. Больше всего этому подвержена молодежь школьного возраста, поскольку их психика еще не окрепла и троллинг может оказать очень сильное негативное воздействие на молодого человека.

Еще одним вариантом может стать перенимание данной агрессии с целью продолжения такого же общения с другими пользователями. Главная цель троллинга состоит в том, чтобы породить ответную реакцию от аудитории, на которую направлена данная агрессивная манипуляция. Пользователи социальных сетей, подвергшиеся троллингу, не могут отомстить своему обидчику ни виртуально, ни физически, поэтому часто возникают случаи, когда троллинг приводит к их психоэмоциональной дестабилизации. Самая главная опасность состоит в том, что жертва агрессора может неосознанно переносить негативные эмоции из киберпространства в общение в реальном мире.

Еще одной формой агрессии в киберпространстве является кибермоббинг. Этот английский термин означает намеренное осуществление оскорблений, угроз, диффамации и сообщения компромата благодаря современным средствам коммуникации. Обычно кибермоббинг осуществляется в течение длительного времени. По сравнению с троллингом, который подразумевает проявление агрессии в форме скрытой провокации либо откровенных оскорблений, кибермоббинг выражается через антисоциальные и насильственные действия. Именно поэтому этот феномен изучается многими зарубежными и отечественными исследователями в сфере агрессии в Интернете, так как последствия для безопасности личности являются наиболее катастрофическими [4].

Когда речь идет о троллинге и любых видах агрессии в киберпространстве в принципе, в главной группе риска оказывается молодежь, особенно старшеклассники. По проведенным исследованиям, в нашей стране травля в Интернет-пространстве коснулась, так или иначе, каждого второго учащегося старших классов. В 2012 году корпорация Microsoft провела исследование, по результатам которого почти 50% молодежи от 8 до 17 лет становились жертвами атак агрессоров в виртуальном пространстве. Согласно данному исследованию, лишь 11% учебных заведений имели попытки борьбы с этим.

Формы кибермоббинга

Исследовательница агрессии в киберпространстве Н. Виллард составила классификацию форм кибермоббинга:

— Первая форма – flaming.

В переводе с английского – оскорбление. Обычно оскорбления происходят на просторах публичного киберпространства при помощи использования комментариев, оскорбляющих других пользователей и вульгарных замечаний.

— Вторая форма – harassment.

В переводе с английского – домогательство. Домогательство выражается целенаправленными, систематическими кибератаками со стороны посторонних людей, пользователей социальных сетей, а также от людей, которые находятся в ближайшем реальном социальном окружении.

— Третья форма – denigration.

В переводе с английского – распространение слухов. Данный вид агрессии проявляется в том, что злоумышленник намеренно выставляет чужие фото- или видеоматериалы на различных сайтах и страницах в Интернете, делает рассылку по электронной почте, либо выкладывает в новостные группы с целью очернить свою жертву в глазах окружающих.

— Четвертая форма – impersonation.

В переводе с английского – использование фиктивного имени. Заключается в намеренных действиях выдать себя за иного человека при помощи пароля жертвы. Среди учащихся старших классов это может проявляться во взломе страницы своего неприятеля, с целью оскорбить учителя от его лица.

— Пятая форма – outing and trickery.

В переводе с английского – публичное разглашение личной информации. Эта форма предполагает, что злоумышленник публично распространяет личную информацию, например, личные фотографии, род деятельности. Происходит это с целью оскорбления или шантажа.

— Шестая форма – exclusion.

В переводе с английского – социальная изоляция, предполагает полное отказ от общения, исключение из всех Интернет-сообществ.

— Седьмая форма – cyberstalking.

В переводе с английского – продолжительное домогательство и преследование основывается на систематическом преследовании жертвы, которое сопровождается угрозами и домогательствами.

— Восьмая форма – cyberthreats.

В переводе с английского – открытая угроза физической расправы. Она состоит в прямых или косвенных угрозах убийства жертвы либо причинении телесных повреждений [9].

Серьезность вопроса кибермоббинга и иных форм проявления агрессии в киберпространстве состоит в том, что злоумышленники могут действовать анонимно,

удаленно и не афишируя свою личность, что оберегает их от ответственности. Кибермоббинг грозит ухудшению психического, эмоционального, а в некоторых случаях даже физического здоровья пользователей сети Интернет. В худших случаях результатом кибермоббинга является возникновение депрессивного состояния, а также суицидальные намерения.

Основная масса агрессоров и их жертв приходится на возрастную группу от 11 до 17 лет. В это время у старшеклассников проходит пубертатный период, которому характерны высокая чувствительность к любым оскорблениям, слухам и социальным неудачам. Согласно мнению некоторых психологов, агрессорами чаще всего выступают люди, подвергающиеся ранее жестким атакам в сети Интернет и унижениям в реальности.

Обычно эти люди недооценивают уровень своей антисоциальности и благодаря анонимности не предполагают несение ответственности за совершенные действия.

Последней формой агрессии в киберпространстве считается астротурфинг. Он не так сильно распространен среди молодежи, а используется в иных целях. В данном случае используется специальное программное обеспечение или нанятые и оплачиваемые пользователи для того, чтобы искусственно управлять общественным мнением. Цели астротурфинга могут быть как политические, экономические, идеологические, так и радикальные и общественно опасные. Астротурфинг является распространенным способом проведения информационных войн.

Также нужно заметить, что ключевой причиной агрессии в виртуальном пространстве является анонимность интернет-пользователя. Уровень анонимности в социальных сетях и виртуальных сетевых сообществах, как правило, регламентируется создателем конкретной социальной сети. В большинстве социальных сетей необходимо, чтобы пользователь создал свой аккаунт в форме страницы, которая будет содержать его персональные данные, в особенности биографические. Вместе с тем, обычно пользователю предлагают заполнить информацию и в других графах, представляющих дополнительные сведения в пользователе. Речь идет о месте проживания, месте работы, контактном телефоне, семейном положении, увлечениях, взглядах на те или иные вещи и т.д. [2].

Поскольку для регистрации в социальной сети за-

полнение данных дополнительных граф не является обязательным, информация в них может быть либо недостоверной, либо не заполненной вовсе. Также в киберпространстве существует большое количество социальных сообществ, которые не предполагают регистрацию своих пользователей, а наоборот, принуждают их к тому, чтобы выстраивание виртуальных отношений происходило анонимно. Самым известным таким сообществом в международном сегменте считается форум «4chan». Анонимность на таких сайтах считается нормой, и, если пользователь проявляется желание раскрыть информацию о себе, он сразу же испытывает на себе всеобщее порицание и насмешки. Среди анонимных социальных сетей можно выделить следующее: «Некто» и «Шепот». Независимо от того, что все эти сайты обладают различной степенью анонимности, указывать твои достоверные персональные данные не обязательно при регистрации. В связи с этим возникает огромное число аккаунтов с поддельной личностью или фейков, а также ботов, которые выполняют конкретные действия по заранее известному алгоритму. Как правило, они выполняют рассылку рекламы, вирусов и спама. После того, как человек проходит процедуру регистрации, если она нужна на данном сайте, участник социальной сети получает возможность виртуальных знакомств и общения с иными участниками в онлайн режиме. За счет того, что все действия на таких Интернет-сайтах осуществляются анонимно, участник имеет возможность выражения своих слов и мыслей и желаемой, и удобной ему формы, особенно обходя моральные нормы, которые должны соблюдаться в реальной жизни. Это обуславливается в первую очередь тем, что в настоящем мире человек очень ограничен в своих высказываниях нормами морали, нравственности и культуры. Иначе такое агрессивное и враждебное поведение, которое может допустить индивид в киберпространстве, помешает ему успешно адаптироваться в социуме. Общение в виртуальном мире строится на основе анонимности, поэтому в нем стерты рамки этики взаимодействия, и в таком случае для многих хамство и оскорбления становятся нормой. Следовательно, рассмотрев виртуальность и анонимность девиантного поведения молодежи в социальных сетях, мы пришли к выводу, что это действительно основная причина его проявления в Интернет-пространстве [6; 10].

Таким образом, кибер-агрессия является одной из самых важных для изучения форм девиантного поведения в социальных сетях. Можно заключить, что поведение в киберпространстве и в реальной жизни значительно отличаются друг от друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотова, А.К. Психология развития и возрастная психология [Электронный ресурс]: учебник / А.К. Болотова, О.Н. Молчанова. — Электрон. дан. — Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. — 526 с.

2. Дмитриева Н.Ю. Общая психология [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Дмитриева Н.Ю. — Электрон. текстовые данные. — Саратов: Научная книга, 2019. — 127 с.
3. История зарубежной психологии конца XIX - начала XX века [Электронный ресурс]: / под ред. Е.С. Миньковой. — Электрон. дан. — Москва: ФЛИНТА, 2019. — 133 с.
4. История зарубежной психологии конца XIX - начала XX века [Электронный ресурс]: / под ред. Е.С. Миньковой. — Электрон. дан. — Москва: ФЛИНТА, 2019. — 133 с.
5. История отечественной психологии конца XIX - начала XX века [Электронный ресурс] / под ред. Е.С. Миноковой. — Электрон. дан. — Москва: ФЛИНТА, 2013. — 152 с.
6. Козловская Т.Н. Общая психология (сборник практических заданий) [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Козловская Т.Н., Кириенко А.А., Назаренко Е.В. — Электрон. текстовые данные. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2017. — 344 с.
7. Лучинкина А.И. Анализ содержания инструментальной составляющей интернет-социализации / А.И. Лучинкина // Непрерывное образование. — 2016. — № 4 (18). — С. 15-20.
8. Лучинкина А.И. Информационно-психологическая безопасность личности в интернет-пространстве / А.И. Лучинкина, Т.В. Юдеева, В.Р. Ушакова. — Симферополь: ДИАИПИ, 2015. — 151 с.
9. Лучинкина А.И. Особенности социализации интернет-пользователей / А.И. Лучинкина // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. — 2016. — № 2 (4). — С. 137-140.
10. Лучинкина А.И. Специфика мотивации интернет-пользователей/ А.И. Лучинкина // Перспективы науки и образования. — 2014. — С. 105-109.
11. Общая психология [Электронный ресурс]: хрестоматия/ А.В. Иващенко [и др.]. — Электрон. текстовые данные. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2015. — 102 с.
12. Общая психология. Тексты: В 3 томах. Т.1: Введение. Книга 1 [Электронный ресурс]/ И. Кант [и др.]. — Электрон. текстовые данные. — Москва: Когито-Центр, 2019. — 640 с.
13. Общая психология. Тексты: В 3 томах. Т.1: Введение. Книга 2 [Электронный ресурс]/ К. Мадсен [и др.]. — Электрон. текстовые данные. — Москва: Когито-Центр, 2019. — 728 с.

© Ушанова Наталья Викторовна (ushanova-2024@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОЛОГИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПО УПРАВЛЕНИЮ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В КРИЗИС

AN EMPIRICAL STUDY OF THE TYPOLOGY OF MANAGERS IN MANAGING OPPORTUNITIES IN CRISIS

**Yu. Khamzina
T. Khamzin**

Summary: The article examines different types of leaders in terms of opportunity management during crises. Content analysis revealed 6 superordinate and 34 subordinate categories reflecting leaders' implicit models of crisis and crisis opportunity management. The empirical study confirmed the hypothesis of at least three distinct leader types in crisis opportunity management.

The manager-leader emerges as an anxious organizer focused on operational tasks (planning, team development), lacking confidence in success while uncovering team and personal growth opportunities during crises. The innovator-leader demonstrates emotional stability and advanced communication skills, driven by belief in actionable solutions to realize business opportunities. The visionary-leader appears as a risk-taking strategist who sets development directions while remaining minimally involved in operational management.

These three leader types create synergistic effects that transform crises from threats into development resources: visionaries set the direction, innovators lead change by realizing business opportunities, and managers organize work to enable personal and team growth opportunities.

Keywords: implicit crisis models; implicit models of opportunity management in crisis; leader types; opportunity management in crisis; opportunity management scenarios.

Хамзина Юлия Сергеевна

Аспирант, Тюменский государственный университет

y_pe@mail.ru

Хамзин Тимур Хамзович

Старший разработчик, ООО Саниенс Солюшнс

timur.hamzin@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию типов руководителей по управлению возможностями в кризис. По итогам контент-анализа выделено 6 суперординантных и 34 субординантных категории, которые отражают имплицитные модели кризиса и управления возможностями в кризис в представлениях руководителей. В эмпирическом исследовании подтвердилась гипотеза о существовании, как минимум, трех типов руководителей по управлению возможностями в кризис. Руководитель-менеджер - тревожный организатор, ориентированный на операционные задачи (планирование, развитие команды), он испытывает дефицит веры в успех, в кризис открывает командные и личные возможности. Руководитель-новатор - эмоционально устойчивый лидер с развитыми коммуникативными навыками, движим верой в силу действий и в кризис реализует бизнес-возможности. Руководитель-визионер - азартный стратег, определяющий направления развития, минимально вовлечен в операционное управление. Все три типа руководителя создают синергию, превращая кризис из угрозы в ресурс развития: визионеры - задают направление, новаторы - лидируют изменения, реализуя бизнес-возможности, а менеджеры - организуют работу, обеспечивая личные и командные возможности.

Ключевые слова: имплицитные модели кризиса; имплицитные модели управления возможностями в кризис; типы руководителей; управление возможностями в кризис; сценарии управления возможностями.

Введение

Внешние кризисы часто сопровождаются ограничением ресурсов, поэтому стимулируют руководителей искать новые пути развития, новые возможности. Одни руководители успешно адаптируются в кризис, расширяют бизнес и достигают новых высот, в то время как другие сталкиваются с неудачами. Качества и стили управления, которые делают руководителя успешным, исследуются уже более столетия. Однако, несмотря на длительную историю изучения, исследователям не удалось выявить универсальных качеств. Личностные и профессиональные качества, безусловно, являются важной частью потенциала руководителя, но они не гарантируют эффективность, особенно в условиях постоянно меняющейся среды.

Помимо личностных и профессиональных качеств, компетенций и стилей лидерства, внимание исследо-

вателей привлекают и имплицитные модели личности. Эти модели представляют собой структурированные знания, которые влияют на поведение и принятие решений, хотя сам человек может не осознавать их структуру и воздействие. Понимание и анализ имплицитных моделей открывают значительные перспективы для развития личности руководителя и его подготовки к эффективно-му управлению в кризис. Однако, как показывает анализ доступной литературы, имплицитные модели управления возможностями в кризис, до сих пор не были предметом глубокого изучения. Это делает исследования в данной области особенно актуальными и научно значимыми, поскольку они могут предложить новые подходы к антикризисному управлению.

Ранее, опираясь на работы Леонтьева Д.А., Эпштейна М.Н., Мадди С.Р., Брудного А.А., Доценко Е.Л. [1, 2, 3, 4, 5] мы выделили, как минимум, три сценария управления возможностями по имплицитным моделям руководи-

лей о кризисе и управлении возможностями в кризис.

В первом сценарии “Неизбежном” представления о доступных возможностях формируются на основе прошлого опыта, что ограничивает **руководителя с типом “Менеджер”** и делает многие потенциальные перспективы недоступными. Руководители ориентируются на текущее состояние, выбирая неизменность (по Мадди С. [3]), то есть опираются на прошлый опыт и сохраняют статус-кво, или остаются в рамках необходимого (по Леонтьеву Д.А. [1]). Их мышление можно охарактеризовать через принцип «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Как отмечается, «путь наименьшего сопротивления одновременно является и путем наименьшей реализации человеческих возможностей» [1, с. 12].

Во втором сценарии “Возможное” руководитель с типом “Новатор” ориентируется не только на прошлый опыт, но и на вероятности, включая даже маловероятные перспективы. Такие руководители стремятся к обучению, развитию и активно ищут новые возможности. Они проявляют инициативу и придерживаются принципа «не боги горшки обжигают». Эти руководители выбирают путь неизвестности (по Мадди С.) или стремятся к возможному, что соответствует истинно человеческому уровню (по Леонтьеву Д.А.). Розин М.В. называет таких руководителей «оппортунистами» [6] (от слова opportunity — возможность), поскольку они раскрывают потенциал не только для себя, но и для своих команд.

В третьем сценарии “Невозможное” руководитель с типом “Визионер” действует за пределами возможного, его выбор ничем не ограничен. Он руководствуется свободным творчеством и автономией (по Леонтьеву Д.А. [1]), следуя принципу «почему бы и нет». Вместо повторения прошлого опыта или движения в рамках вероятного, он создает новое, начиная с нуля. Это высшая форма самореализации - воплощение себя в чем-то уникальном, что другие считали невозможным. Таких руководителей Розин М.В. называет «визионерами» [6]. Их часто считают «сумасшедшими» или «горячими», но именно они обладают потенциалом преадаптивности [7], способны мыслить без ограничений и действовать там, где другие не видят шансов. Они руководствуются принципами «кто, если не я?» и «невозможное возможно», расширяя границы возможного. Как отмечается, «возможно только то, что мы воспринимаем как возможное» [8, с. 115]. Такие руководители меняют не только свою жизнь и жизнь своих команд, но и жизни людей, которые даже не знают об их существовании.

Цель данной статьи: проверить наличие предложенной типологии руководителей по имплицитным моделям управления возможностями в кризис и описать их структуру и особенности.

Организация исследования

Цель исследования: обосновать/опровергнуть выделенные типы руководителей по содержанию имплицитных моделей кризиса и управлению возможностями в кризис. Цель исследования конкретизирована в следующих задачах:

1. Реконструировать имплицитные модели кризиса и управления возможностями в кризисных ситуациях у руководителей
2. Выделить категориальную структуру имплицитных моделей кризиса и управления возможностями в кризис в представлениях руководителей
3. Выделить сходства и отличия имплицитных моделей по управлению возможностями в кризисных ситуациях разных типов руководителей.

Гипотеза исследования: Типы руководителей по управлению возможностями в кризис «менеджер», «новатор» и «визионер» представляют собой эмпирически различимые типы, характеризующиеся статистически достоверными различиями в имплицитных представлениях руководителей о кризисе и управлении возможностями в кризис.

Техника исследования: Для реконструкции имплицитных моделей кризиса и управления возможностями в кризис (предмет исследования) проводилось структурированное интервью. Использовался методологический прием фокусировки на предмете исследования. Участникам исследования трижды задавались схожие по содержанию вопросы, но адресованные к разным планам реальности: к я-образу руководителя (наличное состояние), к образу руководителя-новатора, образцовый руководитель, проявивший высокую (образцовую) эффективность в преодолении кризиса (зона ближайшего развития) и к образу вымышленного руководителя-визионера, для которого не существует невозможного, он способен решать нерешаемые кризисные задачи (зона прорыва / форсайта). Более подробно методологический прием, структура опроса и процедурные особенности описаны в статье [9].

Сбор данных: Данные собраны в период с 09.10.2023 по 12.11.2024 года в период отраслевого кризиса, который начался на рынке недвижимости из-за резкого повышения ставки рефинансирования с 8,5% до 16% за короткий период с 15.08.2023 по 18.12.2023 года, что отрицательно отразилось на покупательской способности россиян из-за недоступности кредитов https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/ и повлекло заметное падение рынка недвижимости в России.

Выборка: Выборка представлена ответами 100 руководителей: женщины – 73 человека (73% выборки), мужчины – 27 человек (27% выборки).

Все руководители - представители крупной федеральной компании лидера рынка недвижимости из следующих стран: России, Казахстана и из 40 городов - Абакан, Актобе, Алматы, Альметьевск, Анапа, Архангельск, Барнаул, Белогорск, Брянск, Владивосток, Воронеж, Екатеринбург, Йошкар-Ола, Казань, Калининград, Калуга, Краснодар, Красноярск, Курган, Москва, Муром, Нижний Тагил, Новодвинск, Новосибирск, Омск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов, Sterлитамак, Сургут, Тамбов, Тобольск, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Ханты-Мансийск, Челябинск, Чита, Якутск.

Средний возраст руководителей составил 40,8 лет. Средний возраст мужчин - 39,6 лет, женщин - 41,3 лет. Большая доля руководителей (58%) находится в возрастной группе 36-45 лет. Распределение руководителей по возрастным группам: 26-30 лет - 6 чел. (6%), 31-35 лет - 13 чел. (13%), 36-40 лет - 30 чел. (30%), 41-45 лет - 28 чел. (28%), 46-50 лет - 15 чел. (15%), 51-55 лет - 5 чел. (5%), 56-60 лет - 1 чел. (1%), нет данных - 1 чел. (1%).

В исследовании принимали участие руководители разного звена управления: низший уровень менеджмента - 31 чел. (31%), проектный уровень менеджмента - 9 чел. (9%), средний уровень менеджмента - 38 чел. (38%), ТОП-менеджмент - 22 чел. (22%).

Большую долю в исследовании составили руководители с управленческим стажем на последнем месте до 5 лет - 80%, свыше 5 лет - 19%, нет данных - 1%.

Обработка данных:

1. Выделены 6 суперординатных категории и 34 субординатные категории, из которых: теоретически заданы 3 суперординатные категории "Эмоции", "Верования", "Возможности", выделено из ответов участников исследования 34 категории.
2. Описаны признаки каждой категории, чтобы минимизировать субъективность при кодировании полученных ответов.
3. Перед обработкой всех ответов проведено пилотное кодирование небольшой части данных (30% ответов).
4. С помощью трех искусственных интеллектов ChatGPT-1-preview, Gemini и Microsoft 365 Copilot выполнено кодирование данных, сверка данных между собой и сплошная проверка всех результатов кодирования результатов, выполненных в нейросети ChatGPT-1-preview. Составлена матрица кодирования/
5. Для статистической обработки данных и проверки гипотезы исследования проводилось сравнение частоты встречаемости категорий для разных типов руководителей (менеджер, новатор, визионер) использовался χ^2 Пирсона. Расчеты производились в программе Microsoft Excel. Далее

определялся уровень значимости χ^2 Пирсона по таблице критических значений [10, с. 359]

Результаты

1. Получено 1 600 уникальных ответов – ответы 100 респондентов на 16 вопросов.

2. Категории организованы в структуру (таблица 1).

Таблица 1.

Структура категорий.

Суперординатный уровень	Субординатный уровень
Эмоции, чувства и состояния	Тревога, Страх, Радость и гордость, Злость, Интерес, Спокойствие, Вдохновение, Азарт, Грусть и разочарование, Другие эмоции, чувства и состояния
Верования	Вера в возможности, Вера в силу действий, Вера в позитивное будущее, Вера в команду, команду, людей, Вера в результат, успех, Вера в себя.
Качества и компетенции	Стратегическое мышление, Эмоциональные качества, Лидерство, Личностные характеристики, Коммуникативные компетенции, Уверенность (как качество)
Управленческие функции	Организация работы, Решения, Обучение и развитие, Анализ и планирование, Цель, Мотивация
Возможности	Командные возможности, Бизнес-возможности, Личностные возможности
Трудности	Командные трудности, Личностные трудности, Операционные и ресурсные трудности

3. Рассчитана частота встречаемости категорий для разных типов руководителей (таблица 2)

4. Осуществлена проверка гипотезы о существовании разных типов руководителей ("менеджер", "новатор", "визионер") по предпочитаемым сценариям управления возможностями и выявлены статистически достоверные различия ($p < 0.001$) в частоте встречаемости категорий для разных типов руководителей. Критерий хи-квадрат:

	Значение	ст.св.	p-уровень значимости
Хи-квадрат Пирсона	967,3822	66	$p < 0.001$

5. Результаты суперординатной категории "Эмоции, чувства и состояния" (таблица 3)

Результаты показывают, что руководители отмечают, что в кризис испытывают самые разные эмоции, чувства и состояния, но чаще отмечались тревога, страх, радость и гордость и реже - грусть и разочарование, азарт и вдохновение

У руководителей-менеджеров самой частой по встречаемости оказалось состояние тревоги и эмо-

Таблица 2.

Частотный анализ суперординатных категорий по типам руководителей.

Суперординатные категории	Субординатные категории	менеджер	новатор	визионер	Итого	Доля, %
Эмоции, чувства и состояния	Все категории	319	30	117	466	16,62%
Верования	Все категории	184	182	215	581	20,72%
Качества и компетенции	Все категории	185	324	249	758	27,03%
Управленческие функции	Все категории	311	218	119	648	23,11%
Возможности	Все категории	135	32	21	188	6,70%
Трудности	Все категории	68	2	93	163	5,81%
	Итого	1202	788	814	2804	100,00%

Таблица 3.

Суперординатная категория "Эмоции, чувства и состояния".

Субординатные категории	менеджер	новатор	визионер	Итого	Доля, %
Категория "Тревога"	67	0	5	72	2,57%
Категория "Другие эмоции, чувства и состояния"	47	3	12	62	2,21%
Категория "Страх"	41	2	9	52	1,85%
Категория "Радость и гордость"	40	1	9	50	1,78%
Категория "Злость"	45	0	0	45	1,60%
Категория "Интерес"	20	1	24	45	1,60%
Категория "Спокойствие"	8	14	16	38	1,36%
Категория "Вдохновение"	12	9	14	35	1,25%
Категория "Азарт"	9	0	26	35	1,25%
Категория "Грусть и разочарование"	30	0	2	32	1,14%
Все категории	319	30	117	466	16,62%

Таблица 4.

Суперординатная категория "Верования".

Субординатные категории	менеджер	новатор	визионер	Итого	Доля, %
Категория "Вера в возможности"	74	42	81	197	7,03%
Категория "Вера в силу действий"	42	48	18	108	3,85%
Категория "Вера в позитивное будущее"	30	35	35	100	3,57%
Категория "Вера в команду, людей"	20	34	26	80	2,85%
Категория "Вера в результат, успех"	6	17	35	58	2,07%
Категория "Вера в себя"	12	6	20	38	1,36%
Все категории	184	182	215	581	20,72%

ция страха, а самыми редкими - спокойствие и азарт. В то время, как у руководителей-новаторов отличается спокойствие. Для руководителей, которые были определены в исследовании, как визионеры, участники исследования среди наиболее частых эмоциональных состояний для них выделили: азарт и интерес, а самыми редкими по проявлению - злость (0 упоминаний), грусть и разочарование.

6. Результаты суперординатной категории "Верования" (таблица 4).

Среди самых частых ответов преобладают "Вера в возможности" (в 2 раза чаще, чем другие верования), "Вера в силу действий" и "Вера в позитивное будущее". Руководители-менеджеры чаще всего упоминают веру в возможности и реже упоминают веру в результат, успех и веру в себя. У руководителей-менеджеров вера в результат, успех упоминается реже, чем у других типов руководителей. Описывая руководителя-новатора, участники исследования говорили о нем, что такой руководитель верит в силу действий, верит в возможности. Вера в силу действий чаще встречается именно у такого типа руководителя. Ру-

ководители-визионеры заметно выделяются верой в возможности. Другие категории верований достаточно часто представлены в ответах о руководителе-визионере.

7. Результаты суперординатной категории "Качества и компетенции" (таблица 5).

Среди качеств, которые руководители-менеджеры чаще всего отмечали у себя в кризис эмоциональные качества, реже - уверенность. У руководителей-новаторов выделяли эмоциональные качества, лидерство и коммуникативные компетенции, реже - уверенность. У руководителей-визионеров лидирует стратегическое мышление, достаточно редко упоминались коммуникативные компетенции.

8. Результаты по суперординатной категории "Управленческие функции" (таблица 6)

Участники исследования больше вспомнили свои

управленческие функции, чем смогли отметить управленческие функции, которые выполняли руководители-новаторы или руководители-визионеры. Самые частые функции, которые руководители-менеджеры выполняли в кризис - "Организация работы", "Обучение и развитие", "Анализ и планирование". Реже всего упоминались управленческие функции "Мотивация" и "Цель" (работа с целями). Функция "Организация работы", "Обучение и развитие" также лидирует и в ответах про руководителей-новаторов. У руководителей-визионеров же в отличие от других типов руководителей чаще отмечалась функция "Решения", "Цель" и реже "Организация работы".

9. Результаты по суперординатной категории "Возможности" (таблица 7)

В ответах руководителей-менеджеров чаще упоминались командные возможности и личные возможности, которые были открыты в кризис. Для руководителя-новатора чаще упоминались бизнес-возможности.

Таблица 5.

Суперординатная категория "Качества и компетенции".

Субординатные категории	менеджер	новатор	визионер	Итого	Доля, %
Категория "Стратегическое мышление"	39	40	99	178	6,35%
Категория "Эмоциональные качества"	42	74	27	143	5,10%
Категория "Лидерство"	26	74	32	132	4,71%
Категория "Личностные характеристики"	25	46	53	124	4,42%
Категория "Коммуникативные компетенции"	37	72	7	116	4,14%
Категория "Уверенность" (качество)	16	18	31	65	2,32%
Все категории	185	324	249	758	27,03%

Таблица 6.

Суперординатная категория "Управленческие функции".

Субординатные категории	менеджер	новатор	визионер	Итого	Доля, %
Категория "Организация работы"	83	57	4	144	5,14%
Категория "Решения"	46	39	43	128	4,56%
Категория "Обучение и развитие"	71	40	11	122	4,35%
Категория "Анализ и планирование"	67	29	19	115	4,10%
Категория "Цель"	23	25	36	84	3,00%
Категория "Мотивация"	21	28	6	55	1,96%
Все категории	311	218	119	648	23,11%

Таблица 7.

Суперординатная категория "Возможности".

Субординатные категории	менеджер	новатор	визионер	Итого	Доля, %
Категория "Личностные возможности"	35	6	11	52	1,85%
Категория "Командные возможности"	59	8	5	72	2,57%
Категория "Бизнес-возможности"	41	18	5	64	2,28%
Все категории	135	32	21	188	6,70%

Таблица 8.

Суперординатная категория "Трудности".

Субординатные категории	менеджер	новатор	визионер	Итого	Доля, %
Категория "Командные трудности"	32	0	41	73	2,60%
Категория "Личностные трудности"	21	2	22	45	1,60%
Категория "Операционные и ресурсные трудности"	15	0	30	45	1,60%
Все категории	68	2	93	163	5,81%

10. Результаты по суперординатной категории "Трудности" (таблица 8)

В ответах респондентов выделены следующие категории по частоте их упоминаний: командные трудности, личностные, операционные и ресурсные трудности. Командные трудности отмечены, как доминирующие для руководителей-менеджеров и руководителей-визионеров. Ответы по руководителям-новаторам не были классифицированы в данных категориях. Возможно, это связано с особенностью тестирования, так как в интервью участникам исследования задавался позитивный контекст о новаторах.

Обсуждение

Гипотеза о существовании разных типов руководителей по управлению возможностями подтвердилась. Выделено, как минимум, три типа руководителей по управлению возможностями: руководитель-менеджер, руководитель-новатор, руководитель-визионер.

Имплицитные представления руководителей о кризисе и управлении возможностями в кризис отражают качества и компетенции, управленческие функции, верования руководителей, эмоции, чувства и состояния, восприятие трудностей и возможностей в кризисных ситуациях. Ключевыми драйверами по управлению возможностями для всех типов руководителей становятся: вера в возможности, стратегическое мышление, организация работы и эмоциональные качества.

Качества и компетенции составили 27,03% всех ответов руководителей. Успешное управление в кризис требует сочетания стратегического мышления, эмоциональных качеств и лидерства. Именно стратегическое мышление (99 упоминаний) позволяет руководителям-визионерам видеть долгосрочные перспективы. А проявляемое лидерство, эмоциональные качества и коммуникативные компетенции позволяют руководителям-новаторам быть образцом для других и лидировать изменениями.

Управленческие функции, которые необходимо осуществлять в кризис, являются частью имплицитной модели кризиса и управления возможностями в кризис.

Управленческие функции составили 23,11% всех ответов руководителей. В кризис руководители (особенно менеджеры и новаторы) фокусируются на операционных функциях, таких как организация работы, анализ и планирование, обучение команды. Это отражает их роль в поддержании стабильности в условиях кризиса. Визионеры выделяются своей способностью принимать стратегические решения, что делает их ключевыми фигурами для инноваций и долгосрочных изменений и упускают операционное управление. Практически все руководители редко выделяли мотивацию, что может свидетельствовать с одной стороны, что в кризис роль мотивации себя и персонала снижается, потому что сам кризис подталкивает к действиям. Но с другой стороны, может говорить о недостатке данной компетенции у руководителей.

Верования составили 20,72% всех ответов руководителей. В кризисное время опорой для руководителя являются его верования. Кризис воспринимается как источник новых возможностей - вера в возможности упоминается 197 раз. Сочетание веры в возможности, веры в позитивное будущее, веры в результат и веры в силу действий дают руководителю опору для реализации возможностей.

Эмоции, чувства и состояния составили 16,62% всех ответов руководителей. Кризис и управление возможностями в кризис в представлениях руководителей отпечатались как эмоционально насыщенный период. Кризис вызывает смешанные эмоции – от страха и тревоги до интереса и вдохновения. Частые отрицательные эмоции, отмеченные руководителями – тревога, страх и злость, указывают на высокий уровень стресса и неопределенности, характерный для кризисных ситуаций. Однако кризис воспринимается не только как угроза, но и как возможность для роста и развития. На это указывают позитивные эмоции, которые отмечали руководители – радость и гордость, интерес, спокойствие, вдохновение, азарт. Уровень спокойствия выше у новаторов и визионеров, что может указывать на их способность сохранять хладнокровие в сложных ситуациях. Визионеры чаще испытывали азарт и интерес, что подчеркивает их склонность к риску и поиску новых решений. Эмоциональные паттерны отражают специфику задач руководителей. Тревога менеджеров связана с операционным

контролем, тогда как азарт и интерес визионеров поддерживает их стратегическую роль.

Кризис воспринимается, как время для реализации **новых возможностей** – в 6,7% ответах руководителей. Руководители чаще всего отмечали **командные возможности**, открытые в кризис. Под командными возможностями в ответах руководители упоминали: сплочение команды после кризиса, укрепление корпоративной культуры и отношений, развитие команды, рост команды (компетенции, кадровые перестановки). Чаще всего о командных возможностях упоминали руководители-менеджеры, что соответствует особенностями выполняемого функционала. Для руководителей-менеджеров кризис стал также временем для реализации **личностных возможностей**. Под личностными возможностями руководители отмечали рост собственной экспертизы, изменения в карьере, личностный рост. Но если для руководителей-менеджеров кризис – это время для реализации личностных и командных возможностей, руководители-новаторы используют это время для реализации **бизнес-возможностей**. Под бизнес-возможностями понимается открытие и развитие новых направлений или нового бизнеса, улучшение основных бизнес-процессов.

Эти данные свидетельствуют о важной закономерности: тип руководителя определяет его фокус внимания и приоритеты в кризисных условиях. *Руководители-менеджеры преимущественно концентрируются на внутренних возможностях (командных и личностных), что соответствует их операционной роли и ориентации на стабилизацию существующих процессов. В то время как руководители-новаторы используют кризис как катализатор для трансформации бизнеса и поиска новых рыночных возможностей.* Низкие показатели по категории "Возможности" у визионеров отражают не их значимость, а скорее ограничения метода (описание «идеального типа») и естественную редкость подобных кейсов в реальной бизнес-практике. Для более точных данных нужны исследования реальных руководителей-визионеров, а не гипотетических образов.

Категория "Трудности" составила 5,81% ответов респондентов. Полагаем, что визионеры чаще фиксируют трудности, так как работают с более амбициозными, «прорывными» задачами, чаще сталкиваются с сопротивлением изменениям и имеют более высокую планку ожиданий.

Обобщив все представленные данные, опишем каждый тип.

Руководитель-менеджер – это тревожный организатор, который верит в возможности и открывает личностные и командные возможности благодаря управленческим функциям – организация работы, обучению и

развитию, анализ и планирование. Ему не достает веры в результат и успех и веры в себя. Действия больше направлены на снятие тревоги, чем на достижение осмысленной цели.

Новаторы – это лидеры с развитым эмоциональными качествами и коммуникативными компетенциями, они проявляются в спокойствии и умении не демонстрировать отрицательные эмоции, грамотно выстраивать коммуникации. Их подход к организации работы, обучению и развитию мотивирован верой в силу действий и в возможности, благодаря которым он открывает бизнес-возможности.

Визионеры – это азартные и решительные стратеги, которые верят в возможности и выбирают направления движения. Они меньше вовлечены в управленческие функции и работу с командой: они редко организуют работу, мотивируют команду и испытывают командные трудности.

Таким образом, визионеры задают стратегическое направление, новаторы лидируют, а менеджеры обеспечивают исполнение. Данный вывод согласуется с представлениями исследователей о стилях управления [11]. Эти признаки, представленные по частоте представленных категорий, дают понимание о зонах ближайшего развития руководителей и могут быть использованы для формирования программ развития руководителей. Ключевыми драйверами по управлению возможностями для всех типов руководителей становятся: вера в возможности, стратегическое мышление, организация работы и эмоциональные качества, именно эти характеристики рекомендовано диагностировать и развивать у руководителей для развития навыков управления возможностями.

Заключение

Внешние кризисы, сопровождающиеся ограничением ресурсов, стимулируют руководителей искать новые пути развития, однако успех зависит не только от личностных и профессиональных качеств, но и от неосознаваемых имплицитных моделей, влияющих на поведение и принятие решений.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о существовании трех типов руководителей – менеджера, новатора и визионера – различающихся подходами к управлению возможностями в условиях кризиса. Каждый тип демонстрирует уникальные паттерны поведения, верований и эмоциональных реакций, что отражается в их стратегиях преодоления кризисных ситуаций: менеджеры фокусируются на стабилизации, операционных функциях (организация работы, анализ) и реализации командных и личностных возможностей, но испытывают тревогу и недостаток веры в успех. Нова-

торы сочетают лидерство, эмоциональные и коммуникативные компетенции и реализуют бизнес-возможности. Визионеры выделяются стратегическим мышлением, азартом и ориентацией на долгосрочные решения, но редко вовлекаются в операционное управление.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении понимания роли имплицитных моделей в антикризисном управлении, а также в верификации типологии, которая интегрирует концепции из психологии личности и менеджмента. Практическая ценность связана с описанием имплицитных моделей кризиса и управления возможностями в кризис, которое может быть использовано для разработки адресных программ развития руководителей, учитывающих их типологические особенности.

Одним из ограничений исследования является выборка, которая состояла преимущественно из руководителей рынка недвижимости, что может ограничивать обобщение результатов на другие отрасли. Кроме того, исследование проводилось в период отраслевого кризиса, что могло повлиять на эмоциональное состояние и ответы участников.

Для дальнейшего изучения данной темы можно предложить: провести аналогичное исследование в других отраслях, изучить долгосрочные последствия кризисов на поведение и эффективность руководителей разных типов, разработать и апробировать программы обучения, направленные на развитие ключевых качеств и компетенций для каждого типа руководителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27
2. Эпштейн М.Н. Философия возможного. – Изд-во «Алетейя», 2001.
3. Мадди С.Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – №. 6. – С. 87-101.
4. Брудный А.А. Пространство возможностей. Введение в исследование реальности. – 1999.
5. Доценко Е.Л., Хамзина Ю.С., Шаймарданова Е.В. Личность руководителя в пространстве возможного: психологическое осмысление // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2022. – №. 3. – С. 6-15.
6. Розин М. Стратегия чистого листа: Как перестать планировать и начать делать бизнес / Марк Розин. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: Альпина Паблишер, 2023, – 340 с.
7. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. – 2017. – №. 4. – С. 3-26.
8. Леонтьев Д.А. К психологии возможного: антропологический, детерминистский, аксиологический и экзистенциальный контексты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2022. – Т. 12. – №. 2. – С. 111-121.
9. Хамзина Ю.С. Имплицитные представления руководителей о возможностях кризисных ситуаций (обоснование методики исследования) // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2024. – №. 4. – С. 108-117.
10. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. – 2004.
11. Хамзина Ю.С. Сила трансформационного лидерства // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2022. – №. 2. – С. 41-46.

© Хамзина Юлия Сергеевна (y_pe@mail.ru), Хамзин Тимур Хамзович (timur.hamzin@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кутовой Данила Анатольевич

Старший преподаватель, Таганрогский институт
управления и экономики (ТИУЭ)
d.a.kutovoy@yandex.ru

SOCIAL AND COMMUNICATIVE THEORIES AND PRACTICES OF MODERNIZATION OF POLITICAL POWER IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF PUBLIC RELATIONS

D. Kutovoy

Summary: The article provides a socio-philosophical study of the specifics of modernization of political power in the context of transformation of society by means of digital technologies. It is shown that transformation processes go beyond the limits of a single individual's will in society and, in conditions of nonlinearity, pursue the goals of unconscious aspirations of its members, which forms a synergetic effect manifested in the axiological context of social communication. The specificity of transformation of political power in the information society is the implementation of institutional activities aimed at deconstructing globalization processes by means of localism, as a form of fragmentation of modernization. As a result, the implementation of Russian localism as a way of self-identification of the «state-civilization» requires the formation of a sphere of «digital sovereignty» over the information space within society, which becomes the basis for counteracting destructive methods of social engineering and lays the foundation for transforming the axiological guidelines of individuals in the virtual space.

Keywords: political philosophy, social philosophy, localism, stability, synergetics, political modernization, social modernization, political axiology.

Аннотация: В статье проводится социально-философское исследование специфики модернизации политической власти в условиях трансформации социума посредством цифровых технологий. Показано, что преобразовательные процессы выходят на пределы отдельно взятой воли индивида в социуме и в условиях нелинейности преследуют цели бессознательных стремлений ее членов, что образует синергетический эффект, проявляющийся в аксиологическом контексте социальной коммуникации. Спецификой преобразования политической власти в информационном обществе становится осуществление институциональной деятельности, направленной на деконструкцию глобализационных процессов посредством локализма, как формы фрагментации модернизации. В результате, реализация российского локализма как способа самоидентификации «государства-цивилизации» требует формирования сферы «цифрового суверенитета» над информационным пространством внутри социума, что становится основой для противодействия деструктивным методам социальной инженерии и закладывает основы для преобразования аксиологических ориентиров индивидов в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: политическая философия, социальная философия, локализм, стабильность, синергетика, политическая модернизация, социальная модернизация, политическая аксиология.

В современном мире, подверженном тенденциям деконструкции и индивидуализации становится важным поиск универсальных закономерностей его преобразовательной динамики, что в условиях постлиберализма и неоконсерватизма приобретает субъективный характер, что связано с информационным потреблением каждого отдельного индивида. Преобразование социума посредством цифровой коммуникации потребовало осмысления значения потенциала новых возможностей политического управления общественными процессами в виртуальной сфере. О.Р. Демидова пишет, что «виртуальное - это не только некое неопределенное потенциальное, способное реализоваться при ряде условий внешнего порядка, но и вполне конкретное желаемое, для реализации которого индивид,

социальная группа или сообщество в целом готовы эти условия создавать»¹. В результате, эффективность и оправданность политической регуляции цифрового пространства определяется целевыми и ценностными характеристиками коммуникации, возникающей между социумом и системой органов власти. Иными словами, ценностные критерии организации социума становятся основой для его модернизации в политическом и социальном контекстах.

Процесс адаптации общественных и политических процессов к новой цифровой реальности можно определить как модернизацию, которая проходит в разных аспектах:

1 Демидова О.Р. О природе виртуального // Парадигма. – 2024. – №40. – С.59.

- как согласование интересов общества и политической власти по вопросам управления;
- как интеграция достижений научно-технического прогресса в политические и социальные процессы;
- как процесс повышения внутренней согласованности и стабильности государства и его конкурентоспособности на международной арене;
- как форма реагирования публичной власти на происходящие социокультурные и экономические преобразования, вызванные научно-техническим прогрессом.

Следовательно, определение специфики модернизации связано с раскрытием социокультурных и ценностных факторов и выявления их влияния на общественно-политическую организацию общества. В современном социуме трансформационные процессы происходят нелинейно, что создает препятствия для прогностической деятельности гуманитарных наук.

Проблематика модернизации социальных и политических институтов связана с необходимостью поиска форм контроля и распределения новых возможностей властного воздействия на социум, противодействия внутренним и внешним вызовам и угрозам национальной безопасности. В процессе усложнения общественных отношений одним из наиболее простых решений проблемы кризисов стабильности социума может видится усиление политического контроля над обществом, что согласовалось бы с идеями о Т. Гоббса, считавшего, что государство является формой воплощения человеческого искусства в форме создания «человека искусственного, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан»². Очевидно, что логичным в данных обстоятельствах стало бы «усложнение» такого «Левиафана» соразмерно происходящим преобразованиям в социуме, однако нельзя сводить данный процесс исключительно к расширению возможности контроля (потенциал которого посредством цифровых технологий представляется крайне высоким), поскольку это нивелирует синергетический эффект преобразований.

Несмотря на универсальность форм социального взаимодействия в виртуальном пространстве, каждое государство вынуждено осуществлять поиск легитимизуемых методов политического управления в данных сферах, где возможности принуждения носят ограниченный характер и требуют индирективного (опосредованного) подхода. Данный подход выражается в развитии и управлении процессами цифровизации общественных отношений путем создания национальных инструментов виртуальной коммуникации, организации

экономической и управленческой деятельности в данных сферах. Такой подход потенциально способен формировать коммуникацию между гражданами и системой политической власти, направленной на гармонизацию публичного и частного интересов во властеотношениях. В результате, для каждого отдельного государства общие тенденции модернизации приобретают формы диалектики общего и особенного. Следовательно, для определения специфики и тенденций модернизации в современной России необходимы выявить критерии, отличающие преобразования социальных и политических процессов от других государств и раскрыть их сущностное содержание.

Виртуальное пространство множит, но и то же время фрагментирует социальную реальность индивида. Нося метафизический характер цифровое пространство дополняет его социальную реальность, в рамках которой индивид находится в поиске приоритетов и ценностей, служащих основой для самореализации. Однако такая самореализация может ограничиться исключительно пассивным потреблением и проявлением низменных желаний. Л.А. Исакова пишет, что «социальная реальность информационного общества теряет свойство объективности, так как насыщенность информацией усиливает неопределенность, неустойчивость, фрагментарность, в том числе и процессов познания»³. Следовательно, социальная адаптация индивида может носить преобразовательный характер исключительно в форме сознательного и волевого действия, личной конкретизации потребности взаимодействия с цифровым пространством. Человеческая природа заключает в себе несовершенство и уязвимость, которая в рамках цифровой коммуникации имеет тенденции к большему проявлению, что связано с возможностями анонимности, контринтуитивности восприятия социального пространства в виртуальной среде, иллюзорного чувства безнаказанности за свои действия. Существует риск, что в случае лишения индивида возможности иметь обособленное пространство для приватности и создания перманентного чувства контроля его социальное поведение претерпит изменения, связанные с сокращением возможности самовыражения и самореализации. Кроме того, институциональный контроль имеет ограниченные возможности для регуляции синергетических процессов, что может деформировать процесс модернизации и нивелировать его позитивные результаты. Р.Ф. Бурнашев, А.Ш. Холмаматова пишут, что «современное информационное общество оказывает двойственное влияние на личность: с одной стороны, оно расширяет возможности для самореализации, творчества, обучения и коллективного взаимодействия, а с другой стороны, цифровая среда ставит новые этические и моральные вызовы,

2 Гоббс Т. Левиафан – М.: 2021. – С.3.

3 Исакова Л.А. Коммуникация и образование в философии постмодерна // Вестник КГУ. – 2008. – №5. – С.244.

создавая риски утраты аутентичности, приватности и усиления манипуляций»⁴. В результате, политическая регуляция модернизационных процессов в социуме должна происходить путем стимулирования и направления преобразовательной деятельности, формировании приоритетов развития и поощрения гражданской инициативы, сохранения общественной стабильности и защиты национальной безопасности.

Исторически в России модернизационные процессы связаны с интеграцией иностранных технологических достижений в экономическую систему государства, что становится катализатором социальных и политических преобразований. Невозможность эффективного сочетания традиций и новаций в переходный период становилось фактором риска, приводящим к политической нестабильности. В то же время меры, направленные на преодоление кризисов во властеотношениях реализовывались в рамках дирижистской модели модернизации, чьи недостатки с учетом культурно-исторической специфики России требуют её дополнения и конкретизации. В.В. Лобатюк, Д.С. Быльева пишут, что «традиции сегодня не составляют оппозицию технологиям, не находятся в противоречии с их движущей силой, что казалось их базовым свойством в исторически сложившихся концепциях рассмотрения. В настоящее время традиции встраиваются в ход развития быстро изменяющегося техногенного мира, наполняя его более глубокими смыслами, отсылающими к неизменным ценностям»⁵. Следовательно, критерий стабильности при реформировании общества и государства становится основополагающим в современной политической традиции в России, о чем, в частности, многократно заявлял Президент РФ Владимир Владимирович Путин⁶.

Модернизационные процессы в информационном обществе представляют собой набор преобразовательных факторов и активных действий пользователей цифровых технологий, где совокупность взаимодействий превышает сумму составляющих ее частей, т.е. носит синергетический характер. Н.А. Мухин пишет, что «применение традиционных методов исследования (анализа) социальных процессов путем экстраполяции мало перспективно, так как динамика современного социума – нелинейна, а социально-политическая и экономическая вероятностная среда меняется очень быстро»⁷. Следовательно, социальные и политические трансформации в социуме выходят за пределы отдельно взятой воли и

в условиях нелинейности преследуют цели бессознательных стремлений отдельных членов социума. В то же время модернизация составляет элемент реформистской политики органов публичной власти, что связано с очевидным потенциалом достижений научно-технического прогресса в XXI веке для целей политического управления. В результате, спецификой современной модернизации социума становится сочетание дирижистского подхода со стороны системы органов публичной власти и очевидный синергетический характер самоорганизации социума в процессе интеграции в него ИКТ.

В основе модернизационных процессов в современных государствах лежит культурно-историческая идентичность народов их населяющих. В процессе интеграции цифровых технологий в социально-политическую реальность происходит их коррекция в соответствии со спецификой коммуникации в обществе, основанном на традициях. Говоря об аналогичных процессах в современной России следует признать, что общественно-политические потрясения XX века, дважды приведшие к радикальному изменению культурно-ценностного облика социума, показали очевидность приоритета в поддержании стабильности социальных и политических процессов, что становится основой для восстановления и укрепления духовно-нравственных и культурных ценностей общества. В противном случае, влияние «глобалистской культуры» нанесет дестабилизирующее влияние на страну. Об этом прямо говорится в п. 11 Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 согласно которому «усилия, предпринимаемые Российской Федерацией для развития духовного потенциала ее народа, способствуют повышению сплоченности российского общества, осознанию гражданами необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов»⁸. Следовательно, вовлечение России в глобальные тенденции модернизации общества и государства должны происходить на основе выявления и защиты приоритетов в культурно-нравственном облике общества, что позволяет в процессе использования ИКТ сохранить исторически обусловленную идентичность многонационального народа и не разрушить социальные традиции и связи в нем.

Проблема стабильности политической и социальной систем в процессе всепроникающей цифровизации со-

4 Бурнашев Р.Ф., Холмаматова А.Ш. Информационное общество и трансформация личности: социально-философский анализ угроз и возможностей // *Universum: общественные науки*. – 2024. – №11 (114). – С.33.

5 Лобатюк В.В., Быльева Д.С. Традиция в информационном обществе // *Философская мысль*. – 2024. – №7. – С.52.

6 См. Пресс-конференция Президента РФ Владимира Владимировича Путина от 20.12.2012 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17173> (дата обращения: 20.01.2025 г.).

7 Мухин Н.А. Синергетика социальных процессов // *Мониторинг правоприменения*. – 2012. – №1. – С.47.

8 Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // *Собрание законодательства РФ*. – 2022. – №46. – Ст. 7977.

циума связана с необходимостью обеспечения безопасной и контролируемой их интеграции. Стихийное влияние ИКТ на преобразование социума может порождать кризисы во властеотношениях, поскольку создает сферы взаимодействия, испытывающие проблемы в правовом регулировании и институциональной защите со стороны государства. Данные проблемы связаны с анонимностью и интернациональностью средств коммуникации. Очевидно, что цифровая трансформация социума неизбежно создает потребность в совершенствовании форм и методов их политической регуляции. В результате, в условиях глобализации и глокализации происходят процессы конвергенции систем политического управления и поиск способов сохранения национальной идентичности.

Цифровизация стала для современного социума феноменом, не имеющим исторической аналога, носящим черты культурных революций и империалистических экспансий. У данных процессов отсутствуют единые центры происхождения, что создает потребность у публичной власти искать способы увеличения влияния в данных сферах, в том числе, методами социальной инженерии. Фактически, цифровое пространство становится формой межгосударственной политической анархии, где действуют положения теории «политического реализма» Г. Моргентау⁹. В таких условиях приоритетной задачей политической власти становится расширение своего влияния, что в условия цифрового пространства происходит за счет распространения культуры и медиа контента, тем самым, формируя управляемую глобальную культуру как политический инструмент влияния. Такая медиасфера потенциально способна контролируемо формировать ценности в обществе, побуждая индивидов к социально значимым действиям, что становится фактором риска для политических систем национальных государств.

Одной из идеологических форм противодействия деструктивным тенденциям модернизации, связанной с глобализационными процессами, становится локализм как форма фрагментации модернизации¹⁰, обусловленная интересами государства, местными приоритетами и служащая основой для защиты его суверенитета. В современной политической философии локализм становится основой для противодействия социальному хаосу, вызванному стихийному внедрению ИКТ в коммуникацию в социуме. С одной стороны, данный подход может содержать риск обострения межгосударственных конфликтов и разрыва политических связей, но в то же время может свидетельствовать о необходимости формирования приоритетов в развитии социума, что выражается в функциональном

определении коммуникации государства и общества.

Проблема политического суверенитета становится одной из основных, поскольку является ответом на гибридные вызовы и угрозы, связанные с цифровизацией социально-экономического пространства. А.П. Кочетков, К.В. Маслов пишут, что «задачами обеспечения государственного цифрового суверенитета являются: развитие цифровых компетенций, создание собственных цифровых платформ, а также управление цифровыми ресурсами для реализации государственной безопасности и общественного блага»¹¹. Следовательно, реализация российского локализма как формы самоидентификации «государства-цивилизации»¹² требует формирования сферы «цифрового суверенитета» над электронным пространством внутри социума, что становится основой для противодействия деструктивным методам социальной инженерии и служит основой для преобразования его аксиологических ориентиров в виртуальном пространстве.

В результате проведенного социально-философского исследования теорий и практик модернизации политической власти в условиях цифровизации общественных отношений установлена следующая их специфика:

- сочетание традиций и новаций в социально-политическом строительстве;
- синергетический эффект цифровых технологий в процессе преобразований аксиологических ориентиров социума;
- преобладание дирижистского подхода в политическом управлении в условиях развития синергетических процессов в социуме как реакции на внедрения в него ИКТ;
- приоритет поддержания стабильности структуры социума, защита традиционных ценностей;
- создание цифровых платформ для взаимодействия управленческих структур с гражданами в целях направленного воздействия модернизационных процессов;
- сочетание директивных и индирективных методов коммуникации публичной власти с обществом, что находит выражение в построении системы оказания государственных и муниципальных услуг в электронной форме;
- формирование консервативного подхода к вопросам культурно-исторических и традиционных ценностных ориентиров общества посредством локализма, как ответа на потенциальные угрозы стабильности, вызванные глобализационными процессами;

9 См.: Моргентау Г. Система международных отношений. Нации в борьбе за власть. — М.: Родина, 2023.

10 См. Лапшов Б.А., Айзенштадт Ш.Н. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века. — 2001. — №1.

11 Кочетков А.П., Маслов К.В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2022. — №2. — С.43.

12 См.: Желифонов М.П. Формирование государства-цивилизации «Россия» // Universum: общественные науки. — 2024. — №5 (108).

— противодействие глобализационной социальной инженерии за счет развития демократической локальности на основе цивилизационной культурно-исторической самоидентификации.

Очевидно, что процессы модернизации при всех национальных особенностях должны иметь гуманисти-

ческую основу, не разрушать социальные системы коммуникаций, способствовать гармоничному развитию личности. Глубина и многоаспектность модернизационных процессов говорит о необходимости развития научных дискуссий с целью развития доктринальной базы исследования тенденций и особенностей модернизации социума в период перехода от глобализма к локализму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурнашев Р.Ф., Холмаматова А.Ш. Информационное общество и трансформация личности: социально-философский анализ угроз и возможностей // *Universum: общественные науки*. – 2024. – №11 (114). – С.33.
2. Гоббс Т. *Левиафан* – М.: 2021. – С.3.
3. Демидова О.Р. О природе виртуального // *Парадигма*. – 2024. – №40. – С.59.
4. Желифонов М.П. Формирование государства-цивилизации «Россия» // *Universum: общественные науки*. – 2024. – №5 – (108).
5. Исакова Л.А. Коммуникация и образование в философии постмодерна // *Вестник КГУ*. – 2008. – №5. – С.244.
6. Кочетков А.П., Маслов К.В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. – 2022. – №2. – С.43.
7. Лапшов Б.А., Айзенштадт Ш.Н. Множественность модернизмов в век глобализации // *Глобализация: Контуры XXI века*. – 2001. – №1.
8. Лобатюк В.В., Быльева Д.С. Традиция в информационном обществе // *Философская мысль*. – 2024. – №7. – С.52.
9. Моргентау Г. Система международных отношений. Нации в борьбе за власть. — М.: Родина, 2023.
10. Мухин Н.А. Синергетика социальных процессов // *Мониторинг правоприменения*. – 2012. – №1. – С.47.
11. Пресс-конференция Президента РФ Владимира Владимировича Путина от 20.12.2012 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17173> (дата обращения: 20.01.2025 г.).
12. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // *Собрание законодательства РФ*. – 2022. – №46. – Ст. 7977.

© Кутовой Данила Анатольевич d.a.kutovoy@yandex.ru.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИЗИСОВ В МАТЕМАТИКЕ И ИХ СВЯЗЬ С ВОЗНИКНОВЕНИЕМ ПАРАДОКСОВ

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF CRISES IN MATHEMATICS AND THEIR CONNECTION WITH THE EMERGENCE OF PARADOXES

E. Pak

Summary: The article is devoted to the problems of substantiating the foundations of mathematics and their resolution. This issue is considered from the point of view of the close connection between the crises of mathematics and the paradoxes that arise at a certain historical stage. The first two crises were successfully overcome by improving the mathematical apparatus: by introducing restrictions or additions. At this stage, the third crisis has worsened due to the rapid development of computing technology and artificial intelligence, in particular.

Keywords: mathematics, crises, paradoxes, foundations of mathematics, artificial intelligence.

Пак Элла Ефимовна

к. ф.-м. н., Санкт-Петербургский Государственный
Морской Технический Университет
pakella779@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблемам обоснования оснований математики и их разрешению. Этот вопрос рассматривается с точки зрения тесной связи кризисов математики с возникающими на определенном историческом этапе парадоксами. Первые два кризиса были успешно преодолены с помощью усовершенствования математического аппарата: введением ограничений или дополнений. На данном этапе, третий кризис обострился в связи с бурным развитием вычислительной техники и искусственного интеллекта, в частности.

Ключевые слова: математика, кризисы, парадоксы, основания математики, искусственный интеллект.

Введение

Математизация науки в условиях современного научно-технического прогресса является объективной закономерностью ее развития. Недостаточная разработанность философских проблем математики служит питательной средой для метафизических заблуждений и идеалистических толкований. Особенно интенсивно это проявлялось в периоды кризисов методологических основ математики, когда на первый план выдвигались вопросы обоснования математики, философские проблемы этой науки. В эти периоды интерес к математике усиливался, так что в итоге кризисы оборачивались своеобразным стимулом ее дальнейшего развития.

Начальным толчком данных кризисов, с моей точки зрения, служили истинные парадоксы (в отличие от тех парадоксов, которые возникают из-за несовершенства нашей интуиции), то есть логически противоречивые конструкции, возникающие в нечетко сформулированных аксиоматических системах (без необходимых «запретов»). Эти истинные парадоксы играют важнейшую роль в развитии математики, так как их устранение требует переустройства основ и ставит здание соответствующей математической дисциплины на более надежный фундамент.

Имеется достаточное количество литературы, касающееся философских проблем математики, но в ней не рассматриваются в комплексе проблемы данной статьи.

Хотя, в некоторых изданиях, например, в [1], частично затрагивается проблема кризисов основ математики.

Работы [2], [3], [4], [5], [6] содержат в себе лишь дискретные моменты описания истории математики. В работах [7], [8], [9] мы можем найти такие философские проблемы математики как непрерывность и дискретность, устойчивость и изменяемость, конечное и бесконечное.

Таким образом, цель данной работы – собрать воедино и обобщить весь этот материал, и рассмотреть ещё раз кризисы в математике, но уже в тесной их взаимосвязи с парадоксами, возникающими на определенных этапах развития математики.

1. Парадокс – случайность или закономерность?

В истории математики можно рассматривать четыре основных этапа: период первоначального накопления математических знаний, период элементарной математики, период математики переменных величин и современный этап развития математики ([9]).

Эту периодизацию интересно рассмотреть в плане проблемы дискретного и непрерывного. Если два первых этапа свидетельствуют о четком различии дискретного и непрерывного в математике (числа и фигуры, в частности), то уже в период создания дифференциального и интегрального исчисления наблюдается некоторое сближение дискретного с непрерывным, хотя

второй кризис методологических основ математики опять-таки показал принципиальную несводимость непрерывного к дискретному. При дальнейшем развитии математики эта тенденция просматривается еще более явно, например, получившая распространение теория множеств не исчерпывается областью дискретного.

Прерывно-непрерывный процесс мышления, в котором адекватно отображаются явления внешней действительности, осуществляется в дискретных по своей форме сложных знаках – словах естественного языка и, таким образом, формальная логика имеет дело с понятиями, суждениями и умозаключениями, как с чем-то неизменным и дискретным. Данное реальное противоречие языка и мышления, являющееся главной причиной основного различия между диалектической и формальной логикой порождает парадоксы не только в логике, но и в математике. (В математике это обусловлено тем, что логика выступает способом построения математических дисциплин, инструментом, средством аксиоматического метода). Действительно, в движении понятий, в мыслительной деятельности субъекта схватывается движение, присущее всем без исключения объектам внешнего мира. Но в силу особенностей формальной логики, правила которой должны выполняться в каждом акте мышления, происходит раздвоение единого на противоположности, фиксация отдельных сторон движения, выделение момента устойчивости и дискретности в прерывно-непрерывных процессах стохастической природы, что и приводит к возникновению противоречий, парадоксов в частности.

Таким образом, следует, что парадоксы – явление вполне закономерное и в этом смысле неизбежное в логике и математике, а не что-то случайное, и что только в результате философского анализа можно дать верное теоретическое объяснение, обоснование парадоксов и одновременно указать пути их возможного преодоления.

В конечном итоге, причиной парадоксов в математике является альтернативный характер дискретного и непрерывного в ней (число и множество с одной стороны, фигуры и функции – с другой стороны). Существует самая тесная связь кризисов основ математики с этой альтернативой. Поэтому рассмотрим все три кризиса.

2. Апории Зенона (первый кризис в математике)

Этот кризис возник в результате обнаружения несоизмеримости отрезков. Возможно, что это открытие было сделано в связи с исследованием геометрического среднего $a:b = b:c$, что интересовало пифагорейцев и служило признаком аристократии. Чему равно геометрическое среднее единицы и двойки? Это вело к изучению отношения стороны и диагонали квадрата, и было обнаружено, что такое отношение не выражается чис-

лом, то есть тем, что мы называем рациональным числом (целым или дробью), а только такие числа допускались пифагорейской арифметикой.

Возможно, что при доказательстве несоизмеримости отрезков Пифагор пользовался методом доказательства от противного. Допустим, что это отношение (стороны и диагонали квадрата) равно $p:q$, где целые числа p и q мы всегда можем считать взаимно простыми. Тогда, из теоремы Пифагора $q^2 = 2p^2$. Следовательно, q^2 , а с ним и q – четное число, и пусть $q = 2r$. Тогда $p^2 = 2r^2$, а значит и p – четное. Но из нашего предположения следует, что p должно быть нечетным. Получили противоречие. Такое противоречие разрешалось не расширением понятия числа, а тем, что теория чисел для таких случаев отвергалась, синтез же искали в геометрии. ([6])

Открытие несоизмеримости отрезков вызвало удивление ученых древнего мира, поскольку до тех пор пифагорейцы полагали, что любые два отрезка имеют общую числовую меру, хотя бы и очень малую. К тому же система рациональных чисел всюду плотно покрывала числовую ось и на ней, по мнению древних математиков, не оставалось места для чисел, которые впоследствии были названы иррациональными.

Таким образом, затруднения ученых античного периода дали мощный толчок развитию математики. Кризис основ математической науки обернулся для нее стимулом дальнейшего развития. Сам же факт несоизмеримости отрезков есть выражение невозможности свести непрерывное к дискретному.

Параллельно с этим кризисом целый ряд парадоксов был выявлен в логике, как правило, тесно связанный с представлениями о непрерывном и бесконечном. У Зенона Элейского (родился около 450 года до н.э.) их насчитывалось 45 (до нас дошло только девять). Ранее всегда считали, что сумму бесконечно малых величин можно сделать сколь угодно большой, даже если каждая величина крайне мала ($\infty \times \varepsilon = \infty$). Критика Зенона была направлена против таких представлений. Наиболее известны его парадоксы Ахиллес, Стрела, Дихотомия, Стадион.

Рассмотрим парадокс «Дихотомия» ([6]). Допустим, что мы хотим пройти от пункта A до пункта B по прямой. Чтобы достичь пункта B , нам надо сначала пройти половину расстояния $AB - AB_1$. Чтобы достичь B_1 , мы должны сначала достичь B_2 на полпути от A до B_1 , и так до бесконечности, так что движение никогда не может начаться. Математически парадокс «Дихотомия» может быть выражен прогрессией:

$$\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{8} + \dots + \frac{1}{2^n} + \dots$$

Самой сложной для философского объяснения является апория «Покоящаяся стрела», так как основной вывод, который в виде парадокса делается из анализа этой апории, вступает в противоречие с формально-логическим законом недопустимости противоречия (тело и находится в этой точке и не находится в ней). В основе этого утверждения лежало соображение, что если предположить время разделенным на бесконечное число элементарных частей – «настоящих моментов», то в каждый момент стрела должна находиться в совершенно определенном месте, то есть покое. А так как время состоит из суммы таких моментов, то, следовательно, стрела постоянно находится в покое ([2]).

Очевидно, что во всех таких случаях формальная логика фиксирует момент устойчивости и дискретности реального движения так что адекватного движения объекта не получается; траектория движения не может быть представлена суммой покоящихся точек; не имеющие протяженности точки не могут образовывать линию, которая обладает протяженностью.

Усилиями Теэтета, Евклида, Евдокса (который развил общую теорию пропорций как геометрический эквивалент теории положительных вещественных чисел и разработал метод исчерпывания – зачаточную форму теории пределов) кризис основ математики был преодолен (для уровня математики того периода), и математическое знание вновь обрело былую прочность.

Укажем суть метода исчерпывания Евдокса ([5]). «Круги будут друг к другу как квадраты на диаметрах», то есть площади двух кругов относятся между собой как квадраты их диаметров. Доказывается, что разность между площадью круга и площадью вписанного многоугольника, члена последовательности, может быть сделана меньше произвольного наперед заданного $\varepsilon > 0$. В указанном доказательстве как бы исчерпывается пространство, заключенное между всевозрастающими вписанными многоугольниками и кругом, что и побудило ученых XVII века назвать этот способ методом исчерпывания.

3. Проблема бесконечно малых (второй кризис в математике)

Этот кризис разразился в конце XVII – начале XVIII века. Он возник в ходе попыток обосновать исчисление бесконечно малых, которое было создано в XVII веке. Начало этому этапу развития математики положил Декарт. Он ввел в математику не только систему координат, но и переменную величину, чем заложил основы аналитической геометрии. Дифференциальное и интегральное исчисление выросло из тех представлений, которые в общем виде сформулировал Декарт.

Благодаря введению переменной величины, появи-

лась необходимость и возможность создания дифференциального и интегрального исчисления, которое было завершено Ньютоном и Лейбницем

Но Ньютон и Лейбниц не смогли полностью обосновать основные понятия математического анализа. Сначала Ньютон употреблял неделимые, бесконечно малые и оперировал ими. Однако постепенно убедился в недостаточной строгости понятия бесконечно малого и стремился к полному изгнанию его из анализа, разработав теорию пределов, названную им «методом первых и последних соотношений». Само понятие предела носит у Ньютона ещё нечёткий, двойственный характер.

Функцию Ньютон называет флюентой, то есть текущей величиной, производную же – флюксий. Ньютон обозначил функции последними буквами латинского алфавита x, y, z , а их флюксии, то есть производные от флюент по времени, – соответственно теми же буквами с точкой над ними: $\dot{x}, \dot{y}, \dot{z}$. Бесконечно малые у Ньютона являются «моментами флюксий» и обозначаются через o , где o – «бесконечно малое количество». Пример того, как Ньютон находил производные, можно посмотреть, например в [6]. Этот пример показывает, что Ньютон первоначально считал свои производные скоростями, но он показывает также, что способ выражения Ньютона не был вполне определенным. Являются ли символы « o » нулями? или бесконечно малыми? или это конечные числа? В трудах Ньютона, с одной стороны, имеются высказывания, свидетельствующие о том, что он понимал «неделимые», то есть бесконечно малые, как переменные величины, пределом которых служит нуль. В других местах своих произведений, он не всегда придерживался этого взгляда и, поэтому, не сумел уточнить понятие предела, и согласовать его с понятием бесконечно малого.

У Лейбница под бесконечно малой понималась какая-то, хотя и очень малая, но всё же конечная, постоянная величина, которая с одной стороны, должна была быть меньше всякой другой конечной величины, с другой – не равной нулю. Это, так называемое, актуальное бесконечно малое носило противоречивый двойственный характер. Так, например, в анализе Лейбница, с одной стороны, из бесконечного числа бесконечно малых величин складываются конечные величины, откуда логически следовало бы, что бесконечно малое – не нуль. С другой же стороны, сумма конечной величины a с бесконечно малой есть опять a , что отождествляет бесконечно малое с нулем ([5]).

Важно здесь то, что в случае дифференциального и интегрального исчисления, как двух противоположных математических действий, в явном или неявном виде производится как бы сведение непрерывного к дискретному путем использования бесконечно малых величин. Перед математиками вновь встает проблема дискретно-

го и непрерывного, так как математические операции и в этом случае по существу, показывают невозможность полностью стереть грань между дискретным и непрерывным, хотя в теоретических и практических целях математический анализ оказывается весьма эффективным.

Выход из второго кризиса оснований математики заключался в создании теории пределов (О. Коши). Была осуществлена арифметизация основных, исходных понятий анализа (производная, дифференциал, интеграл, непрерывность и т.п.). На математическом языке достаточно строго было сформулировано понятие предела последовательности, которое легло в основу дифференциального и интегрального исчисления. Основные систематические курсы Коши – «Курс анализа» (алгебраический анализ) и «Резюме лекций по исчислению бесконечно малых».

Так, последовательность a_n имеет своим пределом число a при n стремящемся к бесконечности ($n \rightarrow \infty$), когда сколь угодно малому числу можно поставить в соответствие такое целое число N (зависящее от ε), что неравенство $|a_n - a| < \varepsilon$ выполняется для всех n , удовлетворяющих условию $n \geq N$.

Данное определение предела последовательности легко обобщается и на случай функции. Коши, на основании введенного им понятия о бесконечно малых величинах, установил следующее определение непрерывности функции: функция непрерывна, если бесконечно малому приращению аргумента соответствует бесконечно малое приращение функции ([2]).

Основы математического знания снова стали казаться прочными и неизменными. Существенно, что в случае операции предельного перехода, когда нуль рассматривается как предел, к которому стремится бесконечно малая величина, в явном виде используется абстракция потенциальной бесконечности. Понятие бесконечности в неявном виде используется при арифметизации анализа (работы К. Вейерштрасса и др.). Все это свидетельствует о том, что разрешение второго кризиса методологических основ математики тоже было относительным и временным. Более того, второй кризис фактически перерос в третий.

Если античные математики в ходе преодоления первого кризиса шли в направлении от арифметики к геометрии, то здесь мы имеем противоположное движение от геометрии к арифметике. Общая задача в целом осталась прежней – осуществление органического соединения арифметики и геометрии, предполагающего обращение к понятию бесконечности, преодоление пропасти между ними.

Процесс своеобразной исключения геометрических

представлений интуитивного порядка шел по линии не только арифметизации исчисления бесконечно малых, но и создания неевклидовых геометрий, а также полужформальной аксиоматизации геометрии Евклида (Гильберт, Пеано и другие). В итоге, такое развитие математики привело к необходимости использовать теорию множеств, которая становится общепризнанной основой современного математического знания. Как отмечено у Бурбаки «модели, опирающиеся на арифметику, приобретают еще большее значение вследствие расширения аксиоматического метода».

4. Брить или не брить? (третий кризис в математике)

В связи с возникновением и развитием теории множеств, использованием ее в большинстве математических теорий, начался третий кризис основ математики. Это произошло на рубеже XIX – XX веков. Однако, по мнению самих математиков, этот кризис до сих пор не нашел своего удовлетворительного разрешения.

Третий кризис выразился в парадоксах теории множеств, которые впервые были обнаружены итальянцем И. Бурали-Форти (1879 г.), а через два года и самим Г. Кантором – основателем общей теории множеств. Опираясь с бесконечными (необыкновенными) множествами, Кантор нашел, что в подобных случаях часть равна целому, что уже само по себе парадоксально.

Пусть N – множество всех возможных множеств, а C – множество всех подмножеств множества N . Поскольку мощность множества всех подмножеств любого множества имеет мощность, большую мощности этого множества, то мощность C должна быть больше мощности N . Но множество N есть множество всех возможных подмножеств, стало быть, C является подмножеством N . Мощность подмножества не больше мощности множества, следовательно, мощность C не больше мощности N .

Кантор не опубликовал обнаруженного им парадокса. О нем стало известно общественности лишь в 1932 году после того, как была опубликована переписка Кантора ([1]).

В 1902 году в теории множеств Расселом был обнаружен парадокс ещё более общего плана, основанный на одном лишь определении множества. Этот парадокс окончательно подорвал веру математиков в прочность методологических основ своей науки. Опишем этот парадокс. Известно, что множества либо являются элементами самих себя, либо нет. Например, множество всех множеств само есть множество, а множество всех книг данной библиотеки книгой не является. Пусть M – множество всех множеств, которые являются элементами

самих себя, а N – множество всех множеств, которые элементами самих себя не являются. Возникает вопрос, является ли N элементом самого себя? Если оно является элементом самого себя, то оно есть элемент M , а не N . В силу этого оно не является элементом самого себя и является элементом N , а не M , то есть является элементом самого себя.

Позже парадокс Рассела популяризовался в самых различных вариантах. Сам Рассел разъяснял его на примере парикмахера деревни, который взял на себя обязательство брить всех, кто не бреется сам, и не брить тех, кто бреется сам. Ведь если он будет брить себя сам, то нарушит условие – не брить тех, кто бреется сам, а если он не будет брить себя, то опять-таки придет в противоречие с взятым обязательством – брить тех, кто не бреется сам. На лицо явный парадокс, неразрешимое противоречие.

Интересно, что такого рода логические парадоксы были известны еще древним грекам (например, парадокс «Лжец»), что свидетельствует о единой природе логических и теоретико-множественных парадоксов, а также о том, что зачатки и второго, и третьего кризисов, имели место ещё в период становления математики как науки. Таким образом, все кризисы можно рассматривать как этапы одного и того же кризиса методологических основ математики.

Так, Гильберт писал: «Состояние, в котором мы находимся сейчас в отношении парадоксов, на продолжительное время невыносимо. Подумайте: в математике – этом образце достоверности и истинности – образование понятий и ход умозаключений, как их всякий изучает, преподает и применяет, приводит к нелепости. Где же искать надежность и истинность критскому философу, если даже само математическое мышление дает осечку?» ([1]).

В ряду многочисленных способов и методов, которые могли бы помочь как-то избежать подобных парадоксов и в какой-то мере объяснить их, наибольшего внимания заслуживает требование Рассела исключить из математики и логики так называемые, импредикативные предложения, в которых определение элемента m из множества C зависит от последнего. Такое предложение Рассела основывается на том, что в случае импредикативных определений мы имеем нечто подобное порочному логическому кругу. В своем «принципе порочного круга» Рассел формулирует правило, по которому «никакое множество C не может содержать элементов m , определяемых лишь в терминах множества C , а также элементов m , предполагающих в своем определении это множество». Короче говоря, правило Рассела запрещает использование множеств, которые являются элементами самих себя.

Подобное суживание понятия множества необходимо для того, чтобы избежать теоретико-множественных и родственных им (то есть тех, которые связаны с использованием понятия бесконечности) логических парадоксов, значительно ограничивает использование теории множеств в математике. Но главное заключается в том, что исключение импредикативных определений помогает главным образом избежать парадоксов, но недостаточно для глубокого теоретического объяснения природы и подлинных причин парадоксов, коренящихся в особенностях традиционной формальной логики.

Возможно, что ответ на вопрос о природе парадоксов, антиномий и апорий следует искать в более тщательном анализе особенностей формальной логики, которая является необходимым компонентом математических построений наукой о последовательном и непротиворечивом мышлении. Еще раз отметим, что конечной причиной всех парадоксов является то, что формальная логика фиксирует в реальном движении понятий только одну из противоположных сторон движения – момент устойчивости и дискретности. Это и ведет к невозможности адекватно отразить средствами формальной логики движения понятий, а в конечном итоге – к противоречиям, именуемым парадоксами.

Как и предыдущие кризисы – этот кризис послужил мощным толчком к интенсивному анализу математического знания, к последующему более тщательному обобщению этой отрасли науки.

Непосредственной причиной последнего кризиса является формально-логическая противоречивость канторовской теории множеств. Однако, здесь более глубокая причина, которая носит гносеологический характер. Эта причина состояла в том, что гносеологические основания теории множеств включали слишком сильные принципы идеализации, допускающие образование объектов «произвольной природы», в том числе каких угодно множеств.

На основе подобных гносеологических принципов формировались исходные абстракции теории множеств. А на базе явных определений этих абстракций аналитическим методом усматривалась истинность предложений теории множеств, в том числе и ее исходных предложений (аксиом), то есть собственных оснований теории множеств. Ввиду того, что эти основания сами оказались необоснованными из-за возможности вывести из них противоречие, они требовали существенных изменений. Эти изменения приводят к необходимости изменения гносеологических оснований теории множеств, то есть изменения принципов идеализации, применяемых этой теорией для образования своих объектов ([10]).

Если бы в теории множеств удалось приемлемым об-

разом с логической и гносеологической точек зрения устранить парадокс Рассела, то это еще не свидетельствовало бы об обосновании ее непротиворечивости. Проблема обоснования теории множеств все равно осталась бы открытой и не было бы гарантий, что теория множеств не содержит противоречий. На практике (в приложениях теории множеств) пользуются такими множествами, определения которых к противоречиям не приводили. Например, математика изучает различного рода конечные и бесконечные множества (множества действительных чисел, множества точек, называемых линиями, плоскостями, геометрическими фигурами и т.п.). Однако в предмет математических теорий не входит изучение множества всех множеств, не содержащих себя в качестве своего элемента.

5. ИИ. Что дальше?

В настоящее время во многих сферах человеческой деятельности на первый план выходит развитие и использование искусственного интеллекта (ИИ). Трудно переоценить вклад ИИ в современную жизнь. Для развития и успешной реализации ИИ требуется создание стабильных и точных нейронных сетей. И тут, вдруг, ученые столкнулись с проблемой, которая заключается в том, что многие системы ИИ не могут оценивать случаи, когда они допускают ошибки. Таким образом, невозможно вычислить точную нейронную сеть независимо от количества обучающих данных.

В последнее время появился ряд работ, пытающихся осмыслить данный феномен или найти пути хотя бы частичного разрешения проблемы (например, [10]). В связи с данной темой очень интересной и аргументированной представляется статья [11]. Авторы статьи приводят примеры тех областей (например, медицины), где ошибки ИИ являются недопустимыми. Оказывается, в общем случае, нет никакого способа узнать, когда системы ИИ более или менее уверены в своем решении.

Выяснилось, что эта проблема тесно связана с парадоксами, описанными Гёделем и Тьюрингом. Так, Курт Гёдель еще в 1931 году ([12]) сформулировал теорему о неполноте. Один из вариантов этой теоремы заключается в том, что для любой непротиворечивой системы, в рамках которой может быть выполнено определенное количество элементарных арифметических действий, непротиворечивость этой системы не может быть доказана в самой этой системе.

С выводами Гёделя перекликаются исследования Алана Тьюринга ([13]), который в 1936 году доказал, что существуют такие вычислительные задачи, которые невозможно решить даже с помощью сколь угодно мощной вычислительной техники и при неограниченном времени. Это так называемая «неразрешимость про-

блемы остановки», то есть Тьюринг доказал отсутствие алгоритма, который мог бы решить задачу остановки машины для любой программы. А остановка машины Тьюринга как раз и означала бы решение задачи и получение ответа.

Опираясь на выводы Гёделя и Тьюринга, американский математик Стивен Смейл ([14]) в конце XX века в числе сформулированных им важных математических проблем, под номером 18 сформулировал следующую проблему: каковы пределы интеллекта – как искусственного, так и человека? Исследователи показали, что существуют ограничения на алгоритмы обучения стабильных нейронных сетей. Итог таких рассуждений выливаются в следующий парадокс. Есть хорошо обусловленные задачи, в которых существуют точные нейронные сети, но ни один алгоритм не может их вычислить. На данном этапе развития науки эту проблему пытаются обойти в отдельных случаях. В частности, авторы статьи [11] описывают условия, необходимые для существования алгоритмов, которые могут вычислять стабильные и точные нейронные сети. В глобальном же плане этот парадокс остается на данный момент неразрешенным.

Будет ли описанная проблема полностью решена и даст ли это толчок развития математики и переход на следующий этап? Пока вопрос остается открытым.

Заключение

Получившая в условиях научно-технической революции наибольшее развитие и использование дискретная математика органически связана с традиционной формальной логикой. Обе они фиксируют момент дискретности и устойчивости понятийного мышления, вынужденно огрубляя тем самым и познаваемые процессы действительности (без такого огрубления изучаемого явления человек не в состоянии выразить движение). Такой вынужденный прием проявляется в «дуализме» языка и мышления, в том, что прерывно-непрерывный процесс мышления подобно лаве застывает в дискретных знаках, словах естественного языка. Указанное огрубление должно сниматься диалектической логикой.

В ходе формализации научного знания часть содержания высказываний неизбежно утрачивается, поскольку в этом случае фиксируется не процесс, а результат, вычленяется момент устойчивости и дискретности мыслительной деятельности. Это обстоятельство проявляет дополнительный свет на проблему моделирования мышления с помощью компьютеров, которые являются не чем иным, как технической реализацией результатов формализации. Получается, что формальная логика (и используемая при этом дискретная математика) «останавливает» движение, каковым является понятийное мышление, «квантует» его на дискретные «атомы» («ато-

марные высказывания»), а затем имитирует движение понятий в урезанном виде – в рамках однозначных зависимостей. То есть, например, с помощью ЭВМ воспроизводится лишь формально-логическая сторона мышления. Понятийное мышление моделируется, имитируется (а не воспроизводится таким, каким оно является у человека): прерывно-непрерывный процесс мышления имеет стохастическую природу, как и отображаемые в нем естественные процессы действительности, и принципиально не может быть воспроизведен в технике, с помощью средств дискретной (либо непрерывной) математики и формальной логики («барьер стохастичности») ([1]).

Вопрос о соотношении дискретного и непрерывного занимает особое, можно сказать ведущее место среди методологических вопросов математики. Все так называемые кризисы основ математики выражают принципиальную невозможность свести одно к другому, полностью преодолеть пропасть между арифметикой и геометрией, в частности. Характерно, что указанные кризисы неизменно выражались в логических или математических парадоксах, что приводило к поискам зна-

чительно более совершенных способов обоснования математики, а в итоге – к дальнейшему развитию математического знания.

В настоящее время третий кризис оснований математики не только не преодолен, но и прибавились новые проблемы и возникли новые парадоксы в связи с бурным развитием нейронных сетей и ИИ. На данном этапе развития математической науки эти проблемы решаются путем введения ограничений. В развитии ИИ сейчас та стадия, когда его практические успехи опережают теорию, а значит, нужна разработка концепции по пониманию основ вычислений ИИ. То есть, разработка новых путей для создания систем, которые могут решать проблемы надежным способом, понимая при этом существующие ограничения. Парадоксы ограничений математики и вычислительных машин, выявленные Гёделем и Тьюрингом, привели к появлению теорий основ, описывающих как ограничения, так и возможности математики и вычислений. Теория основ обязательно должна появиться в сфере разработки ИИ. Насколько скоро это произойдет, пока предсказать невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков Н.И. Философские проблемы математики / Н.И. Жуков. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – 95 с.
2. Болгарский Б.В. Очерки по истории математики / Б.В. Болгарский. – Минск: Высш. школа, 1974. – 287 с.
3. Виленкин Н.Я. Рассказы о множествах / В.Я. Виленкин. – М.: МЦНМО, 2019. – 152 с.
4. Гарднер М. Математические новеллы / М. Гарднер. – М.: Мир, 2000. – 415 с.
5. Глейзер Г.И. История математики в средней школе / Г.И. Глейзер. – М.: Просвещение, 1982. – 240 с.
6. Стройк Д.Я. Краткий очерк истории математики / Д.Я. Стройк. – М.: Наука, 1990. – 251 с.
7. Беляев Е.А. Некоторые особенности развития математического знания / Е.А. Беляев, Н.А. Киселева, В.Я. Перминов. – М., 1975. – 112 с.
8. Слуцкий М.С. Взаимосвязь философии и естествознания / М.С. Слуцкий – М.: Высш. школа, 1973. – 119 с.
9. Мелюхин С.Т. Философские проблемы естествознания / С.Т. Мелюхин, Ю.А. Петров, Г.И. Рузавин и др. – М.: Высш. школа, 1985. – 400 с.
10. Алексеев А.Ю. Парадоксы и противоречия искусственного интеллекта: 90 лет первой теореме К. Гёделя о неполноте и 60 лет аргументу Дж. Лукаса / А.Ю. Алексеев, А.А. Ващенко, А.С. Зайкова // Философия науки и техники. – 2023. – Т. 28. №2. С. 156-169.
11. Colbrook M. The difficulty of computing stable and accurate neural networks: On the barriers of deep learning and Smaile's 18th problem / M. Colbrook, V. Antun, C. Hansen // Proceedings of the national Academy of Science, 119 (12) 2022.
12. K Gödel, Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I. Monatsh. Math. Phys. 38, 173–198 (1931).
13. A. Turing, On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem. Proc. Lond. Math. Soc. 42, 230–265 (1936).
14. S. Smale, Mathematical problems for the next century. Math. Intell. 20, 7–15 (1998).

© Пак Эллы Ефимовна (pakella779@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

CULTURAL-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE FAMILY AS A SOCIAL PHENOMENON

V. Skopa

Summary: The article presents an attempt at a cultural and philosophical understanding of the family as a social phenomenon. It is determined that the family is perceived not only as an individual unit consisting of blood ties, but also as a complex social phenomenon that plays a key role in the formation of cultural identity and social norms. In the context of historical development, it becomes obvious that family culture varies depending on historical, economic and social conditions. Throughout history, the forms of family relations and their content have changed. The philosophical-anthropological and philosophical-cultural approaches allow us to understand why certain forms of marriage and crises in the family appeared. It is established that the family not only reflects cultural heritage and traditions, but also serves as a basis for the formation of personal and collective identity.

Keywords: family, culture, philosophical understanding of family, gender, society, generations, philosophy.

Аннотация: В представленной статье предпринята попытка культурфилософского осмысления семьи как социального феномена. Определено, что семья воспринимается не только как индивидуальная единица, состоящая из кровных связей, но и как сложный социальный феномен, играющий ключевую роль в формировании культурной идентичности и социальных норм. В контексте исторического развития становится очевидным, что культура семьи варьируется в зависимости от исторических, экономических и социальных условий. На протяжении истории изменялись формы семейных отношений и их содержание. Философско-антропологический и философско-культурологический подходы позволяют понять, почему появлялись определенные формы брака и кризисы в семье. Установлено, что семья не только отображает культурное наследие и традиции, но и служит основой для формирования личной и коллективной идентичности.

Ключевые слова: семья, культурфилософское осмысление семьи, гендер, общество, поколение, философия.

Семья – это один из наиболее крепких и устойчивых институтов общества, корни которого уходят в далекое прошлое. В культурфилософском аспекте семья воспринимается не только как индивидуальная единица, состоящая из кровных связей, но и как сложный социальный феномен, играющий ключевую роль в формировании культурной идентичности и социальных норм [10]. Культура семьи варьируется в зависимости от исторических, экономических и социальных условий. Различия в семейных структурах, традициях и ритуалах часто отражают уникальные культурные контексты. Например, в странах с сильными патриархальными традициями семья может восприниматься как единый клан, в то время как в более индивидуалистичных обществах акцент делается на малой семье, состоящей из родителей и детей [1].

На протяжении всей своей истории семья всегда занимала ключевое место в жизни человека, являясь важнейшим элементом социального устройства и исполняя значимые функции. Впервые проблематика семьи стала частью философского обсуждения в эпоху древнегреческой мысли. Изучение семьи как социального и культурфилософского явления включает в себя анализ её множества функций и значимости как для личности, так и для общества в целом. В ходе исторического развития

наблюдается значительная эволюция в обоих направлениях. Изначально семья выступает как простейший социальный элемент, организующий отношения между супругами, родителями и детьми. С течением времени её роль трансформируется, превращаясь в основу общественной жизни. Однако современные социально-культурные изменения, отличающиеся своей противоречивостью, привели к смещению ценностных ориентиров, изменяя восприятие семьи и брака [12].

Культурфилософское осмысление семьи позволяет углубиться в изучение её роли как хранителя и транслятора культурных ценностей. Семейные традиции, обычаи и обряды становятся связующим звеном, обеспечивая преемственность от поколения к поколению. Это важно не только для сохранения культурного наследия, но и для формирования идентичности личности в современном глобализированном мире. Сложности, с которыми сталкиваются семьи в современном обществе, включая стресс, социокультурные изменения и экономические трудности, подчеркивают важность поддержки и уважения к каждому члену семьи как основы здоровых отношений. Культурфилософское осмысление этих аспектов помогает выявить глубинные смыслы и ценности, которые лежат в основе семейной жизни. Особую сложность создаёт процесс переоценки семей-

ных идеалов, который сопровождается усилением негативных тенденций и снижением значимости семьи как социального института [15]. Этот момент подчеркивает необходимость заново переосмыслить роль и значение семьи в современном обществе в контексте культурфилософского подхода.

Вопросы, связанные с семьей и браком, всегда вызвали живейший интерес, ведь именно в семейной среде закладываются основы ценностных установок. Здесь ребенок учится формировать отношение к себе, к окружающим и к миру в целом. Именно в семейном кругу мы получаем первые жизненные уроки. Семья играет уникальную роль в формировании личности, и её нельзя заменить ни одной иной социальной группой.

Как в отечественной, так и зарубежной историографии проблема семьи рассматривалась философами, психологами, социологами, педагогами и другими специалистами. Одни считают, что мы являемся свидетелями трансформации семейного института, тогда как другие полагают, что нынешние изменения в семье несут негативный характер, который во многом связан с трансформацией общества в целом и смещением ценностных ориентиров в частности [4, 8, 11, 13, 14]. В настоящее время многие социологи, демографы и психологи подчеркивают негативное влияние изменений в семье ссылаясь на нравственное и этическое состояние общества в целом и на демографические динамики в отдельности.

Философские исследования, которые включают анализ историко-философского и культурфилософского материала, помогают создать целостное представление о семейно-брачных отношениях. При данном подходе семья понимается как сложная социальная структура и модель мировосприятия. Чтобы правильно оценить трансформации, происходящие в семейном институте в XXI столетии, необходимо изучить научные и философские подходы, рассматривающие семью как особую платформу социализации.

Семья является одним из ключевых социальных институтов, отражающих тенденции общественного развития. Она служит основой социализации личности и исторической передачей моральных и культурных ценностей. Известный философ В. В. Розанов подчеркивал, что «семья – наше ближнее и самое дорогое отечество; пространственно – место наших самых крепких связей; духовно – пространство идеализма» [8, С. 85]. Для философа семейные вопросы были центральными в общественной жизни.

Сегодня как никогда важно иметь духовно крепкую семью, которая воспитывает личность с крепким моральным и физическим состоянием. Без сомнения, нравственное здоровье молодого поколения прямо влияет

на общее здоровье нации. На протяжении истории изменялись и формы семейных отношений, и их содержание, в том числе между супругами. Философско-антропологический и философско-культурологический подход позволяет нам понять, почему появлялись определенные формы брака и кризисы в семье. Следует исследовать перемены, происходящие в современных российских семейных структурах, являющихся хранителями культурно-нравственных традиций, а также изучать виды брака и семейных форм в традиционных обществах.

Семья представляет собой многогранное явление в социокультурной среде. Она уникальна тем, что способна объединить все аспекты человеческого бытия и проявиться на общественном уровне – от персонального до общественно-культурного [12]. Внутренняя структура семьи может условно разделяться на три блока: природно-биологические связи; экономические, связанные с ведением хозяйства; и духовно-психологические, которые проистекают из супружеской и родительской любви, заботы о детях и пожилых, а также моральных норм. Совокупность этих отношений делает семью своеобразным социокультурным феноменом, ибо простое совместное проживание мужчины и женщины без формального признания и общего быта, таковым явлением не является.

Семья и брак – понятия не тождественные. Брак представляет собой форму взаимоотношений между мужчиной и женщиной, посредством которой общество формализует их права, обязанности и регулирует интимные взаимоотношения – и этот институт исторически меняется. В отличие от брака, семья являет собой более комплексную систему взаимодействий, связующую не только супругов, но и детей, и более широкую родню. Посему семью следует рассматривать как социальный институт, а не просто как общественную ячейку.

Семейная жизнь проходит через несколько значимых этапов: вступление в брак, рождение детей, завершение деторождения, отделение последнего ребенка от родителей и, в конечном итоге, уход из жизни одного из супругов. Функции семьи раскрывают ее сущность и демонстрируют активные аспекты ее существования. В большинстве обществ выделяются репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-бытовая, экономическая, культурного обогащения, социальная, досуговая и эмоциональная функции. И хотя они могут различаться по своей значимости в каждой конкретной семье, все они играют свою роль.

Крупные ученые XIX века, такие как Ф. Ле-Пле, Л. Морган и Дж. Ф. Мак-Леннан, исследовали историческое развитие семейных форм. Их структурно-функциональный подход стремится выявить общие черты в разнообразных семейных типах и продвинул понимание семьи как

социального института. До середины XIX века общество мыслилось расширенной семьей, где семейные отношения являлись основой социума. С зарождением интереса к истории человечества появляется концепция эволюции семейного строя. Так, Льюис Морган исследовал изменчивость брака и семьи. С 1868 по 1877 годы он опубликовал значимые работы, включая книгу «Древнее общество», в которой иллюстрировал путь от хаотичных половых связей к индивидуальному браку. Морган обозначает формы семейных связей, начиная с кровнородственной семьи. Семья, сформированная из родственных связей, за исключением сестёр и братьев, известна как пуналуальная. Структура, в которой большие родственные группы уступили место брачным парам, называется синдиасмической или парной семьёй. Семья, находящаяся под доминированием отца, созданная из числа свободных и несвободных людей для обработки земель и управления хозяйством, именуется патриархальной семьёй. Полностью индивидуализированная форма семьи известна как моногамная семья [6].

Главные идеи, изложенные Морганом, отражены в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Подобно Моргану, Энгельс утверждает, что моногамия утвердилась благодаря женщине, так как мужчины сами бы не отказались от предыдущих форм брака. Этот тезис подтверждается тем фактом, что в современности моногамия в большей степени касается женщин, чем мужчин.

В России традиция исследований на тему семьи начинается с работ этнографа М.М. Ковалевского, который в своих трудах опирался на генетическую социологию. В своём труде «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» Ковалевский делал акцент на этнографическом подходе, придерживаясь мнения о необходимости учитывать архаичные особенности каждой культуры для выявления закономерностей [3].

Ковалевский предложил следующую схему развития семьи:

Матриархальная семья. В таких семьях родство определялось по материнской линии, а брат матери исполнял роль главного добытчика и защитника. По мнению Ковалевского, в условиях матриархата женщина не обладала господствующим положением, так как главенствовали мужчины – брат матери, муж или отец. Однако в зрелом матриархате, как демонстрируют этнографические сведения, женщины преобладали.

Патриархальная семья представляла собой родовое сообщество, члены которого были тесно связаны друг с другом. Они были потомками одного предка, живя под одной крышей и совместно управляли имуществом. Из-за полного подчинения семьи одному руководителю – отцу и мужу – патриархальная семья стала распадаться, что привело к утрате личной свободы.

Согласно Ковалевскому, индивидуальная семья составляет основу современного порядка [3]. Это усиливает понимание, что равноправные отношения супругов изменяют семейные связи, превращая их в союз равноправных партнёров.

Морган Л., Ковалевский М. и другие исследователи изучали предыдущие стадии становления семьи и осознавали: рассматривая современные индивидуализированные семьи, нельзя предсказать возможные трансформации этого института в будущем. Если проанализировать семейное воспитание и взаимодействие в семьях в России, становится ясно, что они глубоко укоренены в духовно-нравственных традициях. Главным регулятором внутри семейных отношений выступает христианство. История развития общества свидетельствует: именно православие преобразило восприятие человека. До принятия христианства на Руси государство не вмешивалось в семейно-брачные отношения, которые регулировались обычаями. Брачные союзы формировались после того, как жених похищал невесту. Молодые люди собирались на берегах водоёмов на игры и песни, чтобы выбрать себе пару, после чего следовало «умыкание» невесты, оговорённое заранее обеими сторонами. По отношению к государю мужчина был его подданным, но в своей семье выступал как глава. Все члены семьи, включая слуг, были в полном его властелине. Одной из обязанностей главы семейства являлось усмирение всех его членов, включая жену и детей, посредством наказания. Вдовы пользовались значительным уважением. После кончины мужа вдова становилась главной в доме и возглавляла семейство.

Многие византийские правовые нормы были внедрены в быт после Крещения Руси, включая и регуляции брачных отношений. Связи внутри семьи регулировались церковными канонами. По византийскому праву возраст вступления в брак для мужчин наступал в 14–15 лет, а для женщин – в 12–13 лет. В «Поучении Владимира Мономаха» содержится наставление: князь призывает детей соблюдать благочестие и делать добро [5].

Основным документом для регулирования семейных взаимоотношений в XVI веке был «Домострой». В «Домострое» высоко оценена роль жены и матери, ведь она регулировала эмоциональные аспекты жизни семьи. В давние времена забота о духовном и физическом состоянии всех домочадцев была главной обязанностью главы семейства [2]. Женская роль включала в себя умение быть управляющей хозяйкой и искусной рукодельницей, а также воспитательницей дочерей, в то время как сыновья обучались под бдительным наставничеством отца. Решения по семейным вопросам принимались в рамках откровенных обсуждений между супругами, чем обеспечивалось их единение.

В «Домострое» забота о детях представлялась как

естественный порыв, наряду с желанием поддерживать их физическое благополучие, тогда как духовное развитие получало менее важное значение. Дети более походили на помощников в доме, нежели были близки к родителям. Их почти беспрекословное подчинение родительской воле оставалось главным долгом от юности до старости родителей. На протяжении множества поколений семейный уклад был патриархальным, и брачные узы могли быть разорваны лишь смертью или разводом.

Наступившее в начале XX века равноправие полов привнесло резкие перемены в семейные и брачные отношения, традиционный уклад отступил, уступая место более равноправным формам существования семьи. Такие изменения сопровождалось сокращением рождаемости и стремлением к уменьшению семейного состава.

Следующая трансформация коснулась рождения детей: число многодетных семей стало сокращаться, уступая место тем, в которых рождались один или два ребенка. К середине 80-х годов прошлого столетия стала заметной тенденция снижения рождаемости и роста смертности, а бездетные семьи показали значительный рост. На данном этапе существуют несколько типов семей: традиционная (патриархальная), современная (детоцентристская), постсовременная (супружеская), неполная, а также формы вроде конкубината и полигамии. Не редкость и ситуации, когда супруги предпочитают жить отдельно, практикуя так называемый гостевой брак.

Патриархальный уклад взаимоотношений восходит к разрушению материнского права, и этого типа свойственны кровнородственные связи, зависимость детей от родителей, а женщины – от мужа. Как отмечено в трудах Т.И. Липич и Е.А. Марьясовой, женская покорность сопровождала женщину всю ее жизнь [5].

Детоцентристский уклад предполагает, что дети – это главный смысл существования семьи. Родители направляют все свои усилия на создание максимально благоприятной среды для детей, стремясь к их успеху и высокому социальному статусу. Акцент делается на интимные аспекты брака и регулирование количества детей.

На стыке XX и XXI веков получили распространение фактические браки и материнские семьи. Некоторые исследователи, в том числе И.М. Невлева, считают, что традиционная патриархальная семья более успешно выполняет задачи социализации [7]. Несмотря на

устойчивость этого института, современные семьи подвергаются влиянию разрушительных факторов, таких как алкоголизация, жилищные проблемы и изменение традиционных гендерных ролей. Влияние на семейные отношения также оказывает стремление к индивидуализму, что привело к сокращению числа детей и упадку интереса к семейным традициям.

Рассматривая семью как социальный феномен, можно отметить, что она выполняет функцию социального микрокосмоса, где у человека формируются основные жизненные навыки и ценности. В ней проходит процесс социализации, во время которого индивид знакомится с нормами, ролями и ожиданиями общества. Выстраивание отношений внутри семьи помогает формировать социальные навыки, такие как эмпатия, коммуникация и разрешение конфликтов. На культурфилософском уровне семья может быть представлена как пространство, где пересекаются различные культурные потоки и влияния. В условиях мультикультурного общества семья олицетворяет обмен и взаимодействие культур, что способствует разнообразию и обогащению общественной жизни.

Этические аспекты семейных отношений становятся предметом обсуждения в контексте современных вызовов, таких как изменение традиционных семейных моделей и вопросы гендерного равенства. Семья рассматривается не только как экономическая ячейка, но и как моральный институт, задача которого – поддерживать добродетель и общественные нормы.

Таким образом, семья как социальный феномен в культурфилософском осмыслении представляет собой многогранный объект исследования. Она не только отображает культурное наследие и традиции, но и служит ареной для формирования личной и коллективной идентичности. В условиях быстроменяющегося мира скорость и глубина этих изменений требуют нового подхода к пониманию и оценке роли семьи в жизни индивида и общества в целом. Современная российская семья – это результат социальной эволюции, включающей трансформации в мировосприятии, культуре и семейных отношениях. Несмотря на все перемены, семья остается важнейшей основой для развития личности. Исследование культурфилософских взглядов на категорию семьи дает возможность отследить её генезис и понять преемственность и динамику представлений в изучении этого явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавров С.Н. Семья в контексте традиционного российского общества: экономические и социокультурные аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 2(11). – С. 12-19.
2. Домострой. СПб.: Наука, 1994. – 185 с.

3. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Либроком, 2011. – 214 с.
4. Курило С.Н. Семья как объект социально-философского осмысления // Научно-информационный журнал «Армия и общество». 2015. № 1(44). – С. 114–117.
5. Липич Т.И., Марьясова Е.А. Влияние гендерных факторов на развитие женской личности в эпоху патриархата // Научные Ведомости НИУ «БелГУ». Серия Философия. Социология. Право. № 8 (205). Вып. 32. 2015. – С. 88.
6. Морган Л.Г. Древнее общество или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934. – 385 с.
7. Невлева И.М. Социально-экономические и функциональные особенности современной семьи в России // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права: Международный научно-теоретический журнал. 2012. № 4 (44). – С. 53–57.
8. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. М. 1995. – 184 с.
9. Рудницкая Т.Ю. Проблема семьи: историко-философский дискурс // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20. № 6. – С. 144–148.
10. Сидоров В.А. Институт семьи в современных отечественных и зарубежных исследованиях // Человеческий капитал. 2014. № 8(68). – С. 29–31.
11. Скопа В.А. Толерантное отношение в системе взаимодействия «семья-ребенок-школа»: проблема развития и механизмы формирования // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 11-2. – С. 96–99.
12. Хакимова З.А. Роль семьи в обществе и ее социально-философская интерпретация // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016. Т. 49. № 4. – С. 45–50.
13. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы. М.: Финансы и статистика, 1978. – 196 с.
14. Хубиев Б.Б. Семья как социально-ценностная общность форм бытия человека. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2007. – 170 с.
15. Юрданова М.Э. Семья в фокусе современных социальных проблем общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 2. – С. 344–347.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Barylnik S. – Applicant, Saratov State University

Belavina I. – Postgraduate student, Moscow State Institute of Culture (Khimki)

Bulakh K. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Demchenko N. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Dombrin I. – Southern Federal University, Rostov-on-Don

Du Kunliang – Postgraduate student, Lomonosov State University

Han Quanhui – Professor, Central China Normal University

Khamzin T. – Senior Developer, Sapiens Solutions LLC

Khamzina Yu. – PhD student, Tyumen State University

Kovalenko M. – Director, National Academy of the Humanities

Kudina Ya. – Senior Lecturer, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Kutovoy D. – Senior Lecturer, Taganrog Institute of Management and Economics (TIUE)

Li N. – Postgraduate student, Saint-Petersburg State University

Li Zhenhao – Postgraduate, Moscow State University

Our authors

Nepomnyashchiy A. – Doctor of pedagogical sciences, Candidate of technical sciences, Professor, Southern Federal University

Pak A. – Postgraduate student, Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts, Moscow region

Pak E. – PhD, SMTU, St. Petersburg

Pavlenko A. – postgraduate student, Moscow Institute of Psychoanalysis; Director, Institute of Group Therapy «Integration», Moscow

Petkov V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Kuban State University (Krasnodar)

Petrukhina A. – Chairman of the Union of Industrialists and Entrepreneurs “Ivolga”, (Moscow region, Russia)

Popova Ju. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Kuban State University (Krasnodar)

Shangua I. – Brand Director of Trading House Culture at Home LLC

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Svirskaya E. – Senior Lecturer, Moscow State Institute of Culture

Ushanova N. – Postgraduate student, Crimean Engineering and Pedagogical University University named after Fevzi Yakubov

Yu Ning – Teacher, Jilin Normal University

Zavada S. – Postgraduate Student, Southern Federal University

Zhu Yafei – Central China Normal University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).